

Дмитрий Стрешнев

В ПОИСКАХ МУЗЫКИ

записки юного москвича 1970-х

ЗАПИСЬ НА ЛИСТКЕ, НАЙДЕННОМ В ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ

Когда я умру, я хочу оставить после себя хорошую музыку. Только хорошую музыку и ничего больше. Чтобы у каждого, кто ее слышал, то безумно билось, то умирало сердце. Чтобы эта музыка поднимала человека и несла его, словно на крыльях, далеко-далеко, в неясную туманную страну. И еще я хочу, чтобы в моей музыке пели скрипки. Очень много скрипок. И рояль. Непременно рояль. Вот моя самая лучшая мечта.

Но увы! Почему- то самые сокровенные, самые лучшие мечты не сбываются, и моя музыка, наверное, никогда не зазвучит у меня в сердце. Никогда, наверное, тот удивительный огонь, что вдруг вспыхивает в моей груди, не превратится в обжигающую мелодию. Никогда под чуткими пальцами музыкантов не застнут скрипки. И рояль...

Если вы не понимаете этого, то лучше дальше не читайте. Бросьте на этом самом месте, ясно? А тому, кто станет читать дальше, будет, может быть, смешно, но я скажу:

Любовь это единственное, что важнее музыки.

Любовь свободна как ветер. Она неуловима, она резвится среди нас, как хочет, то шепча безумные слова, то успокаивая неслышным прикосновением. Любовь всемогуща. Она заставляет немого кричать, она превращает в сумасшедших самых умных и рассудительных и топит в тоске самых веселых. Любовь вздорна. Она является внезапно и все разрушает, разлучает друзей и делает их врагами. Любовь прекрасна и непонятна. Она словно проснувшийся невинный цветок, словно одинокая звезда в глубокой черноте ночи. Вот что такое любовь.

Так можно ли найти слова, простые, но самые огненные слова, чтобы рассказать о ней? Нет! Мои руки опускаются, и я бессильно закрываю глаза. Разве можно запечатать в бутылку лунный свет? Разве можно пригвоздить к бумаге солнечный луч?

Великие боги! Даже вы падали под стрелами любви. Значит, нет ничего удивительного в том, что в этом огне горит и погибает мое сердце. Но я не хочу, чтобы было по-другому. Потому что если погаснет этот огонь, то вместе с ним погасну, наверное, и я.

ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ

1.

С чего мне начать?

Может быть, с того светлого летнего дня, когда весь город был залит ослепительным солнцем, и брызги этого солнца долетали в мою комнату? В такой день хорошо строить песчаные замки на шумном пляже и великодушно дарить их красивым девушкам. Или бродить по лесу, подпевая шелестящим вершинам берез и ясеней. Или сидеть с друзьями на веранде кафе.

Но пухлая горбатая книга в синей обложке не разрешала мне оставить неудобный стул, а ровные черные строчки торчали перед глазами как тюремная решетка. Я был в плену у истории арабских стран, которая, словно сказочная огромная

птица Рух держала меня в когтях, грозила экзаменом: «Эй, придурок! Не верти бездумной головой! Наполняй мозги!»

А в окно кричал и смеялся беззаботный летний полдень. Ему не было никакого дела ни до истории, ни до грамматики. Он звал: «Пойдем со мной! Я покажу тебе, как блестит под солнцем город, как ежится река от ветра... А ты когда-нибудь слышал, как растут деревья? Пойдем! Я покажу тебе праздник жизни!»

(Вот так, мне казалось, он звал. Но я никогда никому не скажу об этом, потому что надо мной будут смеяться. И мне тоже никто никогда такого не скажет.)

Не отвечая на этот зов, я стискивал зубы и снова и снова переходил вместе с Мухаммедом Али горы Неджда, чтобы покарать ваххабитов.

И вдруг – звонок.

Телефон тоже словно чувствовал, что за окном – веселое начало лета. Он заливался, как соловей.

Я знал, кто это звонит. Знал и потому не торопился отвечать. Я знал: сниму трубку – и знакомый голос скажет:

- Тимка...

Я снова погрузился в арабскую историю. Теперь я нес на баррикады знамя восстания Ораби-паши и стрелял из-за угла в хаки английских солдат.

«Тысячи крестьян и горожан записывались добровольцами в армию. Тысячи крестьян и горожан... записывались... Феллахи с величайшей охотой отдавали свои скромные сбережения... Феллахи отдавали... с величайшей охотой...»

Телефон уже не пел. Он отвратительно и злобно дребезжал.

«Начало военных действий вызвало недовольство держав. Россия в знак протеста... отозвала... с Константинопольской конференции...»

Нет, это невозможно!

Я снял трубку.

- Алло!

- Тимка...

Любил ли я ее? Мне кажется, любил. Давно? В общем, довольно давно, четыре месяца назад. Это началось зимой. Странно, правда? Не весной, как принято у нормальных людей. Мне было тогда на год меньше, то есть семнадцать, когда каникулы свели нас в одном пансионате. Пансионат назывался не то «Молодость», не то «Здоровье» – в общем, что-то в этом бодром роде. Я отправился туда с двумя институтскими друзьями – Серегой Волченковым (он же просто Волчок) и Леонидом Рундуковским.

Еще в автобусе один отличник с исторического факультета поведал, что пансионат в эпоху частной собственности был загородным имением какого-то тугого мешка. Сначала, конечно, сказали, что Саввы Морозова, - он у нас отчего-то самый популярный капиталист – но потом, что вроде бы не его.

Пансионат начинался с забора и каменных ворот, в которые знаменитый фабрикант, наверное, влетал стрелой на рысках, и какой-нибудь дворник Василий рвал со своей головы ему вслед лохматый треух (или что там дворники носили на голове в те мрачные годы?). Мы же проделали этот путь пешком, потому что теперь на воротах висел «кирпич». Мы высадились – еще не знакомые друг с другом мальчики и девочки – с лыжами наперевес, с легкими матерчатыми чемоданами. Девчонки молчали, только крутили головами, а парни, как водится, сразу начали галдеть и отпускать идиотские шуточки: утверждали себя на новом месте.

Автобус, зарывчав, ушел. Мы подождали, сами не зная чего, а потом, подняв чемоданы, пошли искать администрацию. Это оказалось не так-то легко, потому что злодей-фабрикант из-за своей частной прихоти раскидал строения, которые теперь превратились в корпуса пансионата, по большому сосновому парку. Когда всю шпану распределяли по комнатам, Серега, Леонид и я выпросили себе место в одноэтажном ветхом флигеле, поставленном на ремонт. Не то, чтобы нам так уж хотелось умываться по утрам ледяной водой и самим расчищать снег у дверей. Секрет был в том, что у каждого из нас на эти каникулярные дни были припасены важные дела. Я, например,

торжественно обещал себе подчистить арабский (после того, как сдача новогоднего зачета стала для меня приключением Синдбада). Еще я хотел осилить «Бесов» Достоевского, что мне, откровенно говоря, пока не удавалось, хотя отец чуть ли не каждый день жужжал мне в уши, что это должен прочесть каждый, если не желает остаться дураком.

У Сереги с Леонидом, разумеется, тоже были свои «Бесы».

Вот почему мы решили отгородиться от мира и наивно полагали, что совершенно исчезли для остальных. Днем мы гуляли по обалденному, прямо мультфильмному, зимнему лесу, после обеда героически занимались делами, а вечером забредали в тамошний клуб – поглазеть на какого-нибудь следователя Сидорова или заграничную красивую любовь. Танцы, как вы догадываетесь, нас не трогали. Еще одним нашим страстным занятием было слушать маленький магнитофон Сереги Волчка. У него всегда такие, я вам скажу, записи, каких я ни у кого не слышал, и все потому, что он не пишет все подряд, как большинство балбесов с магнитофонами. Это потому, что он не сноб. Вы знаете, что значит: «не сноб»? Это значит, что пускай даже десять тысяч человек вокруг будут кричать ему в уши, что «эта вот вещица» ужасно свежая и ужасно клевая, но если она ему не нравится, то он ни за что ее не запишет.

2.

Однажды под вечер - это было день так на пятый – к нам кто-то постучал.

- Войдите, - сказал Серега.

Дверь открылась и вошел незнакомый парень.

- Здорово! - сказал он, оглядывая наше обиталище. - Как живете?

- Нормально, - отозвались мы.

Парень сел на Леонидову кровать, еще малость повертел головой, а потом солидно сказал:

- В народе слышно, что у вас есть клевая музыка.

Интересно, откуда это все всегда все знают, подумали мы и невольно посмотрели на Серегу. Серега попытался сделать вид, что не удивлен чужой осведомленностью, и что похвала его несколько не тронула.

- Ну... - сказал он строго, но голос вдруг замурлыкал и выдал, что он польщен. - Есть, может быть... есть кое- что... Шила, как известно, в мешке...

- Ну и как насчет дать послушать музыку народу? - спросил парень.

- Да у нас карманный магнитофон, пищит еле...

- А переходник есть?

- Был какой- то...

- Нормально, - уверенно сказал он. – У нас в радиорубке – усилочек.

- Что? - не поняли мы.

- Усилитель, - перевел он.

- А...

- Так как? - спросил парень.

- Ну... вообще- то можно... - протянул Волчок, держа марку.

- Значит, договорились, - заключил парень. - Через час начинаем, учтите.

Он встал, пожал руку сначала Сереге, поскольку тот являлся владельцем музыки, потом нам с Леонидом –и вышел.

- Ну что? Пойдем? - спросил Серега.-Или нет?

- Ты что! - сказал Леонид. - Уже ведь пообещали!

Минут через сорок мы отправились к клубу. Перед этим Серега усиленно рылся в кассетах, как будто его должны были четвертовать на рассвете, если музыка не понравится.

- Несомненно, - бормотал он непонятно для кого, - несомненно, народ здесь дремучий... нужно что-нибудь шумное, простое... побольше барабанов и порезвее... и в то же время красивое... Может – «Смоки»? Знаете: пара-ра-та...

Теперь, спотыкаясь на пробитой в снегу тропе, Серега продолжал бормотать, решая очередной вопрос:

- Что им дать как аперитивчик?.. Может ударить «Возвращением красного барона»?..

В клубе уже набралось народу.

- Шпарьте сюда! - замахал нам давешний парень из голубиноного окна радиорубки под потолком.

Мы поднялись по узкой лестнице.

В рубке, как водится, было тесно от железных ящиков аппаратуры, от коробок с запасными лампами и лохматых куч проводов. Но мы все равно втиснулись туда все трое и, пока Серега с радистом занимались делом, мы с Леонидом стояли рядом с непререкаемым видом, намекающим на необходимость нашего присутствия.

Потом мне захотелось выглянуть из голубиноного окна в зал. Было очень приятно, когда мальчики и девочки, которые толпились внизу, стали, задрав головы, смотреть на меня, а я парил над ними на одном уровне с люстрой.

- Музыка давай! - заревели наконец голоса.

- Сейчас такую пустим – упадете! - пообещал я.

Скоро всем надоело задирать на меня головы, но я продолжал торчать в окне, слушая за спиной деловой диалог Сереги с радистом:

- Какой-то фон идет...

- А ты верно включил?..

И невозмутимый голос Леонида:

- А может, вон туда воткнуть?

Потом я заметил внизу одну девушку. У нее были густые завитые волосы золотистого цвета. Густые и, наверное, очень душистые волосы. Во всяком случае, мне так казалось. Такую девушку нельзя было не заметить. На самом-то деле я давно уже выделил ее из всех других обитательниц пансионата: при ежедневных встречах в столовой, на позавчерашней экскурсии в Загорск... Но только я никогда бы не признался себе в этом.

Меж тем хозяин радиорубки временно пустил в зал немудрячие мелодии с радиоприемника, но никто не начинал танцевать, ожидая обещанную музыку – от которой падают.

Прошло еще минуты три.

Вдруг на лестнице, ведущей в наше орлиное гнездо, послышались голоса: кто-то поднимался. Вернее – поднимались.

- Идут разгневанные народные массы! - сказал я.

Дверь открылась, и я замолчал, позабыв закрыть рот. Через секунду я его уже закрыл и во все глаза смотрел на девушку в голубом свитере. Ту самую. С ней вошли двое парней (разумеется, из свиты), но они меня мало занимали.

- Мы от народа, - сказала девушка, и я наконец рассмотрел хорошенько ее волосы, блестящие блеском старого золота. - Когда же наконец будет музыка?

- Сейчас и будет, - забубнил Серега. - Не видно разве, что мы стараемся?

- Музыка заводите – это вам не репу сеять! - сморозил я.

Золотая девушка посмотрела в мою сторону. Я вдруг почувствовал себя ужасно глупым и ждал в ответ что-нибудь убийственное, но она вдруг кивнула и сказала, обращаясь ко мне:

- Только поставьте самую хорошую музыку, ладно?

У нее был маленький рот и карие глаза.

Я развел руками.

- У нас вся музыка замечательная!

Я улыбался? Конечно, я улыбался!

- Что же, послушаем, - сказала девушка, и все трое вышли.

- Ну... как у тебя там, Серега? - спросил я почти тут же.

- Готово, - успокоил Волчок.

Снаружи, в зале, в воздухе лопнули и раскатились тугие удары музыки.

- Поехало! - почти заорал Серега.

Я, конечно, сразу узнал «Шокинг блю» и понял, что вот- вот пронзительный голос Маришки Вереш закричит: «ши з гот ит!..» – « у нее это есть!». Классная вещь!

- Ну как? - спросил Серега. Он сиял.

Его маленький магнитофон, трудолюбиво жужжа, крутился себе, и его тихий шепот, усиленный в тысячу раз, брызгал из динамиков оглушительным фонтаном.

- Классно! - сказал я. - Пошли вниз.

Музыка действительно была, что надо: все прыгали как заводные. Одно слово – «Шизгара». Мы пробились сквозь тела и встали в угол. Я стал искать ту самую фею, но было слишком тесно и много верзил, а она была такая изящная! Впрочем, не уверен, что я бы осмелился к ней подойти. Наконец, когда началась третья вещь, я решил все же пригласить одну девчонку с большими зелеными глазами. Я подошел и сказал:

- Здравствуйте, девушка. Скучаете?

Она почему- то посмотрела на меня, как на какую-нибудь редкую выхухоль.

- Разрешите вас пригласить?

- Нет, - сказала она и отвернулась. Такая странная девушка!

Я отошел, несколько обескураженный, но вдруг услышал сзади:

- Эй, подожди!

Я еле расслышал этот голос сквозь музыку – такой он был слабый, - но очень знакомый. Я обернулся и замер: золотая девушка шла ко мне, улыбаясь. Золотые волосы над голубым свитером, солнце над морем... Ну как я мог не остановиться, потрясенный!

- Танцуешь? - спросила фея, приблизившись.

- Танцую! - храбро ответил я.

Мы пробрались сквозь пары в уютную середину и она положила руки мне на плечи.

- Как тебя зовут?

- Тимофей.

- А я – Валерия. Лера.

- Чудесное имя, - сказал я.

- Тебе нравится?

- Очень.

Что еще я мог сказать?

- А мне Тимофей – не очень.

Я почувствовал себя обиженным.

- У тебя просто плохой вкус.

- Значит, я зря пригласила тебя? Мой вкус ошибся?

- Действительно, почему ты вдруг пригласила меня? Разве это белый танец?

- Это серо-буро-малиновый танец.

- А по-моему – золотой.

- Почему?

- Потому что я никогда еще не танцевал с золотой девушкой.

- Это я – золотая?

- Да.

- Глупый! Я же крашусь!

Она засмеялась, но я почему- то нисколько не обиделся.

- Вот как! - сказал я. - Значит, на самом деле золотых девушек не существует?

- Не знаю, - сказала она. - Может, в каких-нибудь сказках найдешь. Хочешь – поищи там.

- А все- таки, почему ты меня пригласила?

- Не знаю. Просто решила: дай приглашу того неудачливого кавалера.

Значит, она видела, как меня отшили. Это неприятно задело меня.

Тем временем музыка уже кончалась, а мне было так жалко, что фея уйдет, и я больше не буду видеть себя в этих карих глазах и мои ладони остынут тепла ее тела.

- Может, оставишь мне следующий танец? - спросил я.

Она поглядела на меня, и ее взгляд и улыбка сказали мне:

«Ну конечно!»

и еще:

«Глупый! Если бы я не хотела этого, разве бы я пригласила тебя?»

и еще:

«Но только не думай, что ты такой неотразимый!»

Поэтому она спросила:

- А зачем? Разве мы не обо всем уже поговорили?

Последние аккорды песни уже растаяли, и было слышно только похрюкивание динамиков.

- Теперь я приглашаю тебя, - сказал я, и тут снова грянула музыка.

- А если я откажусь? - строптиво спросила она, но я крепко обнял ее за талию.

- Поздно.

Потом я повел Леру знакомиться с Серегой и Леонидом.

- Это Лера, - объявил я. - А это, познакомься: Сергей и Леонид.

- Почему вы не танцуете? - спросила Лера.

- Надоело, - сморозил Волчок.

- Тогда давайте станцуем все вместе, - сказала она.

Она схватила Серегу Волчка за руку и потащила в водоворот.

- Ну, как она, а? - уллучив минуту, гордо спросил я у Леонида.

- Вполне, - милостиво одобрил Леонид.

Потом мы танцевали. Все вместе, как хотела Лера, и даже более того, потому что к нам пристроился кое-кто из зала. Серега совсем разошелся: он вдруг выскакивал в центр круга и топтался там, как медведь на ярмарке. «Смотри, девушка, - казалось, хотел сказать он Лере про меня, - это хороший парень. Смотри, какие у него веселые и забавные друзья. Оставайся с ним - и с нами тебе не будет скучно!»

После в круг выходила Лера. Она сплетала над головой руки, и я говорил себе: не так ли танцуют русалки в синем сумраке ночи над бледными лилиями лесного озера? Мы обменивались с ней быстрыми взглядами, смелыми и манящими. Это было только наше, тайное. Это было здорово.

3.

Мы не расставались с Лерой весь вечер.

Когда же танцы кончились, она взяла меня за палец и сказала:

- Знаешь, у нас тут затевается вечеринка. Ты хочешь пойти?

- М- м... - протянул я. - Меня, собственно, не приглашали...

- Ну и что же? Ты придешь со мной!

- А как твоя свита?

- Какая?

- Те двое, что пришли в радиорубку.

- А!.. Я их уже отослала.

- Все равно, - сказал я. - Ведь там наверняка складчина.

- Да.

- Так я не вносил пай.

- Верно... - сказала Лера, на минуту задумалась, но тут же придумала: - Слушай, ты же можешь придти с магнитофоном!

- Ты считаешь?

- Уверена. Там, кажется, как раз были проблемы с музыкой.

- Хорошо. Подожди немного.

Я помчался наверх, в радиорубку, где Волчок собирал кассеты и сворачивал какой-то гибкий шнур.

- Сереженька, - промурлыкал я, - вы домой?

- А то куда же! - сказал Леонид. - А ты что - нет?

Потом он вспомнил и махнул рукой:

- Ах, да! Тебе, небось, еще провожать.
- Я привык провожать даму с музыкой, - расставил я сети.
- С артиллерийским салютом, - сказал Серега, умело огибая намек.
- Дай маг! - сказал я в лоб.
- Ма- а- аг! - протянул он. - Зачем он тебе?
- Надо.
- Понимаешь, - начал объяснять Серега, и было видно, что ему ужасно неудобно, - понимаешь, мне вообще-то не жалко, но его сегодня уже столько гоняли...
- Ну да, - сказал я. - Ты вообще-то добрый, ты просто удачно это скрываешь. Такого он, конечно, не мог вынести.
- Бери, - сказал он мрачно.
Победитель, я спустился к Лере.
- Вот, - сказал я, небрежно помахивая магнитофоном. - Самые лучшие записи на заграничных языках и даже на отечественном: «Твои глаза – как гроза».
- Обожаю! - сказала Лера. - Побежали в четвертый корпус!
Четвертый корпус оказался деревянным, похожим на чеховскую дачу: несколько комнат со скрипучими полами и две веранды. Общество собралось в самой большой комнате: человек около двадцати заседали за длинным столом, умело созданным из трех тумбочек и нескольких досок. Только во главе сборища несколько человек видели за одним-единственным действительно самым настоящим столом. Наверное, это были хозяева помещения.
Когда мы с Лерой вошли, веселье уже началось. В пузырьчатых стаканах, умыкнутых из столовой, плескалось контрабандно пронесенное вино, жужжали голоса.
- О!.. - слышалось с разных сторон, когда мы с Лерой появились.
Один из хозяев – толстый мальчик с вежливо-снисходительными манерами – даже высочил из-за стола, явно польщенный появлением моей спутницы.
- Здравствуй, Лера!.. И... м- м... - он сделал вид, что силится вспомнить мое имя.
- Тимофей, - сказал я и выставил на стол Серегин магнитофон.
- Bravo! - закричал хозяин. - А ты, Тимофей, оказывается, полезный человек!
- Не отрицаю, - сказал я.
Нас с Лерой усадили и налили нам вина. Потом нам передали картонную тарелку, на которой лежали бутерброды с ветчиной. Мой сосед напротив протянул ко мне свой стакан:
- За знакомство!
- Идет! - сказал я. - Тебя как зовут?
- Как всех, - ответил он.
- То есть? - не понял я.
- Сашей.
- А- а!..
Мы засмеялись и выпили.
- Ничего, - сказал Саша, жуя ветчину, - Тимофей имя тоже неплохое, хоть и редкое.
- А какие записи на твоём магнитофоне? - спросила тонким голосом девчонка слева.
- Самые лучшие, - сказал я.
- Неужели те, что в клубе? - радостно догадались все вокруг.
- Верно.
Я уже чувствовал себя нормально среди всей этой компании. Сашулю напротив обрамляли две девушки, которые тут же сообщили, что учат английскую литературу. Одна из «англичанок» была рыжая и в веснушках, но другая – ничего. Дальше сидела пухлая девица, катающая хлебные шарики. За ней – некто Володя с задумчиво-печальным лицом («Будущая звезда отечественной дипломатии», - шепнула мне Лера), а еще дальше я уже не стал и разглядывать.

Разговоры шли свои, но в целом понятные. Смеялись над каким-то Карбасовым:

- ...Он сам виноват. Зачем пригласил на день рождения иностранца?
- Иностранца? Как интересно!
- Вот псих!
- А откуда иностранец?

- Канадец один, из университета... Зачем ему это было надо? Ну не псих ли? За иностранца ведь по головке не погладят.

- А не потанцевать ли нам? - вдруг спросил кто-то.
- Пора! - зашебетали вокруг.
- А последнюю песню Галича слышали? - невпопад сказал еще голос.
- Да ну тебя, скуку навевать!
- Ты бы еще про политику завел!

Среди всеобщего возмущения пискнуло:

- А кто это – Галич?

На что другой голос резонно ответил:

- Должно быть, человек, который пишет песни.

Все засмеялись.

- А чем вы занимались, гражданин, до семнадцатого года? - добавил кто-то басом.

Опять смех, еще больше смеха.

Только будущее солнце дипломатии Володя молчал и глядел перед собой строго и печально.

- Заводи свою музыкальную шкатулку, - сказал мне Сашуля, - и поставь чего-нибудь ужасного.

Я солидно кивнул, с минуту делал вид, что выбираю нужную кассету, а потом очень удачно поставил «Пэйнт ит блэк» – вы помните, там еще слова: «Я вижу мою красную дверь и хочу, чтобы она была окрашена в черное. Может быть тогда я исчезну и не должен буду глядеть в глаза происходящему».

Я, конечно, сразу пошел танцевать с Лерой. Вернее, топтаться на узком пяточке, оставшемся от комнаты, с заходом в коридор.

Сидевший напротив Сашуля тоже вскочил и даже на секунду зажмурился – так ему понравилась Серегина музыка – и подхватил «англичанку», что получше. Зашевелились и остальные.

- Тебе здесь нравится? - спросила Лера.
- Неплохо, - сказал я. - Это все твои друзья?
- Да нет, - сказала она. - Так просто, знакомые. Компашка...

Тут дверь отворилась и вошли еще две девушки. Толстый мальчик встретил их с поклонами.

- Вот, - бойко сказали они. - Больше ничего не оказалось.

И вручили ему банку с кильками.

Когда они отошли, толстый мальчик повернулся к нам с Лерой и насмешливо сказал, показывая банку:

- С такой наглостью им легко будет жить, верно?
- Хочешь, я их разделаю? - предложил я.
- Этих каштанок? - захолопал он глазами.
- Нет. Кильки.

Он пожал плечами и отошел.

- Что это он? - спросил я Леру. - Разве я сказал что-нибудь неправильное?
- Ты что, в самом деле собирался возиться с кильками? - спросила она.
- Что за ерунда! - сказал я. - Дались вам эти кильки!
- Дело не в кильках, - сказала Лера. - Надо было тебе раньше объяснить.

Понимаешь, здесь такая компания...

- Какая?

- Такая... Здесь почти все из международного вуза и... в общем, твой жест был просто немного странен.

- Понимаю. Я, значит, оказался среди цезарей, - сказал я, но Лера не дала мне продолжить.

- Не надо, - перебила она меня. - Мальчишка!

Она взяла меня за руку и повела танцевать.

Я замолчал, но все равно некоторое время в душе жило что-то неуютное. Вроде плохо проглаженной складки, которая бывает на простыне.

Вокруг уже густо танцевали. Снова стало тесно в коридоре. Лера положила голову мне на плечо, так что я чувствовал немного приторный запах лака для волос. Я поднял руку и коснулся ладонью Лериной щеки. Мне захотелось поцеловать ее. По всем неписанным правилам, мне уже пора было поцеловать ее. Иначе я рисковал прослыть слюнтяем или просто невежей.

- Это что за дверь? - спросил я.

Я знал уже, что там веранда.

- Действительно, интересно, что это за дверь? - сказала Лера, продолжая ту нехитрую игру, которая никого не обманывает.

Я взял ее за руку и потянул за собой.

- Как шикарно! - сказал я, выходя на веранду, где оконные переплеты отпечатали на полу лунный паркет. - Нигде нет веранды шикарнее, правда?

- Посмотри, какой красивый парк, - сказала Лера.

- Просто сказочный парк.

- Чудесная погода, а?

Лера стояла впереди меня, глядя на мутно белеющие снега. Я положил руку ей на плечо, а потом – на теплую и круглую Лерину шею.

- И вправду чудесная погода, - сказал я вдруг на диво хриплым и натянутым голосом.

Потом Лера повернулась – и первая секунда поцелуя застыла у меня на губах долгим осколком вечности.

Мы долго не отпускали друг друга, целовали губы, глаза, нос, зарывались пальцами в волосы. Кто-то менее догадливый заглянул на веранду, но увидел, что место плотно занято, и скрылся. Потом я услышал, как умолк магнитофон, потому что кончилась кассета. Потом кассету перевернули, и снова зазвучала музыка («Калифорния дримз», - отметил я автоматически).

Вдруг музыка за стеной оборвалась, раздался неясный шум, потом послышались тревожные восклицания. Мы с Лерой в недоумении переглянулись и направились к двери, которая тут же отворилась, и навстречу выскочил один из гостей.

- Веселье конец, - сообщил он. - Полночь. Администрация отключила электричество и сейчас пойдет проверять корпуса.

Тотчас следом вывалился еще целый табун, гомоня на разные голоса:

- Разбегайся!

- Долой режим!..

Я все еще сжимал теплую Лерину руку.

- Похоже, что продолжения не будет, - сказал я ей.

Мы нырнули в тьму комнаты. Я нашел умолкнувший магнитофон, ощупью собрал кассеты. Мы с Лерой нашли свои пальто и, пошарив – Лерину шапку.

- Ты проводишь меня? - спросила она.

- Конечно.

Лунным сосновым парком мы пошли к Лериному корпусу: самому большому, с башенкой на крыше. Он был похож на сказочный замок в ту ночь. Или мне просто хотелось, чтобы он был похож?..

Лера постучала в стекло, подружки открыли ей окно, через которое она влезла, потому что в одиннадцать часов двери запирались. Наше обиталище было хорошо тем, что находилось вне контроля администрации, поэтому я еще немного побродил под звездами.

Наконец, я пошел к себе.

- Это ты? - промычал Серега, когда я осторожно поставил рядом с ним магнитофон. - Наконец- то!

Непонятно, кого он имел в виду: меня или магнитофон.

- Тсс! - ответил я. - Я думал, ты уже спишь, голый и стройный, как молодой бог.

- Здорово заливаешь, - хмыкнул он. - Видно, хорошо повеселился.

Растревоженный нашим диалогом Леонид тоже заворочался.

- Почему тебе не шатается до утра? - невнятно спросил он из далекой страны грез.

- Ничего вы не понимаете, - шепотом заругался я и процитировал: - «Все вы на бабочку поэтиного сердца взгромоздитесь в калошах и без калош»!..

Леонид некоторое время переваривал, а потом сказал:

- Я не громоздюсь на бабочек.

4.

Утром я проснулся оттого, что Леонид сел ко мне на постель, стал подскакивать на ней и громко объявлять:

- Теперь моя очередь рассказывать разную ерунду!

- Что за глупые шутки? - забеспокоился я. - Который час?

- Тот самый, - сказал он. - Мы уходим завтракать, ты усек?

Я со стоном откинул одеяло и стал натягивать одежду. Мы шли по парку к столовой, когда Серега предложил сходить посмотреть церковь. Для экскурсии.

- Какая церковь? - спросили мы с Леонидом.

Оказывается, Серега присмотрел одну в окрестностях. «Влез на бугор, - рассказал он, - вижу – стоит. Может старинная?»

- Отличная идея, - сказал я. - Конечно, пойдем поглядим. Может старинная.

Я почему- то чувствовал себя не совсем в своей тарелке в это утро. Больше всего мне не хотелось встречаться с Лерой. Это было очень странно, но мне совсем не хотелось ее видеть, и я крутил головой, готовый в любую минуту спрятаться. Поэтому я снова повторил:

- Замечательная идея!

- Тогда сразу после завтрака и рванем, - сказал Серега.

Он обожал всякие развалины, ржавые щиты и покосившиеся часовни.

- Слушай, - спросил я его. - А ты бы мог отдать пару лет своей жизни, чтобы пожить в каких-нибудь заповедных временах? Без ванны и даже без магнитофона? Вот так запросто взять – и перелететь, если предложат?

Он даже завздыхал от такого соблазна.

- Думаю, не устоял бы.

- Ну, ты даешь!

На самом деле я хотел сказать не это, а сказать, что я ему завидую. А он спросил бы: почему? А я бы ответил: потому что я бы, наверное, отказался. Не смог бы расстаться с какой-нибудь привычной ерундой... или со своей собакой Буксом.

Но я не сказал ему это, а еще раз повторил:

- Ну ты даешь!

На мое счастье Леру мы не встретили ни по дороге ни в столовой. Мы съели макароны и творог и выпили кофе.

Зима в тот год была странная, капризная. То вместе с морозящим дождиком приходила великая оттепель, и все расплзлось киселем, то жестокий мороз вдруг кидался на отмякшую землю, и весь мир промерзал до хрустального звона. Скользя на заледеневших тропинках, мы шли к церкви долго. К тому же она оказалась не так близко, как обещал Серега. Преодолев километра два, мы вышли из леса и наконец увидели ее. Церковь была густо-красная, с позолоченным крестом. Над ней, прославляя полотно Кустодиева, стай вились галки.

- Не старинная, - разочарованно сказал Серега, когда мы подошли. - Лет сто как построена.

Он в этом здорово соображал.

- Нас пустят? - спросил Леонид.

- Церковь не театр, - объяснил Серега. - Пускают без билетов.

Мы толкнули тяжелую дверь.

В церкви было пусто и неярко. Повсюду блестели медные подсвечники, рыжие, словно золотые. Святые с икон смотрели на нас благожелательно, а один какой-то загорелый, совсем коричневый, даже вроде бы благословлял, подняв пальцы. Мы сняли шапки (так приказал Серега) и озирались.

- Никого!.. - шепотом сказал Леонид.

- Может, обедают? - догадался я.

- Все равно, пошли – посмотрим...

Мы медленно двинулись вдоль стен, разглядывая помпезное церковное убранство.

Поп выскочил откуда-то внезапно, как волк из засады. Мы, зайчики, растерялись.

- Здравствуйте, юноши, - сказал служитель культа.

- Здравствуйте...

- Как зовут? - быстро спросил поп.

- Сергей.

- Тимофей.

- Леонид.

- А я – отец Михаил. Крещеные?

- Нет... Не знаем...

- Как же так? - сказал поп и забежал с другой стороны. - А имена самые православные. Обязательно надо креститься! Непорядок.

- Да, да... - промямлили мы. Очень уж не хотелось огорчать хозяина.

Поп снова засуетился.

- Идемте, юноши, я покажу вам храм.

Он вообще очень много двигался, не соблюдал никакой солидности, почесывал бороду. Он был очень молодой, этот отец Михаил. Если бы сбрить ему бороду и нарядить в джинсы, то вполне можно было сходить с ним на лыжах, покидаться снежками и поговорить о девчонках. Наверное, в семинарии он не вылезал из двоек, сидел на «камчатке» и стрелял из рогатки жеваной бумагой...

- Вот это Иисус у смоковницы, - сказал поп, останавливаясь у какого-то изображения на стене, вроде фрески.

- Ага, - согласились мы.

Отец Михаил хотел что-то объяснить – наверное, о смоковнице, - но с внимательным прищуром посмотрел на нас и, махнув нам рукой, побежал в другую сторону. Мы поспешили за ним.

- Вот это интереснее, - сказал поп, показывая нам маленький скромный портретик в багетной рамке в дальнем углу. - Это отец Николай, митрополит Нижегородской общины. Во время Великой Отечественной войны его община собрала миллион рублей и построила колонну танков. Колонна имени Дмитрия Донского. Слышали?

- Он что же, теперь вроде как святой? - спросил я.

Отец Михаил дернул себя за бороду и засмеялся.

- Нет. Но орден ему дали.

Полагая, что произвел на нас впечатление нашим рассказом, хозяин повел нас дальше.

- Иконостас, - представил он, словно в музее. - Основа для иконостаса – что?.. Верно, иконы. Иконы по сторонам Царских врат... вот эти самые, всегда изображают Христа и Богородицу. Видите?

- Прямо экскурсия получается, - заметил Леонид.

- Именуйте как угодно, юноши. Второй ряд иконостаса именуется «Деисус», что значит «моление», и являет собой композицию из нескольких икон. В центре обязательно находится икона Спасителя, а по сторонам ее – Богородица и Иоанн Креститель... Вот это все дальше – архангелы и святые... Интересно?

- Ничего церковь, - сказал Леонид, озираясь.

- Не церковь! Не церковь, молодой человек! - весело закричал поп. - Не церковь, а храм! Церковь – это люди, молящиеся во храме!

- Что-то не видно этой... церкви, - заметил Леонид.

- Не ехидничайте, юноша, - строго сказал отец Михаил. - Ходят. И, между прочим, немало таких, как вы. Кстати, вы-то вот – тоже тут.

- Так мы – поглядеть, - растерялся Леонид.

Каверзный поп мелко засмеялся.

- В отношении вас, юноши, я, конечно, пошутил. Но ведь и вправду – ходят такие вот, как вы, - повторил он. - Ведут их три сестры: Вера, Надежда, Любовь...

- И Софья их мать, - показал Леонид подкованность.

Поп еще громче засмеялся и сказал совсем не по- церковному:

- Ну, в данном случае это уже из несколько другой оперы.

- Во что же ваши прихожане верят? - спросил с напором Леонид, тыча пальцем в святой вернисаж. - Вот в эту раскрашенную публику?

- Не совсем, - ответил хитрый поп. - Они верят в лучшее. В доброе. В справедливое.

- Абстракция какая-то...

- Возможно, - согласился отец Михаил. - Но вот вам пример, юноши. Ходит, скажем, сюда один... - он на секунду задумался и, решив побаловать нас привычной лексикой, продолжил: - один гражданин. Недавно ходит. Скажу по секрету: ходит после какой-то неприятности по работе. После того, как не нашел ни у кого христианского чувства сострадания... по-вашему – поддержки.

- Партком и местком проморгали, - вздохнул Серега.

- Проморгали, - согласился поп.

Ему нравилось с нами разговаривать: он прихихикивал и потирал пальцы. Я подумал: он бы наверное охотнее поговорил о Битлах или об автомобилях, но, конечно, раз уж пошел такой высокий разговор, приходится защищать свой поповский авторитет. Честь мундира, если так можно выразиться в подобном случае...

- Ну вот пришел я в цер... в храм, - сказал Леонид. - Я или кто другой... И что? Значит - лучше псалмы распевать, чем за себя бороться?

- Борьбу можно и проиграть, - поддразнил его поп.

- Сама жизнь есть борьба!

Отец Михаил покачал головой с гривой, которой позавидовал бы любой хипарь:

- Это вы заучили, юноша, по книжке, а в жизни не всегда случается по- книжному.

- Ну да, - шегольнул я слышанной где-то фразой, - Религия тем и сильна, Леонид, что сулит утешение тут же и без затрат!

- Верно, верно, - кивал отец Михаил. - Тут же и без затрат ...

- Но это же философия слабых! - шумел Леонид.

- Сильных, юноша, сильных... Духом.

- А я вот однажды в одном храме видел, - сказал Серега, - как старушки писали что-то в маленькие тетрабочки и клали возле подставок, где свечки. Я тайком заглянул в одну, а там - просьбы, кому послать здоровье, и что у кого вылечить. Это, по-вашему, вера-надежда?

Поп заговорил, посмеиваясь, об аутотренинге, которым "нынче всю лечат", хотя он и "напоминает тетрабочки", но мне весь этот разговор уже порядком надоел. Меня больше привлекала третья часть вопроса.

- А вот как же все-таки любовь? - громко спросил я.

- Что - любовь?

- Вот вы десять минут назад сказали: три сестры...

- А! Верно... Что ж, и любовь, и божество - понятия мистические. Божество должно вызывать любовь.

- И - страх, - ввернул Леонид.

- Главное - любовь. Бог ближе всего к сердцу.

- А как же любовь такая... земная? - спросил Серега, словно угадав мои мысли.

Я обрадовался, что они переключились на мою тему. А то заладили: вера-надежда, вера-надежда. Прямо карусель.

- Земная любовь - это этап. Природное ослепление, - сказал отец Михаил. - Можно разочароваться в женщине... в девушке, - поправился он, покосившись на нас, - в тысяче девушек. Но потребность в любви все равно останется. Ведь что бы ни случилось в жизни, вы все равно будете волноваться, слыша хорошую музыку и тосковать над замечательной книгой. Отчего? Это ваш дух освободился и взлетел, его подняла любовь к тому лучшему, близкому, доброму другу, который всегда с вами - даже когда вы наедине с собой...

Вслед за поднятым перстом отца Михаила мы задрали головы и увидели на потолке Богородицу с младенцем и вокруг какие-то лица с крыльями - наверное, ангелов.

- А вот... - начала Леонид.

"Сейчас вспомнит Ромео и Джульетту", - подумал я.

-... вот Ромео и Джульетта - тоже проявление божьей любви?

Отец Михаил склонил голову набок и засунул палец в бородку. Было видно, что он себя чувствовал лектором-профессором перед пенсионерами какого-нибудь ЖЭКа.

- Мы можем сказать - а часто и говорим, - что Ромео "обожествлял Джульетту".
Ведь так?

- Да... можно.

- Можно! - торжественно повторил отец Михаил. - А это значит, что юный возлюбленный переносил любовь к божеству на девушку, то бишь - Джульетту. Пока она была недоступна, как божество. Но пройдет время, юная Джульетта станет обычной женой. Дай бог, чтобы у нее не испортился характер!

- Почему же Ромео ее обязательно разлюбит?

- Я не говорил такого, юноша. Совсем не обязательно. В данном случае я даже хочу думать, что он будет продолжать любить ее, хотя, не исключено, что будет мучаться и досадовать, если характеры не совпадут. Прискорбно, но это - удел многих.

- Любить и досадовать?

- Не понять, что любовь земная - лишь отражение всеобъемлющей любви к божеству.

- Но люди-то все-таки любят!

Отец Михаил вздохнул; из его глаз так и заструился прозрачный свет сострадания.

- Вы видели, как бездетный человек привязывается порой к собаке?
Мы молчали, уничтоженные, разгромленные. Мы не могли найти, за что уцепиться в том клубке, который намотался. М-да, ловко заплетает отец Михаил.

- Э...

- Что? - доброжелательно вскинулся поп.

- Да так... ничего. Спасибо.

- За что же? - удивился он.

- За внимание... Времени столько вот потратили... Показали всё... - промямлили мы.

- Ну что вы, юноши, - растроганно сказал поп. - Не слукавлю, если возражу, что это вы мне доставили удовольствие. Всегда с радостью разговариваю с молодыми симпатичными людьми.

"Мог бы сказать и: "с умными" или: "с интеллигентными", желчно отметил я про себя.

Мы мяли шапки, пятясь к дверям.

- Ну, мы пойдем. У нас, знаете ли... обед... режим... Мы здесь в пансионате... на каникулах...

- Понимаю, - кивнул отец Михаил, - понимаю. Не смею удерживать. Еще бы он смел удерживать!

Сергея решил под занавес все же уколоть отца Михаила.

- Признаться, - сказал вдруг он, - я впервые слышу (как будто он до этого каждую неделю вел беседы с попами!), чтобы лицо, вроде вашего, которое в храме...

- Иерей, - сказал отец Михаил.

- Иерей... Чтобы это лицо так рассуждало... Прямо философия какая-то.

Буддизм и неоплатонизм, а не родное православие.

- А вам хотелось, чтобы я про бородатого старца рассказал, что на облаках восседает? Про непорочное зачатие? Эти рассказы я уж лучше старушкам приберегу, - сказал отец Михаил и хитро сощурился.

Да, он сощурился и явно не боялся ни божьего гнева, ни разящего грома Ильи-пророка.

Мы долго трясли отцу Михаилу руку. Наверное, нам стало его немного жалко: надо же, весь век проторчать между свечек и икон! Когда мы отклонялись и зашагали прочь, поп крикнул из дверей:

- Заходите!

И еще что-то, вроде:

- Буду ждать!

А может - "буду рад"? Мы не разобрали из-за скрипевшего под ногами снега.

Сначала мы просто шли и дышали паром, а потом Леонид не выдержал.

- Поп-то нас обскакал, - недовольно сказал он.

- На козе объехал, - добавил я.

- Зеленые мы еще, братцы, - уточнил Сергей. - Против попа нужен закаленный ум.

Пройдя еще шагов десять, он сказал:

- Ну, о вере и надежде еще куда ни шло. Но ведь о любви!.. Тут ты, Тимуля, должен был его посрамить. Или зря ночами пропадаешь?

- Мы на тебя надеялись, как на специалиста, - заявил Леонид.

- Понеслась телега по кочкам, - сказал я. - Пристали, как банные листья... сказать, к какому месту?

Тут они, конечно, заохали, заохали, и посыпались разные банальности насчет "кладезя фольклора", "ценителя сочного и образного русского языка" и много другой ерунды. Но мне это было только на руку. Пусть не суются не в свои дела. Не попы, в самом деле. "Отец Леонид и отец Сергей".

Начался лес. Я оглянулся и в последний раз увидел торжественно растопыренную куриную лапу золоченого креста под караваном дымных зимних облаков.

4.

- Что же ты? - сказала Лера.

- Что - я? - спросил я.

- Ты исчез, - сказала она. - Не зашел, не подождал меня после завтрака!

- Мы тут ходили... на одну экскурсию, - промямлил я. - Ребята меня затащили...

- А сейчас ты куда? - спросила Лера.

«Да какое ей дело! - подумал я, - Что она - взнуздала меня?»

- Я... понимаешь... отдохнуть хочу... Шатались мы много... устали...

- Я тоже отдохну, - сказала она. - Вечером сегодня снова танцы, слышал? В восемь часов. Приходи на танцы.

Она не приглашала, она утверждала. Я стоял покорно, как Сивка-бурка перед Иваном-царевичем. Впрочем, это было все-таки довольно приятное рабство.

- Ну, пока.

- Пока, - сказал я и пошел к себе.

Любил ли я ее? Я еще не знал... Иногда мне казалось: да, люблю. А иногда мне просто хотелось, чтобы такая красивая девушка была рядом со мной, чтобы я танцевал с ней и целовался на лунных верандах.

- Вот так, старина! - придя к себе, сказал я Достоевскому.

Достоевский молчал, это была всего-навсего книга. Я завалился на постель и открыл "Бесов" на заложенном месте. Было еще светло, и лампу я зажигать не стал. Старина Достоевский был, как всегда, рассудителен и угрюм. Буквы у книги были "под старину", лихо загибались, где положено, и тянулись кверху. Я усердно перебирал их глазами, но скоро строчки стали путаться. Рука, держащая книгу, занемела; в ней замедлилось, наверное, обращение соков. Я опустил книгу, вдруг ставшую страшно тяжелой. И тут же сон сомкнул вкрадчивыми пальцами мои веки, сделал тело безвольным и сбросил в глубокий омут.

Я заснул, когда часы показывали четвертый час. Это был отличный крепкий сон после прогулки на свежем воздухе. Я не помню, сколько я спал - без чувств, без сновидений - но только вдруг на самом дне моего сознания зародился свет. Свет расплавленной медью растекся под моими веками и забился, как пламень.

- Что такое?.. - сказал я невнятно.

Потом, весь сморщившись как древняя рукопись, я прикрылся рукой и на секунду приоткрыл глаза. Приоткрыл и сразу захлопнул, но успел увидеть голубое пятно у двери. В подтверждение я тут же услышал немислимый без голубого свитера голос:

- Ты тут, злодейская душа?

- Туши свет! - застонал я. - Слепну!

- Нет, ты дай мне сначала посмотреть в твои наглые глаза.

- Неправда, - сказал я, чувствуя с зажмуренными веками, как Лера садится на край кровати. - У меня глаза добрые и кроткие.

- Я хочу музыку, человек с добрыми глазами.

Очевидно, увидела магнитофон, подумал я.

- Какую?

- Хорошую.

- Ясно, что не частушки! - пробрюзжал я, разворачиваясь из сброшенного одеяла.

Я включил первое, что попало, вернулся и сел рядом с Лерой.

- Прихожу я на танцы, - начала она с хорошо разыгранным возмущением, - Гляжу: нет моего героя! Жду полчаса - не идет! А тут друзья твои подсказали: дрыхнет!

- Предали, - сказал я с искусственной досадой.

- Ах! Да как ты смеешь!

В следующую минуту мы поцеловались.

"Я отдаю ей всю мою любовь..." - пели Битлз.

- У вас здесь уютно, - сказала она, оглядываясь после поцелуя.

- Особенно во мраке.

- Пойди умойся, твои петухи пропели, - сказала Лера.

Она уже стояла у стены, рассматривая приколотый к обоям рисунок.

- Кто это рисовал?

- Угадай.

- Ты?

- Молодец, - пробормотал я. - угадала. (Рисовал-то Серега Волчок)

- У нас один мальчик тоже хорошо рисует, - сказала Лера.

- Проклятье!
- Что?
- Ничего. Просто очень дурацкая фраза.
Но Лера не слушала.
- Как жалко, что у вас в комнате нет зеркала, - беспечно сказала она.
- Посмотришь в мои глаза.
Она подошла, и я обнял ее.
- Почему ты не пришел на танцы? - шепотом спросила она.
- Ты же видела - спал... В церковь мы ходили, далеко, я и устал.
- Ты что - верующий?
- Скажешь тоже! Мне еще учительница в школе говорила, что у меня нет ничего святого.
- А почему она так говорила?
- Не знаю... Она говорила: такое уж вы поколение.
- А все-таки мне кажется - ты просто не хотел придти.
- Я ведь танцевать толком не умею... как медведь на ярмарке.
- А вчера тебе понравилось?
- Очень! - искренне сказал я.
Ее все же что-то мучило.
- Знаешь, - сказала она мне в плечо, грея его своим дыханием, - ты все-таки не хочешь мне все сказать. Я чувствую, что у тебя внутри сидит кто-то другой... чужой... Я права?
Она спрашивала, но откуда я знал! Себя самого тоже порой так просто не раскусишь.
- Почему ты так говоришь?
- Я чувствую...
- Это всего лишь мои попытки бороться против твоего обаяния, - сказал я, пытаюсь все свести к шутке. Этот разговор меня угнетал.
Лерино лицо прояснилось. Она щелкнула меня по носу пальцами с яркими ногтями и сказала:
- Все равно - не устоишь.
- Ах, какая ты прелесть, - сказал я. - Просто прелестная прелесть!
- Не говори глупостей!
- Почему? - возразил я. - Говорить все время только умные вещи - скучно.
- Мальчишка... - вздохнув, шепнула она.
Я не обиделся, ведь она была все-таки на год старше.
Музыка.
Музыка - словно вода. Ты нырнул - окутала всего, а внизу - кораллы... Синие кораллы, розовые, блестящие. Солнечные пятна бродят по рыбам; солнце - лохматое сквозь волны - смотрит даже сквозь зажмуренные веки. Неудачи и сомнения - все осталось наверху.
Музыка.
Музыка песни и музыка горячего шепота.
Музыка для двоих...

Было уже поздно, когда я пошел ее провожать. Холод сковал ночь, и даже воздух звенел под нашими ногами.
На обратном пути у дверей нашего корпуса я увидел две фигуры, прислонившиеся к старой печальной сосне. Это были Серега и Леонид.
- Вы что тут торчите? - удивленно спросил я, подходя.
Молчание было мне ответом.
Я окончательно приблизился. Серега стоял, утопив руки глубоко в карманы; рядом Леонид прятал уши за воротником пальто. Оба, не мигая, смотрели на меня. Безмолвие ночи помогало им.

- Что с вами? - обеспокоенно спросил я.
- М-м... - жалобно застонал Волчок.
- Что-что?
- М-можно мы пойдем домой?... - Он схватил меня за руку, умоляюще заглядывая в глаза. - Скажи, нам уже можно домой?
Сергея шутил, хотя было видно, что он на самом деле замерз, как наполеоновский солдат. Клуб закрывается в десять. Черт возьми! Значит, они полтора часа шатались по морозу, не желая мешать нашему с Лерой свиданию!
- Бедненькие... - растроганно сказал я. - А я-то - свинья!...
- Что он сказал? - спросил Леонид голосом умирающего лебедя, обращаясь к Волчку. - Он разрешил нам идти домой?
В театре Сатиры их бы с руками оторвали.
- Спасибо, спасибо... - бормотал Серега, трясая мою теплую руку.
Но актерского задора хватило ненадолго. Расхохотавшись, мы побежали к себе в комнату. Под ногами хрустел снег; стояла чудная ночь.
- Да здравствует душный дух избы! - орал Леонид.

5.

Старина Леонид!

У него было два верных спутника: я и несчастная любовь. Мы были совсем разные с ним: он - неторопливый, со спокойными, рассудительными манерами, и я - угловатый и суетливый. Мне наша дружба всегда казалась немного неестественной, подобно тому, как в порохе объединяются благородный уголь и едкая сера. Тем страннее было видеть, как эта дружба крепнет и со временем становится лишь ценнее, словно доброе вино. Однажды судьба разлучила нас на целое лето. Может быть, даже не судьба, а просто мы сами решили, что надоели друг другу. Он уехал. Я тоже уехал - в Ригу. В Риге, слоняясь по узким древним улицам и навещая сосновые рощи игрушечной Юрмалы, я то и дело ловил себя на мысли: ах, как хорошо было бы, если б здесь был Леонид!

В самом конце августа я приехал в Москву, а на следующий день позвонил он. Мы договорились встретиться в центре, у телеграфа. Еще издали я увидел Леонида в розовой рубашке. Мы бурно обнялись на радость прохожим. Они, наверное, подумали, что мы не виделись со времен потопа.

Мы обнялись, а потом хлопали друг друга по плечам.

- Ну как?

- А ты как?

- Как видишь.

Машины катились мимо вниз, к Манежной площади, унося на стеклах последнее закатное солнце.

- Посидим где-нибудь? - предложил я.

- Как хочешь. В "Москве"?

Я пожал плечами.

- Все равно.

Мы не спеша пошли к гостинице, один бок которой серым медведем вылезал на площадь.

В баре гостиницы было людно и тесно от разговоров. Всюду сидели защитные куртки с закатанными рукавами - это студенты вернулись из строительных отрядов и угощали своих девушек и приятелей. "Туруханск" было написано на куртках, "Камаз", "Алтай", "Прощай цивилизация" и многое другое. Мы взяли по коктейлю и пачку сигарет, нашли столик под самой лестницей.

- Я ужасно рад, что завтра снова в институт, - сказал я.

- Я тоже, тысячу лет всех не видел. Ужасно соскучился.

- И по Машуле?

Леонид взял сигарету и зажег ее.

- Зачем ты спрашиваешь?

- Я думал - может, *это* стало слабее за лето.

- Конечно, нет, - сказал Леонид. Почему я должен ее забыть?

- Прошло уже столько времени.

- И это всё?

- Еще я не могу видеть, как ты мучаешься.

- В таком случае могу посоветовать тебе только одно - закрыть глаза.

- От нее так и веет холодом, - сказал я. - И потом - зачем она дерет нос?

- Вы ничего не знаете, - сказал Леонид. - Она совсем не такая. Это просто ее броня. Если бы вы с ней поговорили...

- С ней невозможно разговаривать. Она, наверное, думает, что сделана из золота.

- Кончим этот разговор, - сказал Леонид. Все равно весь этот шум напрасен. Я привез ей подарок. Посмотри лучше.

Он поставил на столик синего лохматого зверька. Он тронул его пальцем - и зверек закачал потешной головой, потому что вместо шеи у него была дрожащая пружинка.

- Это что? - медвежонок? - спросил я.

- Нет, ёжик.

- Забавный.

- Нравится?

- Изумительный медвежонок.

- Ёжик.

- Какая разница!

- А еще один - розовый - у меня есть для нашей Елены Петровны.

Елена Петровна была одной из наших преподавательниц, и мы все её безотчетно любили. Мы поняли немного позже, почему её любили: она видела в нас будущие характеры, тогда, когда для остальных мы были всего лишь желторотыми второкурсниками.

- Вполне достойный подарок для Елены Петровны, - сказал я. - Ей понравится.

- Ты полагаешь?

- Точно.

- Вручим ей завтра - на первое сентября?

- Конечно. Зачем откладывать?

- Хорошо.

- Выпьем, - предложил я. - За прошедшее лето.

Мы пососали из соломинок.

- Хорошее было лето? - спросил я.

- Ничего, - сказал Леонид. - Скучно без друзей все-таки. Хотел со скуки даже отпустить усы.

- Ну-ну, - сказал я с завистью; у меня с усами было пока слабовато. - Ты часто уже бреешься?

- Часто. Два раза в неделю.

- Я тоже теперь часто бреюсь.

- Зачем?

- Хочу, чтобы росла борода.

- Борода?

- Ну да, для мужского достоинства.

- А у тебя как прошло лето?

- Тоже неплохо. Хотя тоже скучно. Побывал в Риге.

- Понравилось?

- Узкий город, - сказал я. - Старинный.

- Хорошо бы съездить туда вдвоем, да?

- Женская фраза, - сказал я.

- Что?

- Такие фразы обычно говорят женщины.

- Иди ты! - сказал Леонид.

Мы улыбнулись друг другу, счастливые, что снова вместе.

- Возьмем еще что-нибудь? - спросил Леонид.

- Отчего же не взять, - сказал я. - Только денег у меня нет. Кончились.

- Я не сомневался, - сказал Леонид, полез в карман и разломил портмоне, - поэтому захватил побольше.

Пока он ходил к стойке, я достал сигарету и закурил. Народу в баре всё прибавлялось. Начинался час прилива. Снаружи, наверное, уже загорелась красно-зеленая вывеска над входом. Ужасно противная вывеска.

Из-за колонны мне было видно не так уж много. В углу - самом уютном месте - компания зеленых курток сдвинула вместе два столика. Я видел выпитую бутылку "Шерри" и еще одну - нераспечатанную - словно ракету, готовую к старту. "Шерри" стоило безумно дорого - шесть рублей. Но для них сегодня это была не цена. За другим столиком сидела пара - девушка и парень в замшевой куртке. Интересно, подумал я, не жарко ему в куртке? Мне было хорошо, река мыслей неторопливо протекала в голове. Девушка курила, парень сидел просто так; оба смотрели друг на друга сосредоточенно и уныло.

Леонид не возвращался.

- Петя! - закричали там, где пили "Шерри". - Вали сюда! Ты откуда взялся?

Долговязый Петя плыл меж столов, словно африканский жираф по саванне. На нем тоже была зеленая куртка, абсолютно не разрисованная. Наверное, это был протест против всяких дурацких изощрений. Храбрый человек, подумал я. Петю встретили радушными криками, усадили, откупорили "Шерри" и тотчас послали за третьей бутылкой.

Купчики, подумал я.

Парень с девушкой даже не пошевелились.

Тут появился сосредоточенный Леонид. Он нес три рюмки с коктейлями.

- Там такая огромная толкучка, - сказал он. - Я взял два, потом подумал - и взял ещё один на всякий случай, если не хватит.

- Сегодня единственный день, когда пускают в стройотрядовских куртках, - сказал я. - Мы попали на выставку. Каждый хочет показать себя. Поэтому столько народа.

Мы пододвинули к себе рюмки и водили трубочками сверху, около льда, где похолоднее. Потом мы разлили по нашим бокалам и третью порцию, которую принес Леонид.

- Может, еще сходить?

- Сходи, - сказал я. - Только не стой в очереди, а попроси кого-нибудь посередобольнее тебе взять.

- Хорошо, - сказал Леонид.

Он снова ушел, а я подумал, как здорово иметь друзей. Таких, как Леонид. И вообще друзей тоже. Но особенно – таких, как Леонид.

Коктейль был довольно крепкий, я это уже начинал чувствовать. Я вытянул ноги и откинулся на дурацком вертящемся стуле. Парень с девушкой уже ушли, а кроме них мне ни на кого больше смотреть не хотелось. Поэтому я начал рассматривать потолок.

Пришел Леонид и принес еще две рюмки.

- Черт побери! - сказал я. - Я тебя разоряю.

- Да брось ты! Что за дурацкий разговор! - сказал он.

- Ладно, - сказал я. - Тогда я напишу рассказ. Он будет называться: "Он был отличным парнем". Ты будешь там главным героем. Главный герой так и будет называться: Леонид Рундуковский. Все девушки будут сходить по тебе с ума.

- А о чем будет рассказ? - спросил Леонид.

- Не знаю пока. Но он будет называться: "Он был отличным парнем".

- Болтун ты, - сказал Леонид, но все-таки улыбнулся. - А ты что - уже пробовал сочинять?

- Пробовал. Не выходит. В душе - пшик! - пусто.
Я щелкнул пальцами.

- Надо влюбиться, - сказал Леонид.

- В Машулю, - сказал я.

- Брось! - сказал Леонид, но уже не сердито, Он размяк от вина.

- Зачем она тебя мучает? - спросил я.

- Она не мучает.

- Нет мучает! Не говорит ни "да", ни "нет".

- Она уже сказала все, что надо.

- Неправда! Если это "нет", то пусть уйдет! Пусть испарится из твоей жизни. А если это "да"...

- Не ори.

- Сам не ори. Я хочу тебе добра. Доб-ра!

- Разве я жалуюсь? Ты скажи: я жалуюсь?

- Господи! Ну кому нужна эта дурррацкая любовь?

- Почему - дурррацкая?

- Если бы ты хоть стихи начал из-за нее писать! - сказал я. - Тогда еще хоть был бы какой-то прок.

- У меня нет таланта.

- Пустяки. Стихи может писать каждый. Нужна лишь определенная практика. И все. Сочинишь пару виршей - а дальше покатится само. Чего проще: Луна - нежна, глаза - бирюза, детка - конфетка...

- Если бы вместо меня сидел Пушкин, - сказал Леонид, - то ты бы давно получил вызов на дуэль - стреляться. Пиф-паф. Понятно?

- Ну что же, - сказал я. - Я бы убил его.

- А я бы нет.

- Глупости. Пушкин должен быть убит на дуэли. Иначе это не Пушкин. "Пал, оклеветанный молвой!.." Но выпить с ним я был бы не прочь. "Александр Сергеевич, дайте руку... Слышите: сердце, словно львенок?.." О чем мы говорили? О Машуле?

- О Пушкине.

- Что мы о нем говорили?

- Пиф-паф! - сказал Леонид. - Ты убил его.

- А еще что?

Леонид выпустил атомный гриб табачного дыма.

- Мы хотели с ним выпить.

- С ним?

- Ну да. С ним, с Хемингуэем, с Львом Толстым, с Грином...

- Хемингуэя не надо, - сказал я. - Ненавижу Хемингуэя.

- Дурак, ничего ты не понимаешь, - обиделся Леонид, - Хемингуэй - голова.

- Пррримитивщина, - сказал я. - Он просто много видел. Просто много видел. Столько всего видеть - кто угодно напишет... Ни капли фантазии.

- Ни капли... - сказал Леонид, кантуя рюмку.

Мы уже все выпили, хмель прыгал у нас на кончике языка; шум доносился глуше, словно кто-то приставил к ушам морские раковины.

- Пошли? - сказал я.

- Пошли. Ну их всех.

Мы поднялись. Любители "Шерри" уже совсем разгалделись.

- Купчики, - сказал я. - Налились и орут, чтобы на них обратили внимание.

- Дилетанты, - поддакнул Леонид.

- Когда я приехал из стройотряда, у меня тоже было много денег. Подумаешь! Я тоже мог залиться "Шерри"!

- И залился.

- Залился. Но не галдел. Дурацкая колонна!

- Дурацкая колонна! Дурацкий стиль! Классицизм. Если уж колонны отгрохали, то почему бы не поставить чучело медведя у двери?

- Тсс! Смотри, какая девчонка!

- Лучше Машули.

- Особенно зубами к стенке.

- Хемингуэй уже бы полез строчить.

- Он такой!

- "Джон!" (ему, наверное, платили за строчку) "Ну?" "Познакомь меня с ней". "С кем?" "С той". "С рыжей, с длинными ногами?" "Да..." "Хочешь, я стану Хемингуэем?"

- Только сначала влюбись. И съезди в Испанию.

- Буэнос диас, - сказал я. - Кумпарсита. Нота бене. Обязательно влюблюсь.

- Давай, - сказал Леонид. - Старайся!

Мы, наверное, были очень смешные такие - подвыпившие.

"Обязательно влюблюсь", - сказал я. Сначала мне так и показалось, когда появилась Лера: мой час настал. Но потом...

б.

Потом все пошло очень быстро. Мы любили гулять по парку. Иногда мы целовались. У нас было еще столько времени впереди - почти целая неделя. Я говорил про арабские страны, про крикливые восточные города, бархатные пальмы, пыжил из себя великого знатока, хотя видел всё два раза по телевизору в "Клубе кинопутешественников". Она всё внимательно выслушивала. Девчонки, по-моему, вообще приспособлены для того, чтобы выслушивать нас, какие бы бредни ни занимали наши головы. Спасибо им за это.

В полночь, когда все уже спали, мы шептались в укромном уголке где-нибудь в конце коридора. Она садилась ко мне на колени и спрашивала:

- Ты хороший?

- Я игрушка в твоих руках, - кривлялся я.

- А серьезно?

- Самый лучший. А в общем - ничего.

Но вот она настала - последняя ночь. Мифическая ночь. Чувство близкой разлуки коснулось всех. Расставались новые друзья и новые влюбленные. Многие понимали, что не все смогут перейти этот рубеж. Эта ночь несла угрозу расставания на веки, потому что в Москве у каждого из нас вдруг могла оказаться своя, совсем другая жизнь.

- Вот и все, - сказал я Лере. - Вот и все... Адью, луна! Адью, сосны!

- Что? - спросила она. - Почему ты так говоришь?

- Ты когда-нибудь плыла на пароходе? - вместо ответа сказал я.

- Да...

- Тогда ты, наверное, знаешь: стоит встать у перил, как сразу тянет взглянуть, как бегут назад волны. Волны приковывают взгляд, и ты застываешь, не в силах думать, двигаться. Только смотришь, как убегают за горизонт волны... Навсегда.

- Да, - сказала Лера.

- Вот и я сейчас словно смотрю на волны. Хочется уткнуться во что-нибудь носом и застыть...

- Уткнись мне в плечо, - сказала Лера. - Впрочем, у меня сейчас такое же настроение. Мы слишком привыкли к этому пансионату. Теперь он чем-то похож на могилу, верно?

- Могилу воспоминаний.

- Ты снова что-то недоговариваешь, Тимка, - грустно сказала Лера.

Я действительно недоговаривал. И не мог договорить.

- Итак, последняя вечеринка? - сказал я. - Последний вздох умирающего?

- Да, - сказала Лера. - У нас в корпусе, на втором этаже.

В Лерином корпусе на втором этаже собрались человек десять. Был там толстый мальчик, у которого мы гуляли с Лерой в первый день нашего знакомства, и его подруга. Еще пришла одна из "англичанок" – рыжая нутрия, с кавалером. Кавалера звали Валера. Все то и дело каламбурили по-всякому, используя это сочетание слов. Оба они были безумно некрасивы и безумно влюблены друг в друга.

Прочих я не помню.

И наконец - здесь были мы с Лерой.

Я опять принес Серегин магнитофон. Мы танцевали, болтали, вспоминая пролетевшие дни веселых каникул. Мы смеялись, но в сердце был темный осадок грусти. За окном шел снег, а казалось - это плачет луна. И фонарь внизу тоже шурился от слез и качал головой. Потом дверь открылась, и вошла вторая "англичанка". Сразу было видно, что с ней что-то случилось. Она прошла, молча села на кровать, посмотрела в окно - и вдруг разрыдалась. Ее рыжая подруга кинулась утешать ее. Плакавшая наконец утихла и о чем-то горько зашептала.

- В чем дело? - спросил кто-то.

"Англичанка" посмотрела на всех пустым от горя взглядом.

- Она совершила глупость, - отозвалась за подругу рыжая.

- Человеку свойственно ошибаться, - философски заметил толстый мальчик.

- Да в чем дело? - зашумели вокруг.

- Ее Сашенька, этот мерзавец... Она верила, что он любит ее... а он просто добивался своего... Ясно?

- Он ушел. Он сказал, что я дура и виновата во всем сама, - сказала обманутая "англичанка" и вдруг добавила: - Сволочь!

Я вспомнил, как пил на брудершафт с ее кавалером и мне почему-то стало стыдно.

- Ничего, - попытался я выступить в роли утешителя. - Все образуется .

- Нет! - крикнула она. - Не образуется! Ты ничего не понимаешь, дурак!

Она снова упала на постель и разрыдалась. Все молчали, сконфуженные. Этот поток слез смыл всякий камуфляж. Сразу стало видно, как всем грустно. Повисла пауза. Все смотрели на свои стаканы с вином, в которых тонула и дрожала желтая лампа.

- Давайте выпьем, - сказал кто-то, чтобы сломать тишину.

Мы выпили, но это не развеяло тяжести.

Так мы все сидели и просто слушали музыку. Как сейчас помню - это были "Зеленые листья лета". Там еще есть слова, которые то и дело повторяются: "Э тайм ту би рипинг, э тайм ту би суоинг" - "Время жать и время сеять". И еще про рыбу, которая прыгает до самого неба. Очень приятная вещица, хотя грустная. А потом из нее зачем-то сделали нашу песню про город детства.

"Англичанка" легла ничком на кровать и долго лежала, а потом поднялась и ушла. Еще через полчаса почти все разошлись, остались только мы с Лерой и рыжая с Валерой. Мы потушили свет и танцевали. Лера прижалась ко мне, я вдыхал запах ее волос - уже такой знакомый. Магнитофон тихо играл в углу, и фонарь все так же кивал, так что светлый обруч ходил по потолку вверх-вниз, словно на море. Было грустно, словно музыка, пурга за окном и моя душа взялись за руки и кружатся. Я не ощущал самого себя, я растворился в печальной тьме прощальной ночи. Потом я почувствовал, что Лера хочет обнять меня руками за шею.

- Не надо, - шепотом сказал я.

- Почему?

- Тсс. Молчи.

Мне не хотелось слов. Только музыка и снежная ночь. Я хотел насладиться этим, потому что знал: как только начнутся слова, они разрушат этот тихий мир и принесут лишь горечь нам обоим. И еще я знал, что рано или поздно мне придется это сделать. Но пока - минуты текли и музыка звучала.

Лера снова обняла меня, но я опять отстранил ее руку.

- Тсс...

Я почувствовал, что она удивлена. Потом я услышал:

- Тимка...

- Что?

- Что случилось?

- А что? - спросил я шепотом.

- Ты какой-то... ледяной.

Я беззвучно засмеялся.

- Я не ледяной, - сказал я и поцеловал ее. - Просто такое настроение. Что-то... растворено в воздухе.

- Мне тоже ужасно грустно, что это последняя ночь здесь, - сказала она.

- Да... - прошептал я неопределенно. Мы говорили о разном.

- Я люблю тебя, - сказала она.

От этих слов я вздрогнул. Раньше мы никогда не говорили о любви. Было так неожиданно услышать вдруг эту магическую формулу. Она сразу разрушила все очарование и принесла смятение. Волшебный хоровод рассыпался - все снова стало на свои места.

Я не знал, что отвечать. Но Лера не ждала ответа. Она думала, что между нами уже все сказано.

- Что ты будешь делать завтра? - спросила она.

- Когда?

- Уже в Москве.

- Прежде всего приму ванну. Очень горячую. Потом поем, потом... м-м... наверное, сяду к телевизору.

- Хорошо... И я тоже сразу залезу в ванну. А потом ты позвонишь мне - пожелать спокойной ночи?

- Я же не знаю твоего телефона.

- Но это ведь легко исправить, верно?

Она никогда не была такой обворожительной, как сейчас. Но я уже знал, что не люблю ее. Когда умерла любовь? Я не заметил. Значит, она была обречена, подстрелена где-то еще раньше. Так или иначе, я не хотел, не мог везти это погибшее растение в Москву.

- Лера, - сказал я, - а может мы... нам... прекратить?

По-моему, она вздрогнула. Я почувствовал, как напряглось ее тело.

- Что... прекратить? - спросила она наконец.

- Ну... все.

Мне было невыносимо скверно. Но надо было решиться, я понял это и решился.

- Тимка... почему? - торопливо прошептала Лера.

- Лера... - сказал я. - Ну вот видишь, какой я... Я глупый, гадкий ... Так будет лучше, я уверен. Для обоих.

- Нет! - сказала она. - Нет! - она обхватила меня руками. - Пусть какой угодно! Ты самый хороший, самый лучший.

- Мы оба замечательные, - сказал я, мне захотелось ее подбодрить. - Мы блондины, в наших волосах - титан, металл века.

- Ты забыл: я же крашусь, - прошептала она. Я вспомнил, какой она показалась мне в первый раз: золотоволосой феей. Даже в этом я должен был разочароваться.

- Все равно, так будет лучше, - повторил я.

- А раньше? - спросила Лера. - Как же было раньше? До этого?

- Сначала было очень хорошо, - честно сказал я. - Особенно в первый день.

Было очень хорошо. И похоже на сказку. Потом...

- Потом? Что?

- Потом... Не знаю... Я не знаю, почему... в общем, ты понимаешь...

- Я замечала. Но мне казалось, что это не страшно. Просто разное настроение.

Значит - ты обманывал меня?

- Извини...

- Значит - обманывал?
- Я думал - тебе самой так хотелось...
- Как - так?
- Ну... просто... роман.
- Значит, ты принял меня... меня за...

Она уже плакала.

"О, черт! - подумал я. - Какая ужасная история!"

- Лера... - сказал я.

- Не надо. Иди.

- Лера...

- Уходи, Тимка...

- Прощай, - сказал я, целуя ее в челку.

Я сделал шаг назад, и Лера сразу же отвернулась. Мне было безумно жаль ее.

Но мы были слишком разные. Просто мы были слишком разные. Просто...

Магнитофон всё играл. Дудел своё: "Чао, amore!.."

"И ты, Брут!" - со злостью подумал я и выключил его. Было очень неудобно уносить его с собой, как жмоту. Но он все-таки принадлежал Сереге.

Коридор сиял светом. Когда я открыл дверь, длинный желтый язык протянулся оттуда, и я в последний раз увидел Леру. Она лежала ничком на кровати, беспомощная, словно бабочка, опрокинутая ветром, словно умолкнувшая песня. Вот как она лежала. И слезы были самые настоящие.

7.

- Где твой чемодан?

- Не надо, я сама...

- Не дури, - сказал я.

Мы стояли в коридоре, сумрачном, как трюм корабля. Рядом отбивали секунды огромные старинные часы. Часы эти - размером с платяной шкаф - казалось, вылезли из сказки Андерсена, такие они были старинные и завитые. Рыжий маятник гулял взад-вперед за толстым стеклом, и скупое последнее солнце каникул пускало по нему зайчик-восьмерку.

- Я пойду принесу твой чемодан, - сказал я.

- Кроме чемодана тебе не о чем поговорить со мной?..

Лерин голос был такой печальный, что мне захотелось положить ладони ей на плечи, прижаться лбом к ее челке... Но последняя ночь словно возвела между нами стену.

- Нет, Лера, что ты, - сказал я и грустно улыбнулся. - Не только... Просто... я не хочу, чтобы ты опоздала на автобус...

Мы тяжело помолчали.

- Ты не хочешь спросить мой телефон? - наконец произнесла Лера.

- Конечно. Давай, - сказал я.

- Если не хочешь...

- Нет, что ты. Давай.

Она взяла у меня записную книжку и стала медленно писать номер. Потом принялась выводить букву «Л», но я выдернул у нее книжку, так, что вместо буквы образовалась загогулина.

- Это зачем?

У Леры дрогнули губы.

- Это чтобы ты не забыл: чей телефон.

- Не забуду, - сказал я. - Моя память глубокая, как карман фокусника.

Лера вздохнула; глаза блестели, словно маслины.

- Позвони мне.

- Да.
- Слышишь, позвони!
- Обязательно.

На улице твякнул гудок автобуса.

Лера уезжала с первой группой, мы - с последней. Так было лучше.

- Скажи мне что-нибудь...
- Выше нос! - сказал я, хотя она и так хорошо держалась.
- Пойдем... - сказала Лера.

Первая группа уже грузилась в голубой автобус, с брюха у которого свисали ледяные сопли. Леонид с Серегой стояли здесь же. Леонид курил, Серега катал снежок. Когда Лера и я с чемоданом вышли на крыльцо, они повернули головы к нам.

Мы подошли.

- Даже здесь не обошлось без зевак, - в упор сказал я, когда мы приблизились.

Леонид презрительно пустил дым носом.

- Мы пришли, чтобы попрощаться с дамой.

- Спасибо, - сказала Лера.

- За что? - сказал Волчок и скорчил забавную гримасу. - Мы еще не начинали, - и сразу всех развеселил.

Погрузка в голубой автобус подходила к концу. Отъезжающие шутили и веселились по мере сил, но в этом веселье чувствовалось что-то гипсовое.

- Счастливого пути! - сказал Леонид.
- Счастливого пути! - повторил Серега.
- Отойди-ка! - приказали они мне и взялись за чемодан.

День был неяркий и не морозный - так, манная каша. Все таяло. Из-за надуленного неба все краски казались ярче: чемоданы, ложки, Лерины ногти, голубой автобус. На Лере был чудесный шарф: синий с белым, длинный и узкий, словно выпел комендора. Он два раза обматывал Лерину шею и свисал спереди и сзади.

- Какой красивый шарф, - похвалил Серега.

- Такой же был у Айседоры Дункан, - трагически сказала Лера, и голос ее дрогнул. - Она ехала в лимузине, а шарф попал в колесо и задушил актрису...

Тут они, конечно, начали наперебой убеждать ее, что автомобили с тех пор стали намного совершеннее, и что вообще какая-то там актриса не идет с ней ни в какое сравнение.

Потом Серега и Леонид втолкнули Лерин чемодан в автобус, а там уж нашлось достаточно кавалеров, чтобы разместить его как следует. Мы попрощались еще раз, и Лера поднялась в салон. Сквозь стекла, в которые еще не успели надышаться, мы видели, как она добралась до свободного места и села. Потом она приоткрыла окно и помахала нам рукой. Мы подошли. Шофер уже завел свое голубое детище - прогрел мотор.

Лера приоткрыла губы (видно, хотела что-то сказать), но передумала и только улыбнулась скупой улыбкой расставания.

- Закрой окно, - сказал я. - Простудишься.

Лера поцеловала указательный палец и протянула мне его сверху. Я пожал.

- Обожаю автобусы, где не надо платить! - сказал Серега.

Шофер крикнул: "Закрываю, поехали!", мотор застучал упорнее, Лера закрыла окно, двери со вздохом захлопнулись, все завyli "Ура!" - и автобус медленно тронулся, ковыляя на снежных буграх. Потом он свернул, замелькал среди елок - и исчез.

Лера уехала.

- Вот и всё, - сказал я.

- Пора и нам подаваться из сих благодатных мест в места не менее благодатные, - сказал Леонид.

Мы вернулись к себе.

Три клетчатых чемодана ждали нас, три голых полосатых матраца.

Серега снял со стены свои рисунки и бережно скатывал их в трубки.

В комнате было холодно и грустно, холодно и грустно было в сердце.

8.

На моей записной книжке почему-то была вытеснена голова птицы. Я достал книжку и смотрел на птицу. Птица тоже тарасила на меня круглый, хитрый глаз. Кажется, это был ибис.

Я давно заметил, что мелкие вещи обладают удивительной силой сохранять воспоминания. Нет, не только такие сакраментальные, как говорят в нашем просвещенном народе, вещи, как локоны волос и старые билеты в кино, а обыкновенные верные спутники будничной жизни. Так было и с ибисом. Чем больше я смотрел на него, тем больше вспоминал. Потом против воли я открыл книжку. Я листал ее, внушая себе, что делаю это просто так, но с каждой новой страницей невольно отмечал, сколько осталось до буквы "Л". Я почему-то почувствовал внезапное облегчение, когда увидел, что номер все еще там - семь цифр и закорючка, начинающая имя "Лера" - на этом месте я выдернул у нее книжку, помните? Я сел на тахту, держа раскрытую книжку в руке. Возможно, я о чем-то думал, но если бы кто-нибудь вдруг спросил: о чем? - я бы не ответил. Так бывает: в голове словно протекает медленная река, серая рябь волн, и только иногда вдруг вспыхивает отблеск, но тут же гаснет.

Я думал сразу обо всем и ни о чем. Это было однообразно и тоскливо, словно старая шипящая пластинка. Потом с удивлением обнаружил, что сижу совсем рядом с телефоном - только протяни руку...

Протяни руку... Я усмехнулся. Нет уж, все кончено. Мне просто было приятно вспомнить, что где-то меня любят. Пусть все останется только прошлым - немножко смешным, немножко горьким. Мимолетным, как прикосновение крыла. Порхнуло - и ты даже не знаешь, что это было, лишь легкий ветер растаял в серой тени сумерек...

Однако какая-то беспокойная досада все равно не оставляла меня. Будто я что-то потерял, будто выпустил красивую птицу и теперь раскаиваюсь. Эта подлая змея, зашевелившаяся вдруг в душе, стала понемногу душить мою былую уверенность.

Я взял трубку.

В ней сонно гудел электрический шмель. Я крутанул первую цифру - и шмель умолк. Держа книжку перед собой, я медленно набрал весь номер и сидел, взвешивая трубку в ладони. Потом щелкнул разряд и, игрушечный маленький голос сказал в мембране: "Алло!" Я поднес к губам микрофон.

- Добрый вечер.

- Добрый вечер.

- Позовите, пожалуйста, Леру.

- Одну минуту.

Ее мать, подумал я, низенькая и сдобная...

- Алло! - сказала Лера.

- Здравствуй.

- Здравствуй, - она не удивилась и сказала это совсем обычно, спокойно. - Я знала, что ты позвонишь.

- Почему же? - спросил я, задетый.

Лера вздохнула.

- Тебе, наверное, не понять. Женское сердце.

- Чепуха, - пробормотал я.

- Это все, что ты можешь мне сказать? - спросила Лера уже насмешливо.

- Ну, как поживаешь? - сказал я деревянным голосом.

- Ничего, спасибо.

- Зима в разгаре, верно?

- Ага, крестьянин торжествует.

Я ожидал от нее чего угодно - трагического тона, обиды, но она говорила так, словно ровно ничего не случилось, словно мы только вчера целовались на веранде.

- Ты все-таки рада, что я позвонил?
- Рада.
- Доехали нормально из пансионата?
- Да, всё в порядке.
- Ага, - сказал я.

Я знал, что она ждет от меня лишь одного: когда я предложу встретиться. Но я всё юлил, говорил какую-то ерунду, и она сдалась первой:

- Тимка, может, мы встретимся?
- Отчего же нет! - сказал я.
- Среда тебя, конечно, не устроит?
- Смотря в котором часу среды.
- В шесть, например.
- Под часами, конечно? Или у фонтана?
- У метро "Таганская".
- Ты там живешь?
- Я там живу. Согласен?
- М-м, - сказал я, - Что ж, ничего не поделаешь.
- Значит, в среду?
- Значит, до среды.
- До свидания.
- Именно, - напоследок острою я. - До свидания в среду.

9.

На "Таганской" метро зарылось в землю страшно глубоко. Преодолев первый длинный эскалатор, я обнаружил, что нужно преодолеть еще и второй. Я приехал на пять минут раньше, чем мы договорились с Лерой. Как только вышел на улицу, пошел снег. Из-за этого нельзя было читать газету, которую я прихватил с собой.

Место, где мы договорились встретиться, оказалось многолюдным. С одной стороны тянулась серая стена станции, с другой построилась фаланга телефонов, у телефонов ходили молодые люди (трое с цветами), делая равнодушные лица. Когда я занял свое место, они посмотрели на меня доброжелательно, словно на близкого родственника.

Лера появилась минут через десять. Она подошла незаметно сзади, ткнула меня пальцем в спину. Там был узкий проход между стеной и телефонами, позади меня, но я его не заметил.

- Ну, что будем делать? - спросила она.
- Разумеется, пойдем в кино.
- Правильно. Не будем оригинальничать.
- Какое же ты хочешь кино?
- Про любовь.
- А я бы посмотрел такое, где стреляют.
- А где стреляют?
- Для этого надо посмотреть дразнилку.
- Что надо посмотреть? - не поняла Лера.
- Киноафишу. Мы так называем ее у себя в институте.
- Здорово! - сказала Лера. - Очень меткое название. Можно, я тоже буду так ее

зывать?

- Зови, - сказал я равнодушно.

Уже крепко стемнело, и над нами затеплились желтые зрачки фонарей. От снега Лерина пушистая шапка стала еще пушистее; Лера прикрывала варежкой лицо, потому что ей приходилось смотреть на меня снизу вверх, а она боялась за накрашенные ресницы.

- За углом есть дразнилка, - сказала она.
Мы пошли за угол. Парни с цветами все еще стояли, словно памятники человеческой самоотверженности.
Снег слепил глаза, мелкие буквы на афише корчились и разбегались.
- "Загадка "Мерседес", - сказал я, наконец. - Вот, по-моему, где есть любовь и где стреляют.
- Кто же там стреляет?
- Конечно, преступники.
- А где же любовь?
- Любовь к белой мерседесихе с дипломатическим номером.
- А дальше?
- Что - дальше?
- Что с ними станет?
- Сила любви превратит их в людей, - сказал я.
Я балагурил, словно мы только что познакомились.
Мы отправились туда, где у подножий высотных зданий Калининского проспекта притулился маленький кинотеатр "Художественный". Именно притулился, а не "приютился" или "примостился". Такая маленькая хибарка...
- Знаешь, как называют Калининский проспект? - сказала Лера. - Вставной челюстью Москвы.
- Метко! - засмеялся я.
- Это в обмен на "дразнилку".
Навстречу шел пьяный, и я на всякий случай взял Леру за руку. Было приятно, что о ком-то надо заботиться, кого-то надо защищать, хотя пьяный был самый мирный пьяный в мире. Он прошел мимо, бормоча песню.
В старом кинотеатре хлопала дверь, непрерывно входили заснеженные люди. В теплом помещении снег сразу скисал, сползал на пол и катался под ногами грязным киселем. У окошка топталась очередь, но билеты были.
- Два билета, - сказал я хмурой кассирше и посмотрев на Леру. - Подальше.
- Ну-ну, - сказала Лера, улыбнувшись.
Мы оба вели себя так, словно нас не разделяли та последняя ночь, надломленный шепот и слезы. Но мы еще чувствовали горький осадок этих слез, неуловимый, но тяжкий, словно похмелье.
В фойе кинотеатра почтенная публика строилась в буфет. Пахло мокрыми воротниками на меху.
- Могу предложить лимонаду, - галантно сказал я.
- Лучше посмотрим картины, - сказала Лера.
В этом кинотеатре всегда устраивались маленькие выставки маленьких художников. Пейзажи в три разноцветные полосы, ракета над прудом...
- Приятно, когда у кинотеатра есть своя традиция, - сказал я важно. - У нас в "Варшаве" тоже есть - шестидесятиклеточные шашки.
В этот момент на низкой эстраде в углу появились музыканты. Сразу было видно, что это не настоящие музыканты. Старичок, классная дама, мясник, студент и продавщица - так я сразу же окрестил их про себя. И другие, возможно, тоже. Старичок постучал ногтем по пюпитру и, когда в зале попритихли от удивления и повернули головы, объявил граммофонным голосом:
- Клементи. Сонатина номер восемь. Исполняет самодеятельный оркестр ЖЭКа номер пять.
Кто-то засмеялся; снова зашуршали голоса.
- Невежи, - сказала Лера.
Я кивнул.
Я ожидал, что старичок переменится в лице, побледнеет, упадет - ведь у музыкантов такие чувствительные души. Но старичок спокойно сел, взмахнул смычком - и Клементи состоялся.

Он просто привык, подумал я, привык каждый вечер играть для равнодушной публики, пирующей в буфете. Музыканты играли, изредка взглядывая на стариканов смычок. Они играли, сосредоточенно уставившись в какую-то неведомую точку перед собой, словно там ими дирижировал воскресший дух Клементи. Для них словно не было зала, шумящем длинно и нудно, как пчела в бутылке.

- Отважные люди, - пробормотал я.
- Просто они играют для себя, - сказала Лера.
- Ерунда. Артисту всегда нужна аудитория.
- А мы с тобой?
- Подумаешь, два уха!
- Четыре.
- Нет, два, ведь мы слушаем в пол-уха.

Музыканты раскланялись и ушли - зал равнодушно послал им несколько хлопков - и зазвенел звонок. Мы нашли свои места в последнем ряду. Когда мы сели, Лера сняла шапку, расстегнула пальто - и из-под шарфа меня подразнил ворот синего свитера. Зал не спеша рассаживался, кашлял, скрипел креслами. Потом медленно стали меркнуть пузыри плафонов.

- Тысячу лет не была в кино, - сказала Лера.
- Я тоже, - сказал я.
- Особенно с таким веселым кавалером, - добавила она.
- Ну, уж ты скажешь
- А может я и вправду так считаю? - оказала она.

Значит, все было забыто. Лера имела право на обиду, право на воспоминания о той ужасной ночи, похожей на кораблекрушение. Теперь ее рука лежала в моей, предлагая ничего не вспоминать и все начать сначала. Я подумал, что оказался, в общем-то, в роли блудного сына, явившегося с покаянием, но подумал без досады.

Киножурнал закончился. В двери повалила опоздавшая публика, снова началось массовое убирание коленок. Слышно было. как в фойе торопливо дают третий звонок - и тотчас в зале стало смеркаться.

Мы начали целоваться очень скоро, когда Инспектор с усталыми глазами старого спаниеля только-только входил в комнату с мертвым телом, и его помощник пробивал тугим животом в казенном плаще беспокойное столпотворение журналистов.

- Почему ты позвонил? - тихо спросила Лера.
- Не знаю.
- Скажи, Тимка.
- Честное слово, не знаю.

Она вздохнула.

- Тебе надо поскорей в себе разобраться.
- Да.

Кому не нужно это - разобраться в себе!

На экране напряженно боролись инспектор и убийца: выслеживали и подстерегали друг друга, говорили по телефону, мчались в машинах. Лера положила голову мне на плечо.

- Плохо быть актером, - оказала она. - Говорить в пустую телефонную трубку, как будто там есть кто-нибудь. Разве там есть кто-нибудь?

- Нет, - оказал я. - Нету там никого. Они просто притворяются.
- Тебе хорошо так? - сказала она.
- Да.

Мне и правда было хорошо. Я подумал даже: может, я зря тогда обидел Леру? Иначе, что нас снова свело вместе?

- О чем ты думаешь? - спросила Лера.
- О том, куда мы денемся после фильма.
- Давай где-нибудь посидим, - сказала Лера.
- Где?
- В "Метелице".

- Нет. Ну её. Дрянная там публика. Мелкие пижоны. Там почему-то каждый второй называет себя "Бобом" или "Джоном".

- Какая разница? Мы только посидим немного - и уйдем.

- Да ну... - снова сказал я.

Усталый Инспектор наконец распутал все, что запутал сценарист, победил преступников, скрутил их, допросил, перевоспитал студента, помирился с женой и повысил помощника. Фильм закончился, зрители затолкались в дверях - и в продолжающийся снег вышли триста Усталых Инспекторов.

Лера взяла меня под руку, и мы пошли к "Метелице".

Обедневший граф, прикидывающийся швейцаром, высокомерно принял Лерино зеленое пальто и мое - серое, куцее.

- Ужасно мне не нравится здешняя публика, вот что, - снова сказал я, когда мы сели за столик.

- Почему же не нравится?

- Так... - сказал я мрачно. - Может, пойдём погуляем?

- Не ворчи. Читай лучше меню.

Из-под потолка пела задумчивая музыка.

- Мы возьмем два бокала вина? - спросила Лера.

- Возьмем, - сказал я.

- И два мороженных.

- Угм.

- Еще пирожное... Ты будешь?

- Лера, - сказал я, - тут возникает одна проблема...

- У тебя нет денег? - догадалась она.

Я пожал плечами; я чувствовал себя страшно неловко.

- Не то чтобы совсем нет...

- Не горюй, - сказала Лера.

Она раскрыла сумочку, вынула пудреницу, кошелек, пудреницу, убрала обратно, а из кошелька достала десять рублей и спросила:

- Этого хватит?

- Конечно хватит, - сказал я. - Отличный довесок к моим трем рублям.

Лера засмеялась.

Подошла официантка.

- Что будете брать? - спросила она.

- Вина, - сказал я, - два мороженных...

- Апельсины? Пирожные?

- Верно, - сказал я. - Угадали. Апельсинов и пирожных.

Официантка ушла и скоро вернулась с вином и прочими благами.

Мы чокнулись за встречу.

- Смотри, какое платье, - сказала Лера. - Длинное, совсем вечернее.

- На той блондинке?

- Нет, на рыженькой. Зеленое.

- Ничего, - милостиво одобрил я.

- У меня есть похожее. Но только...

- Но только лучше, - подсказал я.

- Но только лучше, - серьезно сказала Лера. - Оно тоже длинное, вечернее, зеленое. Как-нибудь я покажу его тебе.

- Хорошо, - согласился я, мне и вправду захотелось увидеть ее в этом платье.

- Хорошо, - снова сказал я. - Когда мы еще раз пойдём в кафе - только в другое - ты наденешь свое чудесное зеленое платье.

- Оно мне в самом деле очень идет.

Я протянул руку, и она накрыла ее своей. Музыка пела. Кафе шумело в табачном дыму, и нам казалось, что все знают, как нам хорошо и уютно. Это кафе, наверное, видело, как завязывались сотни романов, как кончались самые чудесные истории. Мы были для суетливого кафе лишь мгновением, тысячу раз повторенной

секундой. Но было обидно думать об этом, потому что это была неправда. Нам было лучше всех.

Потом мы вышли из кафе и медленно пошли по засыпающему городу. Снег перестал, и ветер подметал улицы. Лера слушала волчью песню, которую он распевал в грустных закоулках, а потом сказала:

- Расскажи мне сказку.

- М-м, - сказал я, - сказку... Хорошо, расскажу тебе сказку... Про оконную замазку.

- Давай, - сказала она. - Рассказывай.

- Или другую, - продолжал я.

- Какую другую? - спросила Лера.

- Про ногу костяную. А лучше - третью.

- Про Северную Осетию, - сказала Лера.

Я засмеялся.

- Ну, тогда четвертую...

- Про галошу истёртую. А пятую?

- Пятую... э-э... про крольчиху с крольчатами. Сойдет?

- Сойдет. А шестую?

- Про девицу холостую.

- А седьмую - про осетрину заливную, верно?

- Наверное. Зато восьмую - про кобылу хромую.

- А девятую...

- Про Дуньку Толстопятую.

- Десятую...

- Про свинью с поросятами!..

Я проводил Леру до самого подъезда. Мы крепко поцеловались на прощание, как настоящие Ромео и Джульетта.

- Звони... - шепнула она.

Возвращаясь домой, я догонял последний автобус. Ветер подхлестывал полы моего пальто, ветер пел, и это была песня для меня.

Что это было? Просто наваждение? Или что-то другое, настоящее?

Я даже не оглянулся.

10.

Весна.

Земля, закрипев, повернулась к солнцу. Небо стало выше. Солнце, отославшееся за зиму, сияло так, что мама начала опускать камышовые шторы на окнах, чтобы не выгорели обои. За городом еще, наверное, лежал ровный снег, хранящий заячью побегку, и слепил глаза магниевым блеском. А здесь, в городе, сугробы уже подались, просели, обнаружив под собой грязь и бумажный мусор; под воробьиные гимны побежали ручьи, пересекая улицы.

По утрам меня будил не будильник, а волна света и суета трамваев. Я открывал глаза, смотрел далеко - туда, где небо, словно крылья, распростерло облака - и неясные демоны дразнили душу. Однажды я попытался написать стихи, но мои потуги оказались такими ничтожными по сравнению с великолепием весны, кричащей за окном.

А дни бежали - один голубей другого: понедельник, вторник, среда...

Это был вторник. Но я не торопился в институт. Лера училась уже на третьем курсе, и этот день был у нее свободный. Поэтому я регулярно прогуливал вторники. Я взял портфель, но положил туда только книгу поинтересней и вышел из дому. Я пошел пешком. Мне нравилось, когда ветер крутит шарф на расстегнутой груди, и краснобокие трамваи убегают вперед.

Постепенно я пьянел от вина, которое разливал из солнечной бочки весенний ветер. Когда от этого голубого хмеля начинала совсем кружиться голова, я переходил улицу под трамвайные "ура" и спускался в метро.

Мы встречались все время на том же месте - на Таганке. Мы так и говорили: "В шесть часов "на месте". Когда я приходил первый, то любил высматривать Леру на другой стороне площади. Загорелся зеленый свет - стронулись и помчались машины, а у перехода стали собираться маленькие фигурки пешеходов, неразличимые и безликие. Прополз троллейбус – и снова нет машин. Толпа человечков двинулась, заторопилась через площадь. Мелькнуло зеленое пальто - я увидел Леру. Она подошла неторопливо, как человек, привыкший к встречам.

- Здравствуй.

- Здравствуй.

Я протянул ей руку.

- Ну, Тимка... - сказала она.

Я никак не мог оставить привычку пожимать ей руку, как товарищу, а ей почему-то не нравилось это.

- Это неинтеллигентно, - сказала она.

- Ну уж пожми, раз я протянул, - сказал я.

Она с гримасой пожала.

- Что будем делать в такую чудесную погоду?

- Предлагай, ты ведь кавалер, - сказала Лера.

Она толкнула носком сапога кусок снега в ближайший ручей - ручей остановился и начал расползаться лужей.

- Перестань, - сказал я.

- Почему?

- Это неинтеллигентно. А потом - разольется море, затруднятся коммуникации.

- Будет широкое-широкое море, - сказала Лера и вздохнула. - И мы будем плавать по нему на шикарной яхте... Как в кино.

От бесшабашного солнца она щурила глаза-миндалины.

- Ну, придумал что-нибудь?

- Вот что, - сказал я. - Давай купим что-нибудь вкусное и поедем ко мне. Разве не здорово?

Лерины глаза стали совсем хитрые.

- Мы поедем к тебе? - переспросила Она.

- Да. У меня сегодня совсем никого не будет. Даже моя собака Букс живет сейчас у бабушки.

- Какая собака?

- Я же тебе рассказывал. Разве я не рассказывал? Отличная собака, я тебя потом с ней познакомлю.

Лера засмеялась.

- Глупый, ты говоришь о собаке, как о человеке.

- Ничего подобного, - сказал я. - Я говорю как надо.

- А что вкусное мы купим? - спросила Лера.

- Да что хочешь!

Я расстегнул пальто, сам не зная точно отчего - то ли оттого, что было жарко, то ли стало тесно душе.

Мы купили в булочной кекс с серебряной поливкой. Поливка пахла медом и хвоей. Потом мы шли по Москве и я держал Леру за руку.

Золотой день, мне казалось, что ты подарил мне то, что я давно ждал. Ты так честно смотрел в мои глаза, ты так громко звенел, ты так ярко светил мне. Теперь я знаю: ты просто ослепил меня. Всё это было так часто видано-перевидано в мальчишеских мечтах: девушка, солнце, весна. Нас научили верить в них детство, Александр Грин и песни. Я не удивился, если бы мы вдруг зашагали прямо по воздуху.

Мы прошли мимо малыша, который ел мороженое, и мороженое капало на асфальт, а он торопился съесть, пока все не скапает.

Мы перешли по мосту Язу; там, брошенная чьей-то рукой, с достоинством плыла папиросная коробка, не подозревая, что начала путешествие к морю.

Мы прошли мимо веселых афиш, с которых, подбоченясь, смотрели девять одинаковых Карменсит, и вскоре временно простились с солнцем, спустившись в метро.

Я немного волновался, для меня это было необычно: везти Леру к себе. Это было впервые.

- Где ты живешь? - спросила она в вагоне.

- Здесь, - сказал я и показал на схеме.

- Ух ты, как далеко!

- Зато тебе у меня понравится, вот увидишь.

- Да? - сказала Лера, и глаза у нее снова хитро засияли.

Когда мы подходили к дому, во мне проснулось внутреннее беспокойство. Мне казалось, что в этот момент все жильцы прилипли к окнам и рассматривают нас, оценивают Леру и ворчат брюзгливые старушечьи речи. Но дом был всё такой же невозмутимый: огромный и надменный, как всегда. Лишь где-то на фасаде сверкнул и пропал солнечный брильянт: это кто-то закрыл форточку.

Наконец я повернул ключ в замке - и земное притяжение словно ослабло: я почувствовал себя легче.

- Ну вот... здесь я живу! - сказал я неестественно бодрым голосом, каким врач говорит больному, уже получившему заявку от старухи с косой: "Ну-с, жить вам теперь сто лет!"

- Очень мило, - сказала Лера.

Я закрыл глухо вздохнувшую дверь, и в прихожей стало темно, как в трюме угольной баржи. Я поцеловал Леру в висок. Потом я зажег свет - и в зеркале мы увидели самих себя: Леру, и меня, красного и взъерошенного. Этот вид в зеркале настолько не понравился мне, что я сразу же отвернулся и засуетился, снимая с Леры пальто:

- Давай сюда, я повешу.

Лера сняла сапоги, я дал ей тапочки. Пока я раздевался сам, Лера ушла - и сразу потерялась в комнатах.

- Ау! - позвал я из коридора. - Ку-ку!

Лера появилась из спальни моих стариков и стала рассматривать карнавал чашек в серванте в столовой.

- Какая у тебя большая квартира! - сказала она, рассмотрев, наконец, всё.

- Идем, я покажу тебе мое обиталище.

Мы прошли по сумеречному коридору и вошли ко мне в комнату, в которую длинными очередями било солнце.

- Как здорово! - воскликнула Лера. - За этим столом ты сидишь? Да? А спишь тут, на тахте? А это что?

- Это мой герб, - сказал, раздуваясь от мальчишеского самодовольства, - Видишь?

- А музыка у тебя есть?

- Есть... Видишь: сверху мой герб?..

- Поставь музыку, Тимка, - сказала Лера.

- Сейчас. Подожди.

Из-за шкафа я достал магнитофон. Какую поставить кассету, я знал твердо: она у меня была единственная.

- Тебе нравится у меня? - спросил я у Леры.

- Ничего, - сказала Лера. - Хорошие у тебя обои... Сколько здесь?

- Чего? - не понял я.

- Метров.

- А-а!.. Не знаю. А дом у нас необычный, верно?

- Чем - необычный?

- Внешностью.

- Почему?
- Похож на крепость.
- Да? - сказала Лера; она рассматривала деревянных журавликов с красными глазами, летящих по стене. - Где же музыка?
- Минуту, - сказал я. - У меня музыка, может, и похуже, чем у Сереги Волчка, но тоже славная... Впрочем, слушай сама, - и включил магнитофон. Саймон и Гарфункель тут же завели под флейту, как хорошо быть воробьем, а не улиткой.
Я взял Леру за руку.
- Я так рад, что ты сегодня у меня...
Лера улыбнулась и провела пальцем по моей щеке. Я притянул ее к себе.
Было, наверное, уже часа два, солнце помаленьку поплыло вниз. В небе пролетел аэроплан, маленький и серебряный. Я видел его, потому что стоял лицом к окну. Лера этого не видела, потому что стояла к окну спиной. Да и все равно она закрыла глаза, когда мы целовались.
Потом я сказал:
- Пойду поставлю чайник.
- Конечно, - сказала Лера, - ведь у нас есть кекс!
-Кекс, секс, брекекекс, - сказал я.
Я пошел на кухню и поставил на газ чайник. Я не стал возвращаться в комнату сразу. Прежде всего я сбегал в ванную - слегка причаститься дезодорантом. Потом я стоял на кухне, слушал доносящуюся из коридора музыку и смотрел в окно. Было очень необычно, что сейчас я войду в комнату, и там снова будет Лера, и я смогу целовать ее, сколько хочу. С того времени, как мы были в пансионате, я уже отвык от такого. Я пытался представить себе, что она делает без меня. Вот подошла к окну, к книжному шкафу, посмотрела, что за книги у меня. По книгам можно кое-что узнать о человеке... Глупости, оборвал я себя. Ты сам прекрасно знаешь, что она просто сидит на тахте и ждет, пока ты вернешься.
Я прибавил газа под чайником, который сразу завел бодрую песню: у-у-у. Я вернулся в комнату. Лера и вправду сидела на тахте.
- Что это у тебя за записи на магнитофоне? - спросила она и выпятила нижнюю губу.
- А что?
- Какие-то все старые. Надоевшие.
В общем, она была, конечно, права, записи не разили свежестью. В этот самый момент Том Джонс как раз пел про зарезанную Делайлу, которая так чудесно стала в нашей стране дочерью старого шарманщика Карло, когда я еще учился, в десятом классе.
- Что же делать? - спросил я.
- А других записей нет?
- Нет. Только эта кассета.
- Негусто. Вот у одного моего знакомого мальчика столько много кассет, что, наверное, неделю можно слушать.
- Опять эта дурацкая фраза! - сказал я. - И дурацкие капризы.
Наверное, лицо у меня в этот момент сильно помрачнело. Лера заметила тучу и напустила на себя вид мученицы.
- Ну ладно, - сказала она. - Придется слушать эту музыку.
- Почему же, - возразил я. - Можно и выключить.
- Да нет, оставь.
- Да нет, давай выключим!
Лера встала с тахты и подошла ко мне.
- Глупый, - сказала она, улыбаясь.
У нее была одна такая улыбка, которая подстреливала все мои попытки разозлиться. Эта улыбка была снисходительной улыбкой взрослого над дурачествами мальчишки.

- Глупый, - повторила Лера и прижала палец к моим губам, - Что ты раскипятился? - и я замолчал, замер, глядя на ее улыбающиеся, говорящие губы, то смыкающиеся, то открывающие мрамор... нет, не жемчуг и не мрамор - просто замечательные Лерины зубы.

- Иди режь кекс, - сказал, я. - А то поцелую.

- Ах, как я испугалась! - сказала она.

Следом за Лерой я вошел на кухню. Чайник уже закипал. Голубое пламя газа било в него с такой силой, что становилось страшно за его дюралевые бока. Чайник, словно пароход, пускал в потолок столб пара и тянул за собой караван кастрюль с вчерашними макаронами и затянутым жиром супом.

- Где у вас ножи? - спросила Лера.

- Отгадай загадку, - сказал я, - Поев, конь в ясли пал.

- Заезженный конь.

- Неправильно. Нож.

- Непохоже. Глупая загадка.

- Народная. Очень образно.

Лера вздохнула.

- Ты всегда такую ерунду рассказываешь девушкам?

- Ну конечно, - сказал я, состроив лицо попроще. - Куда нам - в лаптях по паркету.

- Перестань, - сказала Лера. - Фу, как пошло!

- Не пошлей, чем записи на моей кассете.

- Перестань, а то я рассержусь.

- Я этого не боюсь. У нас все ножи тупые.

Лера засмеялась, выбрала из ножей один и стала резать кекс, а выпавшие изюмины клала мне в рот.

Тем временем чайник закипел в одну чайникову силу, и пар забил из него, как из вулкана. Я достал чашки, на одной были нарисованы маки, на другой почему-то - паровоз. Наконец, мы сели пить чай с кексом.

Форточка на кухне была раскрыта и по полу крался холодный сквозняк, лизал ноги. Это казалось странным, потому что за окнами сияло, как в Африке. А небо было такое ровное и синее, словно его отпечатали в типографии. Кроме того, с улицы летели шумы, от которых кружилась голова: воробьиные хоры, восторг детей, обступивших ленивую от солнца собаку, и жужжание машин, преодолевающих лужу перед подъездом.

- Какая красивая чашка! - сказала Лера.

Ей досталась с маками.

- Обычная, - сказал я. - Ничего особенного.

Я считал, что вокруг были вещи и покрасивее - весенний день или мы сами, например, а ее привлекала какая-то жалкая чашка. Может когда-нибудь потом я привыкну, что женщины любят рассматривать чашки и журавликов на стене, а в ту минуту мне это ужасно не понравилось.

- Дурацкая чашка, - повторил я. - Самая обыкновенная, хотя и с маками.

Лера, конечно, надулась. Она встала, пошла к окну и стала разглядывать голубя, который ходил по карнизу. Я тоже смотрел, как он клюет невидимые крошки, и думал, что уже пора кончать чайную церемонию и идти назад в комнату.

Я взял горсть кексовых крошек с изюмом, подошел к Лере и бросил угощение в форточку, но этот дурак испугался и улетел. Зато рука освободилась, и ею я обнял Леру. Так мы стояли и смотрели в окно. Солнце таранилось на нас, и вдалеке полз самый поэтичный вид городского транспорта - трамвай.

Потом мы снова вернулись ко мне в комнату. Магнитофон все играл. Кто-то пел на невообразимом языке.

- О чем он поет? - шепнула мне Лера, когда мы стали танцевать.

- О любви... - шепнул я.

- Хорошо, - сказала она. - Опустит, пожалуйста, шторму.

Я кивнул и пошел к окну. Нам больше не нужно было солнце.

На минуту я задержался и в последний раз посмотрел на улицу. Там мальчишка измерял сапогами глубину лужи, сначала осторожно, а потом все смелее. Дойдя до середины, он вдруг попал на глубину и замочил ноги. Со своего третьего этажа я видел, как он испугался и бросился к берегу, но потом остановился, видимо сообразив, что терять уже нечего. Этот факт заставил его подойти к вопросу с философской стороны. Поразмыслив, он повернулся и, небрежно сунув руки в карманы, отправился дальше в путешествие по самым глубоким местам.

Сначала я хотел рассказать об этом Лере, но потом почему-то раздумал.

11.

- Букс! - сказал я. - Кошка!

Букс - моя собака, шотландский терьер, маленький, черный и лохматый. Те, у кого мы его купили, утверждали, что прабабка Букса выступала в цирке и ее звали Манюня, а также, что она умела складывать до пяти, ходить на задних лапах и стаскивать штаны со смешного буржуя в картонном цилиндре. Буржуй потешно удирал и падал. Букс не умел ничего, только охотиться на кошек, хотя родословная у него была, как у князя, и лежала у меня в столе, отпечатанная на толстой бумаге. Наблюдая за своей собакой, я имел горький пример того, какие у талантливых родителей бывают порой бездарные дети.

Я гордился тем, что сородич Букса - тоже шотландский терьер - сидел на одной фотографии на руках у Маяковского, и негодовал, зачем мою собаку прилепили на бутылку виски "Черное и белое". Собаки ведь не пьют; а настоящие собаки даже питают ненависть к пьяницам. Вино может испортить им нюх, а нюх у собак - самое главное богатство: древние даже были уверены, что они чувствуют даже привидения, колдовских духов и нечистую силу.

Мы с Буксом иногда вечером выходили на кошкину охоту. Сезон открывался в марте и кончался с октябрьскими холодами, когда все бродячие кошки таинственным образом исчезали, так что можно было даже подумать: не улетают ли они в теплые страны?

Это было начало сезона.

Итак: "Кошка!" - сказал я Буксу.

Кошка - черная как дьявол, с зелеными глазами вурдалака, сидела на карнизе окна прачечной. Букс закрутился на месте, вскочил на сугробчик, востря уши - искал: где же кошка?

- Сюда! - сказал я ему.

Букс подскочил и снова стал оглядываться - вперед-назад - пока не поднял глаза вверх - туда, где, чернея в черноте ночи, бугрился кошачий хребет. Увидев кошку - такую недосягаемую - Букс зарычал, потом заскулил.

Слезай, несчастная! - наконец с отчаянием пролаял он.

- Кыш! - сказал я, предвкушая сафари. - Брысь, ведьма!

Кошка не шелохнулась, хотя я был совсем рядом и делал угрожающие жесты. Она не шипела, не водила по-тигриному концом хвоста, но смотрела на меня пристально, как сфинкс, жуткими глазами без зрачков.

- Да ты и вправду ведьма, - сказал я, чтобы подбодриться под этим взглядом. - Ведьма, ведьма, преврати меня в лягушку!

Я сказал и испугался: вдруг превратит?

Однако Букс храбро пыжился, и я успокоился: ведь собаки, по преданию, чувствуют нечистую силу.

Кошка с глазами василиска все-таки не побежала. Такая мудрая тварь!

- Пойдем искать другую, Букс, - сказал я собаке. - Ну ее... Она и так окаменела от страха. И больно черна...

Весна выманила на улицу много кошек. Начинались ночи песен и любви. Букс так и фыркал, чуя на каждом шагу свежие запахи извечных собачьих недругов. Во дворе нашего дома мы увидели еще кошку. Она кралась вдоль стены с весенними намерениями - светлая с темными подпалинами. Кошка безмятежно огибала водосточную трубу. Если бы она обернулась, то сразу бы увидела двуногого охотника с ужасным лохматым чудовищем.

Но она не обернулась. Весна одурила ее.

Вскрикнув, Букс стартовал. Кошка тоже. Букс - маленький и стремительный - летел впереди меня, заливаясь: "Яй-яй-яй!" Он всегда поскуливал - не лаял, а прямо хныкал, - когда "вел" добычу, но как только "сажал" ее на дерево или загонял в дыру, сразу начинал солидно, не спеша, басом: "Хау! Хау! Хау!"

Сделав большую петлю, мы ворвались в какой-то пустынный переулок. Когда завернули за угол, кошки я уже не увидел, а Букс с растерянным видом сбавил ход и заметался, принохиваясь. Очевидно, он пропустил то место, где свернула кошка. Что поделаешь - бывает!

- Ну что ж ты? - сказал я с укоризной. - Где кошка?

Букс подбежал к низким огромным окнам магазина, с деловым видом встал на задние лапы и заглянул в них. Потом обернулся ко мне, и я понял, что он хочет сказать: "Видишь ли, какая штука: она, наверное, удрала в эту большую черную дыру".

- Нет, Букс, - сказал я, - сквозь стекло ни одна кошка не проскочит. Ты уж признайся: упустил?

Букс, смутившись, снова забегал, громко нюхая углы. В это время где-то совсем близко, в соседнем дворе, заорали коты. Их было, судя по всему, двое, но орали они за целый лес кошек громкими и паскудными голосами, забирая все выше: "Я-а-а-ауу!.." - наверное, собирались драться. Я даже представил себе, как они стоят друг против друга, выгнув загривки, сморщив мордашки и разинув розовые игрушечные пасти. И, конечно, задрав хвосты трубой.

- Вперед! - крикнул я голосом Карабаса-Барабаса.

Мы понеслись на шум. Соседний двор был большой и очень темный. Букс сразу пустился нюхать по закоулкам, а я, оглядываясь, увидел наконец, как от стены отделился темный силуэт кота и начал уходить, набирая скорость.

- Неудачная нынче охота, Букс, - сказал я. - Пошли домой.

Мы побрели назад по последнему снегу - растоптанному и жалкому. Месяц протыкал ночь толстыми рогами. Ни души. Тишина была такая, что казалось - кто-то тянет одну ноту на скрипке. Букс дышал паром, нюхал осевшие снега, старые кучи мусора.

Дома я вытер Буксу лапы, чтобы они не пачкали пол. Пока я раздевался сам, Букс ушел в мою комнату: преступно валяться на ковре.

- Ах ты, бандит!.. - грозно сказал я, входя к себе.

И тут зазвонил телефон.

- Алло!

- Тимка...

- Здравствуй, - сказал я.

- Что делаешь? - спросила Лера.

- Так... коротаю вечер.

Я подумал: может, рассказать о кошачьей охоте? - но потом решил, что ей это будет неинтересно.

Букс сошел с ковра и, стуча когтями по паркету, пошел на кухню - пить вечернюю воду.

- Знаешь, что я сегодня делала?

- Что?

- Ходила в кино.

- Я думал: по крайней мере летала на воздушном шаре.

- Знаешь, с кем я ходила в кино?

- С кем?

- С одной подругой. Там, в кино, такие сцены - прямо свободная любовь... Я слышал, как за стеной мой дед беседует с собакой:
 - Пить хочешь? А что ж ты не лаешь? Хочешь водички - лай!..
 Букс, видимо, упорствовал, потому что дед всё призывал его "попросить водички". Наконец, Букс гавкнул с горечью.
 - Ну вот, умница, - сказал дед.
 - Тимка, ты меня слушаешь? - спросила Лера.
 - Да.
 - А почему ты молчишь?
 - Ты так интересно рассказываешь... - слицемерил я.
 С кухни пришел довольный Букс. Он почесался о дверной косяк, лег на пузо и стал со страстью лизать лапу.
 - Ну ладно, - сказала Лера с обидой. - Я чувствую, ты устал, не буду тебя больше утомлять, бедняжку... - она помолчала и спросила: - Мы увидимся на этой неделе?
 - Увидимся?.. Ну да! В субботу, если ты не против.
 - В субботу. На "месте"?
 - Хорошо.
 - Пока.
 - Вот видишь: в субботу снова иду на свидание, - сказал я Буксу, вешая трубку.
 - Что поделаешь - любовь! Помнишь, как кричали коты во дворе? Это они тоже из-за нее дуреют, приятель.
 Букс, не слушая, помахал из собачьей вежливости хвостом.
 - Слышал, как они из-за нее дуреют?.. - повторил я. Почему же всё меньше радости стали приносить мне эти звонки, несущие тихий голос: "Тимка..."?

12.

- Тимка...
 - Я слушаю.
 - Почему ты так сердито говоришь?
 - Я не сердито говорю.
 - Нет. Ты уже неделю говоришь сердито и... и... избегаешь меня.
 - Я готовлюсь к экзамену.
 - Раньше таких поводов для тебя не существовало.
 - Это очень страшный экзамен: по арабской истории.
 - Тимка...
 - Что?
 - Нам надо встретиться.
 "...А в окно кричал и смеялся летний полдень..." Чепуха, он больше не смеялся.
 - Честное слово, Лера, у меня совершенно нету времени... Ну ни минуты!
 - Я не отниму у тебя много времени...
 - Нет-нет... - слабо сопротивляюсь я.
 - ...я здесь, у тебя, возле метро.
 - Здесь, у меня? - переспрашиваю я.
 - Да.
 - А что случилось?
 - Мне очень нужно тебя видеть... Ненадолго.
 - Хорошо, - говорю я, чувствуя, что от встречи никак не отделаться. - Жди, я сейчас подойду.
 Я положил трубку и сразу пожалел, что согласился пойти. Толстую книгу в синей обложке злорадно листал сквозняк. Я закрыл ее и положил на подоконник. На улице тополя радовались солнцу; в форточку влетел ветер и стал лизать мне щеку. Я вспомнил, как так же вот стоял и смотрел на мальчишку, копающегося в луже, а в

комнате была Лера. Когда это было? Два месяца назад. Я целовал ее и ждал, когда она мне улыбнется. Месяц назад мне было все равно, улыбнется она мне или нет. Теперь мне хотелось, чтобы ее вообще не было на свете. Чтобы она влюбилась по уши в другого. Чтобы... Чтобы просто исчезла.

Я вытащил ящик стола и достал холодный ключ от двери. Как не хочется идти! Я вышел из подъезда. Если бы не ветер, день был бы очень жаркий. Я пошел через сквер по пестрой от теней аллее. Тополя сильно раскачивались, судача о желанном дожде. Я стал придумывать, что скажу Лере. Скажу: извини, не звонил, потому что был безумно занят, приходится зубрить целые связки имен и корзины дат... Скажу, в общем, что-нибудь в этом роде.

Когда я свернул к метро, то посмотрел на себя в магазинную витрину. Там я увидел такую скучную физиономию, будто за щекой у меня был лимон. Проходя мимо следующей витрины, я примерил патентованную улыбку киноактера. Я еще не понимал, что наступил тот самый момент, когда пора сказать правду.

Лера ждала у аптеки, прислонившись к заброшенному ларьку, ветер шевелил ее волосы крашеной феи. В честь яркого дня на ней были морская блузка и синяя юбка.

- Привет, шхипер, - сказал я.

Я уже научился не подавать прекрасным дамам руку при встрече.

- Почему - шхипер?

- Потому что тебе не хватает только фуражки с крабом.

- Глупости.

- Ладно, кэп. Почему подняли аврал?

- Тимка, нам надо поговорить.

- М-м... Прямо сейчас?

- Да.

Из аптеки выходили люди и пялились на вырез шхиперской блузки.

- Пойдем в парк, - оказал я.

- Да, - сказала Лера рассеянно, - пойдем...

- Что с тобой? - спросил я.

- Что? - сказала она. - Нет, ничего. Ничего особенного. То же, что и всегда.

- Наверное, все-таки что-то произошло?

- Пойдем в парк, Тимка...

Парк был совсем недалеко. Отгороженный от шума и гама забором из железных копий, он издали обещал прохладу и негу. На эту негу и прохладу сюда собралось немало граждан, но одна скамейка для нас все же нашлась.

- Как на заказ, верно? - сказал я.

Мы сели чинно, словно на приеме у врача. Лера сложила руки на коленях, я выпятил нижнюю губу и стал смотреть на дурацкий плакат на газоне напротив: "Проводится отлов бесхозных собак всех пород и заслуг 3-го и 7-го числа каждого месяца".

Потом Лера сказала:

- Почему ты выпятил губу?

- Наверное, недоволен.

- Чем?

- Тем, что в такую замечательную погоду я должен зубрить. Зубрила-мученик.

- Ты только этим недоволен?

- Да.

- Неправда. Ты недоволен, что я пришла. Ты всегда недоволен мной, - вдруг заявила она.

- Лера, что ты, - сказал я; я хотел, чтобы голос вышел искренний, но он все равно получился фальшивый и мерзкий. - Я... ты... ты неправ, честное слово...

- Тимка, - с тоской сказала Лера. - Поехали с тобой куда-нибудь вдвоем? Всё бросим, хочешь? Хочешь на юг? У меня есть деньги...

При этих словах я осекся, будто проглотил большой орех.

- Лера... на юг?... это... подожди... я не знаю...

- Я так и думала, - сказала Лера и отвернулась, сцепив пальцы.
Я тоже умолк и пялился на куст напротив, подобно библейскому Моисею ожидая услышать оттуда божий глас.

- Тимка... - сказала Лера, и я услышал, как в ее голосе что-то дрогнуло. - Ты не чувствуешь?

- Что? - глупо спросил я.

- Что между нами опять какая-то стена?

"Крепостная", - подумал я.

- Стена?

- Тимка, перестань дурачиться, - сказала Лера.

- Да что ты, Лера! - сказал я. - Что ты себе навоображала! Брось!

Я обнял ее за плечи.

- Выше нос! - сказал я.

Пятна солнца пробивались через листья и блестели у Леры на чулках. У нее были очень красивые ноги. И сама она была красивая. У аптеки на нее все оглядывались. А мне почему-то было скучно и хотелось улизнуть домой.

Я поцеловал ее в челку.

- Не знаю... - вдруг пролепетала Лера. - Не знаю, как ты можешь целовать человека, который тебе безразличен...

Вот оно. Я вспомнил ее голос сегодня по телефону. Я еще подумал: почему она говорит, словно под дулом пистолета? Она просто решила на последний бой.

- Перестань, Лера... - выжал я из себя. - Ну... кто тебе сказал, что я... ничего к тебе... не питаю?

Это было признание. Я проткнул тот воздушный шарик, который оставался у Леры от когда-то огромного голубого неба. Лера повернулась ко мне, и я увидел: она сейчас заплачет. Но она сдержалась. Девчонки иногда здорово владеют собой.

Потом Лера стала говорить быстро и горячо:

- Я больше так не могу... Это ужасней всего: все время сомневаться. Каждый день думать: кто же я такая? Прихоть? Увлечение?.. Я совсем не знаю... Я совсем запуталась... Не бойся, я не заплачу... Ты меня не любишь. (У Леры прыгнули губы, но она и на этот раз сдержалась, бедняжка, молодчина). Ну скажи, не любишь? - ладно, давай расстанемся. А если... осталось что-то... то пускай все будет, как было когда-то. Только... только я не могу встречаться вот так. Встречаться и не знать... Ты должен решить, Тимка... Тимка... Мне так не хочется, чтобы ты уходил... Я ведь хорошая? Да? Ты согласен?

- Да, - сказал я.

Я бы согласился сейчас с Лерой во всем, ведь ее устами говорила раненая любовь.

- Тимка, ты знаешь, за мной в институте ухаживают несколько мальчиков. Но они мне не нужны. Они мне не нужны, Тимка... Они мне даже пишут стихи... Вот я тут принесла их письма (Лера раскрыла сумочку, достала конверты), хочешь, прочти...

- Что? Что ты, Лера... Я не читаю чужих писем. Не говори глупости.

Ее губы снова задрожали.

- Но ведь... ведь все время говорить умные вещи скучно.

Я вздрогнул, как от пощечины. То же самое я как-то сказал ей. Как давно это было! Неужели нам когда-то было тепло и светло вдвоем?

Потом Лера закрыла сумочку и встала.

- Прощай, Тимка...

Я вымученно улыбнулся ей.

- Не обижайся на меня, Лера...

- Да нет... - сказала она.

Она повернулась и пошла мимо кустов с красными цветами. Цветы назывались "разбитое сердце".

Лера уходила медленно, и я видел, как оборачивались прохожие, увидев, наверное, слезы у нее на лице.

Лера уходила во второй раз.
Когда она совсем скрылась, я тоже встал и пошел обратно.

13.

У меня была еще одна любовь - Дзинтара. Дзинтра жила в Риге и училась в четвертом классе, так что это была ненастоящая любовь. Просто она учила меня латышскому языку, а я ее - игре в подкидного дурака.

- Тима. - говорила мне Дзинтара, - Вы (она почему-то звала на "вы" меня - юного оболтуса), вы, может быть, пойдете со мной в Meža parks?

Я смотрел на нее - худенькую, даже не то слово - наверное, самую худую девочку в Риге, с разными косичками и огромными глазами - и отвечал:

- Всенепременно!

- Как? - не понимала Дзинтара мой сложный русский язык и очень огорчалась.

- С удовольствием, - повторял я. - Только я не знаю, где находится этот... парк.

- Я покажу! Мы поедем на трамвае! - и она бежала отпрашиваться у мамы.

Семья у бедной Дзинтары была строгая. Дзинтаре самостоятельно разрешалось ходить только в булочную напротив и во двор. Даже в школу ее провожали родители. Со мной же ее пускали всюду беспрекословно, считая за человека взрослого и серьезного, и поэтому Дзинтара меня очень уважала. Мне и самому нравилось повсюду ходить с ней, следя, как мелькает, убегая, в толпе белый мотылек знакомого платья, потом возвращается и, прыгая и заглядывая мне в лицо (я ведь казался ей таким умным!) она спрашивает:

- Скажите, а вы видели носорога?

- Видел, - солидно киваю я.

- А серого или черного?

- М-м... По-моему, он был какой-то коричневый.

- А я коричневого не видела... А вам не страшно было?

- Отчего же страшно? Он же за канавой и загородкой. В зоопарке.

- Ну а все-таки: вдруг ка-а-ак кинется!

- Я ему кинусь!

- Извините меня, пожалуйста, я не поняла это предложение.

- Я говорю: он не в Африке, чтобы на людей кидаться.

- Ага... - кивает Дзинтара и тут же заводится снова другой важной темой:

- Скажите, а сколько стоит собака?..

Мне нравились эти разговоры. Наверное, мне просто было очень жалко уходить от детства, а Дзинтара каждый день осыпала меня милостями своего волшебного возраста.

Однажды она сказала:

- Вы напишете мне в albums?

- Какой альбумс? - спросил я.

- Альбумс... Такая книжка. У нас есть такой альбумс у каждой девочки в классе. Все знакомые пишут в нем или рисуют. Для памяти. В моем уже все подружки что-нибудь написали. Даже стихи есть. Вы напишете?

- А что же писать?

- Что хотите. Пожелания для меня. Подождите...

Дзинтара принесла альбумс - обычный большой блокнот. Она стала листать его передо мной, быстро читая по-латышски и переводя:

- Вот тут мне всякие пожелания. Чтобы хорошо училась и про другое... Здесь - от моей лучшей подружки Мары. Loti smēklīgi - очень смешно... Это тоже от моей лучшей подружки Алты... Здесь, видите, по-русски... Земляничка вот красиво нарисована...

Когда мы добрались, таким образом, до чистой страницы, Дзинтара подвинула ко мне альбумс и сказала:

- Пишите.

- Что же тебе написать? - спросил я.

- Да что хотите! Лучше - смешное.

Дзинтара была немного раздосадована, наверное, она ожидала больше восторгов от своего блокнота.

- Ладно.

Я взял карандаш и написал большими печатными буквами:

"Дзинтара! Будь умницей!"

- Ну... - печально сказала Дзинтара, - Я думала, вы что-нибудь другое напишете...

- Может, я лучше нарисую? - предложил я.

- Нарисуйте! Конечно, нарисуйте! А что?

- Может, индейцев?

- Нет-нет, не надо индейцев, пожалуйста.

- Тогда бандитов.

- Не надо бандитов.

- Что же тогда? - спросил я уныло. Бандиты получались у меня лучше всего.

- Что-нибудь... красивое. Цветок.

- Не надо цветов. У тебя их и без того целая Голландия.

- Почему Голландия?

- Потому что там много цветов.

- А что вы тогда нарисуете?

- Да уж нарисую... - сказал я, начав какую-то задумчивую каракулю.

Я нарисовал.

- Ох, что это? - восхищенно спросила Дзинтара.

- Собакус, - сказал я на латышский манер.

- Да нет же! - закричала вдруг Дзинтара. - Это Мауглис!.. Как вы здорово рисуете! Это Мауглис. Я смотрела недавно фильм, и там Мауглис... такой хорошенький!

- Мда? - уязвленно сказал я. - А теперь я все-таки нарисую собакуса.

Собакус получился отменный, такой обеспечил бы аншлаг любому зверинцу.

Глядя на него, можно было понять, что выражение "свинья собачья" имеет под собой прочную основу. Дзинтаре, конечно, ничего подобного в голову не пришло. Она почему-то была готова целовать этот огурец на паучьих ножках.

Потом я каждый день рисовал собакусов - толстых, веселых, низких, капризных, желтых, синих и пегих.

Но это было потом, а теперь мы ехали в Межа парк. До парка ходил древний трамвай, который, наверное, еще помнил дореволюционные дни и носил на боках призывы покупать лучшее мыло какого-нибудь господина Будзиса. На поворотах колеса поднимали такой ужасный скрежет, что я не выдержал - высунулся из окна взглянуть: не вылетают ли из-под них искры? Искр не было, но все граждане в салоне принимались так славно раскачиваться, будто вагон пошел по морю. Дзинтара радостно смотрела по сторонам.

- Вот здесь мы были с бабулей!.. - кричала она всем в вагоне. - И здесь!..

- Межа парк, - пробубнило в вагоне.

Громкоговоритель у входа в парк праздновал наше прибытие. В киосках торговали сувенирами и значками "Старая Рига"

- Ну, куда мы пойдем?

- А куда вы хотите? - спросила Дзинтара.

- В тир. А ты?

- А я - на аттракционы.

- А что ближе?

- Тир.

- Тогда пойдем сначала туда, а потом на аттракционы - верно?
Мы пошли туда, куда вела нас указательная стрелка.

- А вы хорошо умеете стрелять? - спросила Дзинтара.
- Как Купидон.
- А этот... Cupidons - хорошо стреляет?
- Очень метко.
- Из ружья или из пистолета?
- Из чего угодно.
- Он, наверное, индеец? Как в фильме?..
- Да, как в фильме.

Мы вошли в кирпичный тир, освещенный ярким электричеством.

- Ты будешь стрелять? - спросил я у Дзинтары.
- Нет... Я посмотрю, как вы.
- Двадцать пуль, - сказал я тирщику за залавком. - Пристреляно у вас, конечно, под обрез?
- По центру, - сказал тирщик.
- Странно, - сказал я. - Во всех тирах, где я стрелял, эти игрушки пристреляны под обрез...
- У нас по центру, - робко повторил тирщик.
Я снисходительно улыбнулся ему.
- Ну-ка, Дзинтара, где здесь свободные ружья?
- Вот...
Я взвесил ружье в руке и уверенно заявил:
- Это плохое.
- Почему? - спросила Дзинтара.
- Почему плохое? - обиделся тирщик.
На меня уже смотрели.
- Кривое.
- Какое же оно кривое? - возмутился тирщик
- Я же ясно вижу: кривое. Что я - никогда не стрелял, что ли?
- Он стреляет как Cupidons, - гордо сказала Дзинтара.
- Как кто?
- Кто надо, - сказал я, высыпая пульки, как просо, на затертый плюш возле другого ружья. - Вот это ружье прямое... Ясно же видно: прямое или кривое... Так значит, по центру... понятно...
Рядом рыжий дядька выстрелил, открыл затвор. Я посмотрел, за что он дергает, тоже разломил ружье, зажмурил глаз и кисло посмотрел в ствол.
- Да-а... Сколько ж его не чистили?
Я загнал пулю и оглядел мишени.
- Куда же мы будем стрелять?
- Вон, в волка! - сказала Дзинтара с восторгом. - Пожалуйста...
- Да нет... Лучше не в волка... Сначала надо размяться, - пояснил я Дзинтаре (она послушно кивала: да, да!). - В волка - это слишком просто, мда. А это что там?
В правом углу на проволоках висели разноцветные шары: большой и мал-мала.
- до самого маленького величиной с вишню.
- Бью в большой, синий! - объявил я. У меня уже было два внимательных зрителя: Дзинтара и тирщик, обидевшийся за кривое ружье. Я оперся локтем о стойку и начал целиться, закрыв глаз. К моему удивлению, шар сразу же исчез, а мушка оказалась напротив бегемота в морской фуражке. Наверное, это была специальная мишень для моряков.
"Шар должен быть слева", - подумал я и закрыл другой глаз, но тут же взял на прицел фашистский самолет. Самолета этого я вообще прежде не видел. Рядом висел плакат. Я повернулся с ружьем еще немного и стал его читать; на плакате было написано: "Во время подъема мишеней держите ружья дулом вверх".
- Ч-что это такое, - сказал тирщик, заметно волнуясь. - Уберите оружие!

Он сидел под плакатом.

- Разве это оружие? - мило спросил я. - Это же игрушка!.. Ну-ка, где там шар?

- На этот раз шар был здесь.

- Значит, по центру... - бормотал я, борясь с ружьем.

Через секунду я выстрелил. Шар закачался.

- Ну что? Как? - спросил я Дзинтару.

- Как вы хорошо стреляете! Еще, пожалуйста.

- С удовольствием, - сказал я. - Сейчас... Жалко, что здесь тир без выигрышей, а то бы мы непременно выиграли что-нибудь... ватного зайца, например...

- Лучше мишку...

- Ну, мишку, всё равно... Однажды мы с одним моим приятелем выиграли в тире мишку и... коробку конфет. Он стреляет даже лучше меня: может даже через спину, с зеркальцем...

Дзинтара смотрела на меня во все глаза, и другие тоже смотрели: ведь я галдел больше всех. Я чувствовал, что лечу в пропасть, но не мог остановиться.

- Кого мы собирались убить? Волка? Этого в штанах? А ну...

Я шарахнул по волку, не целясь. Мне казалось - нажми я только курок, и он кувырнется. Но волк тоже был не промах и не собирался сдаваться сразу, как дешёвка.

- Он что - припаянный? - спросил я у тирщика.

- Да нет... вроде, - сказал тот.

Он тоже не понимал, как такой великий стрелок мог промазать.

Я загнал в ствол пулю и послал ее прямо в оскаленную пасть. Раздался звук, который бывает, когда муха разбивается о стекло. Волк сделал неуловимое движение, как будто хотел почесаться, но собрался с силами и остался торчать в прежней позе.

- Матерый! - сказал я со злым весельем.

- Вы не торопитесь, - подсказала Дзинтара.

Бедная Дзинтара! Она не знала, что в последний раз я стрелял пять лет назад из рогатки по розовым ушам однокашников в переднем ряду.

Я слышал, как рядом уже спрашивают по-русски и по-латышски:

- Kurp viņš šauj? - Куда он стреляет?

И отвечают:

- Псу под хвост...

- Мазило!..

- Говорил, вроде, что ружье кривое...

- Слишком прямое для такого.

- Хе-хе!

Гражданин в плюшевом кепи и идиотском галстукке разводами, отстрелявшись столь же успешно, как и я, плюнул на пол и сказал:

- Дай пулю, всё равно мимо лепишь.

- Плевать в помещении запрещается, - сказал смотритель тира.

- Вот-вот, - сказал я, - запрещается.

- Зато мазать не запрещается, - сказал этот кретин и вышел на улицу - убивать всех своим галстукком.

- Вы, наверное, не туда стреляете, - стала подсказывать Дзинтара. - Нужно стрелять не в волка, а в черненькую точку такую внизу... видите? Круглая... ма-а-аленькая...

- Пойдем, - сказал я уныло. - Я не хочу больше стрелять.

- А пули?.. Смотрите: у вас еще столько много пуль!

- Пусть подавятся этими пулями, - сказал я черным голосом. - Пошли... ну!

- Пошли, если вы хотите...

Мы вышли из проклятого тира.

День разгорался и сиял, и мы шли то по солнцу, то в тени дубов. Я хотел спросить у Дзинтары, как по-латышски "дуб", но подумал, что она, наверное, меня презирает.

В парке всюду были люди: сидели, стояли, ходили. На траве расположились выходные бухгалтеры в широких подтяжках, с женами и детьми, они пили сок из баночек, ели сыр и оставшиеся с будней котлеты. Рабочие без жен пили пиво с рыбой, разложившись на газете. Их дети в штанах с одной бретелькой разбойничали в кустах не хуже индейцев сиу.

Бегали летние, упитанные, самостоятельные собаки. Нагло подходили, клячили хвостами и глазами. Равнодушно ели предложенную домашнюю, краковскую, одесскую колбаску по три пятьдесят. Дзинтара восхищалась, сюсюкала. Собаки подходили к ней, нюхали пустые руки и убегали.

Я шел, подавленный своей тартареновской стрельбой, только следил за разноцветными стрелами: "К аттракционам".

- Ой, собакус! - сказала Дзинтара.

В тени бежало чудо: сарделька на вывернутых ногах.

- Да смотрите же, собакус! Совсем как вы рисовали!.. Собачка, собачка, пас šurp! Иди сюда! Тц... тц...

Пестрое чудо обернулось и посмотрело оценивающе. Где же колбаска? Оно побежало дальше, переваливаясь.

- Это был собакус, правда? - сказала Дзинтара.

- Угм, - отозвался я ржавым голосом.

- А вы нарисуете мне еще?

Я посмотрел на Дзинтару подозрительно: неужели она не смеется надо мной? Почему? Я заслуживал того, чтобы смеяться, острить, показывать пальцами...

- Почему вы молчите? Вам скучно со мной?

Бог мой, она уже забыла весь наш позор в тире! Она просто удивлялась, что я молчу.

- Собакус? - спросил я, оживая. - Да... похож... нарисую...

- Спасибо! - воскликнула Дзинтара. - Ой, слышите?.. Это attrakcionas, пойдёмте! пойдёмте!

Из-за деревьев доносилась музыка и далекий гром, похожий на грохот аэропорта. Сначала сквозь стволы и листья видно было лишь полосатое мелькание - будто выбивают матрацы, но когда мы приблизились, то увидели полную картину. Кругом всё несло и вертелось относительно вращения земли, себя самого, Межапарка и толпы, в которую канули мы с Дзинтарой. Галилей пришел бы в восторг. Всюду сидели люди с раскрытыми ртами и выпученными глазами-пузырями. Они бесконечно взмывали вверх, с завыванием неслись по прихоти машин, падали, визжали и умирали на лету. Огромная труба, отправляясь, гудела, как сочинский экспресс. Потом она лениво вращалась, рассыпая дикие крики из утробы, и это называлось "Аттракцион "Космический полет". По прибытии изнутри вылезали люди, квёлые, как обрызганные тараканы, и ползли становиться в очередь на следующий замес. По железным буграм и кочкам летел "Музыкальный экспресс". Тех, у кого душа не хотела сразу выскакивать на колдобинах, убивала в тоннеле музыка, вполсилы напетая на пластинку Джельсомино, разрушающим голосом горы. На миг даже эту музыку заглушили визги, полные ужаса: это сверху упал по рельсам вагончик американских горок с полуобморочными дамами.

- Вот... - сказал я. - Аттракционы. Куда двинем?

- Что? - сказала Дзинтара. - Простите, пожалуйста, я не...

- Куда пойдём, я говорю? Крутиться-вертеться?

- Крутиться-вертеться! - сказала Дзинтара, радуясь. - Выберите, пожалуйста, вы.

- Я? - сказал я. - Ну, что ж... Ладно!

Я снова осмотрел всё.

Самым невинным развлечением здесь была карусель с вздыбленными лошадьми, лимузинами и слонами. Но каруселью завладели дети, которые могли случайно назвать меня "дядей", а то и "папой". Престиж требовал выбрать что-нибудь хотя бы для дзинтариного возраста.

- Пойдем, знаешь, куда... - сказал я ей. Меня очень привлекал старый брезентовый самолет. "Вот тихий, спокойный аттракцион", - подумал я. Это был заезженный, невзрачный аттракцион. На брезентовом крыле оторвался от старости кусок, он загибался и хлопал, когда самолет с тарактением летал по кругу. И очередь здесь была не очередь - всего два человека. Сначала я подумал, что Дзинтаре не понравится мой выбор - ее потянет на красивый "Музыкальный экспресс" или в космическую трубу. Но Дзинтара сказала, что самолет - это тоже здорово.

- Это самолет системы ЛА-5, - сказал я, пока мы ждали своей очереди. - На таких летал Иван Кожедуб - трижды герой, и Маресьев, тоже герой.

- Правда? - сказала Дзинтара. - Как интересно!

- Да, - сказал я. - На таких самолетах воевали... гм... даже ходили на таран... Знаешь, сколько надо мужества, чтобы пойти на таран в воздухе? Ого!

Женщина, которая заведовала аттракционом, пригласила нас занимать места. Дзинтара села впереди, я - за ней.

- Пристегнитесь, - сказала женщина, - а то выпадете.

Она застегнула страховочный ремень на Дзинтаре.

- Я сам, - предупредил я.

- Сумеете?

- Еще бы, в первый раз, что ли! - важно сказал я.

Женщина отошла к рубильнику, лениво сказала: "Внимание, отправлено!" - и включила ток.

Пропеллер затрещал, как настоящий, будто мы действительно вылетали в бой. Всё окружающее медленно поехало мимо. Мы миновали размахнувшиеся до неба качели. Я наклонился к Дзинтаре и сострил сквозь шум:

- Идем на таран!

Проехала будка, где продают билеты. Возле будки стоял народ. Проехала другая будка - с мороженым.

Мне нравилось, как плавно мы вертимся, и я был доволен, что выбрал такой хороший аттракцион.

Самолет набирал скорость. Картины стали сменяться быстрее: качели-будка-народ-мороженое, качели-будка-народ-мороженое...

Мотор завывал. Оказывается, этот допотопный самолет двигался резвее, чем казалось со стороны. Я вдруг открыл для себя центробежную и центростремительную силы. Одна потянула меня выскочить вон, другая вжимала внутрь. Я попытался унять сначала одну, потом другую, но эти капризные женщины не поддавались.

Меж тем пролетели в который раз качели... и снова качели... и снова они...

Наш славный полет стел мне нравится гораздо меньше. Почему-то вдруг начали отниматься ноги. В животе выросал ком.

Самолет уже мчался вверх. Карусели, парк - всё исчезло. Уже было две тысячи... пять тысяч метров высоты, поплыл туман... Нет, не туман. Откуда туман? Облака?

Ком в животе начал крутиться, словно мои внутренности угодили в миксер. Оставалось только добавить маслину и подавать коктейль в моем черепе.

Я глотнул воздух сквозь сжатые зубы.

Остановитесь!..

Инквизиторы! Я же не Кожедуб! Не надо больше крутить!..

Фу! Проклятый мотор замолк. Стало снова слышно, как мчит "Музыкальный экспресс".

Женщина у рубильника дала тормоз. Самолет затрясло, словно мы приземлялись на картофельном поле, и он остановился. Я отстегнул ремень, сказал Дзинтаре несколько слов на языке новорожденных, показал на пустую скамейку у кустов и побрел туда. Я не слышал, как сзади вылезла из самолета Дзинтара, как она спустилась по лесенке и побежала следом.

Я сел, отвернувшись от той стороны, где крутилась пестрая рулетка аттракционов и люди в ней катались, как шарики. Я уже не мог смотреть на все это и зажмурился. Это было почище тира. Я был раздавлен.

Я почувствовал, что Дзинтара села рядом.

- Вам очень плохо? - спросила она.

Я молчал, словно студент, обучающийся языкам по системе Тимма.

- Ой, какой вы белый! - воскликнула Дзинтара.

Я открыл глаза, разлепил кислые губы.

- Белый? Неправда! - сказал я.

Я мог хорошо представить себе свою внешность в этот момент: зеленый и серый, вылезший из картины Чюрлёниса.

- Нет-нет, белый! Loī balts! - сказала Дзинтара. - Вам надо посидеть немного, а потом мы пойдем. Вы посидите, пожалуйста.

- Ладно, - сказал я. - Но ты не думай, что я... Мне просто нехорошо... Наверное, напекло солнцем голову...

- Да, я тоже так подумала, - сказала Дзинтара.

Милая Дзинтара!

Она любила меня. Я был брат. И что бы я ни делал, как бы смешно и неловко ни вел себя, она не хотела замечать этого. Она не хотела видеть ничего черного между нами - только светлое. А сама она была "Дзинтара" - "янтарная".

Когда я уезжал, она подала мне руку и сказала:

- Вы пришлете мне еще картинки?

- Обязательно, - сказал я. - Нарисую и пришли.

Я уехал, но так и забыл послать Дзинтаре ее собакусов.

Зачем я рассказал вам про это?

Наверное, я просто посмотрел на небо, и на сердце мне скатилась звезда воспоминаний.

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

I.

Лера позвонила в конце декабря, когда мы давно были словно два острова, разделенные проливом. Прошлое уже казалось мне далеким и ненастоящим. Этот звонок вдруг воскресил его.

- Здравствуй...

- Здравствуй.

- Узнал?

- Еще бы.

- Что делаешь?

- Да так... - неопределенно сказал я.

- Страдаешь от скуки?

- Да нет. Эта гражданка меня не посещает.

- Можно подумать, что тебя посещают другие гражданки.

- Почему бы нет, - сказал я, хотя она угадала. - Запись в очередь во дворе Дома моды.

- И долго ждать?

- Долго, - сказал я. - Как подписку на поваренную книгу.

- Шутить получше ты пока так и не научился, - засмеялась Лера.

Потом она помолчала немного и сказала:

- Может быть... встретимся?..

Встретимся! После всего, что произошло, она говорила это просто, словно: я хочу пить.

- Лера... - сказал я. - Ты думаешь... это нужно?

Снова Лера.

Зеленое пальто, пушистая шапка и синий свитер, когда я помог ей раздеться в "Валдае". Только волосы у нее были уже не золотые - каштановые, и лишь на концах остались светлые нити, напоминающие о фее.

В ознаменование Лериной победы мы выбрали "Валдай" - это было чуточку шикарней, чем то, где мы бывали раньше. Здесь имелся просторный бар на втором этаже: хочешь - сиди в баре, а хочешь - иди в зал, где как в каждом недавно открытом месте, было очень прилично, на лампах были золотые купола, а кожаные мягкие сиденья глаголями огибали столы.

Теперь я не опасался, что получится, как тогда, в "Метелице": у меня в кармане к записной книжке были скрепкой приколоты двадцать пять рублей. И музыка в "Валдае" была не такая, как в "Метелице": не кофейная, вроде Жужи Залтани, возвращенного Ободзинского и полсотни неунывающих парней, пришедших на помощь старикам Битлзам. В "Валдае" любили музыку более солидную, шашлычную: На-ни-на-ни-на Брегвадзе и бархатного Фрэнка Синатру.

Посетители пили коньяк и ели шашлыки. Мы прошли совсем близко от компании, где царил восточный князь. Наверное, обмывал удачно проданную партию мороженой хурмы. Он послал Лере такой взгляд, что, будь вокруг соплеменные горы, мне пришлось бы схватиться за кинжал. Немудрено, впрочем, что он обернулся. Рядом с ним самим сидела дива типа "купите бублики", такая пухлая, словно ее испекли в духовке.

Злорадствуя, я положил Лере руку на плечо. Не желая уступать, князь повернулся к своему чуду и тоже обнял ее честно нажитое добро.

Породистый официант уже заметил, что мы оглядываемся, как одноногий в переполненном трамвае, и шел к нам, не особо, впрочем, спеша. Он исследовал нас на расстоянии. Синий свитер внушил ему сомнения, но мой галстук и новый пиджак обманули профессиональный нюх.

- Вот столик. Желаете? - сказал он.

Я поблагодарил его кивком сира.

Я вообще пыжился и важничал, как огородное чучело, потому что чувствовал, что здесь к этому привыкли. Тем, кто не хотел подчиниться духу места, лучше было идти в суетливую "Метелицу" или, того хуже, в приторно-чайный "Аромат".

Официант подал нам меню или, как пишут в красивых романах, карту. Мне тоже очень хочется написать: "карту", потому что при слове "меню" по привычке чудится бойкая столовая, где атлетические макароны обнимают умирающую котлету.

Итак, нам подали карту.

- Что будем пить?

Я изучил список вин.

- Мускат.

- Здесь есть еще, между прочим, мороженое, - шепнула Лера.

- Что ж, - сказал я. - Возьмем и между прочим мороженого.

- А еще что? - спросил официант. - Икра, крабы, жаркое, шоколад?

- Нет, - сказал я. - Ничего не надо.

- Непорядок, приятель, - сказал официант. - У нас план.

- У вас план - у нас карман, - вдруг выскочило у меня, так что даже пара напротив замолчала, а Лера хихикнула.

Разобиженный официант ушел.

Мы с Лерой закурили и стали смотреть в зал, еще не зная, о чем говорить.

Пара напротив уже выпила полбутылки шампанского. Парень был рыжий, в костюме в клетку. Он все время наклонялся к своей соседке, а та смотрела в тарелку и водила вилкой по общепитовскому ободку. Парень рассказывал про то, как в начальной школе их всем классом водили в бассейн. Учитель не спросил: дети, кто умеет плавать?, а сразу скомандовал: прыгайте! Все прыгнули, и рассказчик чуть не утонул, потому что плавал не лучше, чем мотыга.

Девушка слушала, и все водила вилкой по тарелке. Наверное, она не знала, сочувствовать или смеяться, потому что кавалер был страшный зануда и говорил так, что было непонятно: жалел себя или хотел ее позабавить. Поэтому она кивала и говорила: да, да. Все время: да, да. И разговор их был нудный, как репетиция барабанщика...

- А помнишь, - сказал я Лере, - ты хотела надеть длинное зеленое платье, когда мы в следующий раз пойдем в кафе?

- Правда, - сказала Лера. - Странно, что ты это вспомнил.

- Я еще много помню. Например, как в пансионате ты сушила волосы у батареи. Лера улыбнулась.

- А помнишь, как ели кекс?

- Брекекекс, - сказал я. - А помнишь...

У нас было достаточно воспоминаний. Мы вспоминали с удовольствием наши прогулки, наши поцелуи и ссоры. "А помнишь?" мы произносили как пароль в будущее. Кругом курили, и мы видели, как из дыма складываются призрачные башни, разваливаются – и снова растут новые.

Нам уже принесли мускат и мороженое. Я разлил вино, и мы пригубили.

- Где ты был летом? - спросила Лера.

- В Риге. Загорел, как дьявол. Ты была в Риге?

- Нет, - сказала Лера. - Там хорошо?

- Мне понравилось.

- Жалко, что меня не было с тобой, - сказала Лера; ей, наверное, на самом деле было жалко, потому что глаза стали грустные.

- Жалко, что тебя не было, - подтвердил я, чтобы ее утешить.

- Как ты там жил?

Я стал рассказывать про Юрмалу, про подкову Петра I, про ядра, застрявшие в Арсенальной башне. Потом я хотел рассказать ей о Дзинтаре, но вместо этого спросил:

- А где была ты?

- Ты же знаешь, как я люблю юг. Я была в Сочи.

- Одна?

- Сначала одна, - кокетливо сказала Лера. – А потом составила целая компания. У меня даже были поклонники, но не очень интересные. Я покажу фотографии.

- Сочи, юг, брр. Мусор, жара, толкучка.

- Что ты, - сказала Лера. - Было очень мило. Все время солнце. Милая, компания. Мы ели фрукты прямо на пляже.

- Было здорово?

- Нет. Немного скучно.

- Ты же сказала: мило.

- Мило, но скучно.

- Угм, - сказал я.

Лера взяла сигарету, положила ногу на ногу, так что ее туфель касался меня под столом. Диван сдвигал, прижимал нас друг к другу. Диван для того и был создан, чтобы обниматься. Но мне не хотелось ее обнимать. Пусть обнимаются восточные князья и все прочие. Так было благородно: сидеть, разговаривать, молчать. Старый, добрый роман. Старый добрый мускат.

Я слушал, как Лера рассказывает про поклонников, про ухаживания, про ночные пиршества, но меня совершенно не трогали эти рассказы. Не трогали - но все

равно я каждый раз возвращаюсь обратно. Наверное, это неизбежно. Лера стала пристанищем, от которого не убежать. Как порт приписки для парохода.

Дым плавал в воздухе.

- Сколько накурено, - сказала Лера. - Лампы похожи на бакены в тумане, правда?

Сосед, что по ошибке провидения все же не утонул в бассейне, услышал Леру и посмотрел с удивлением. Наверное, он не привык к таким словам. Он был из тех остряков, что карандашом пишут на стене у окошка прачечной: "Стучите громче, сопите тише".

Его девушка молчала и совсем уткнулась в стол.

- Точно: похожи на бакены, - сказал я громко, назло этому типу.

- А мы - на пароходы, - сказала Лера.

Я удивился, как точно она угадала мои мысли о пароходах.

- Верно. Ты - белоснежная яхта.

Лера засмеялась и сказала:

- А ты - гордый лайнер.

- Старый, закопченный, колесный.

- Нет, - сказала Лера, - новый, свежепокрашенный, желтоносый.

- У пароходов нет носов. Желтофорштевеньный.

Наши соседи начинали меня раздражать своими повадками мумий.

- Пойдем, потанцуем, - предложил я Лере.

- Я давно ждала, когда ты это скажешь, - ответила она.

Лера встала из-за стола, я взял ее за руку и повел в круг танцующих. Мы стали танцевать медленный танец. Лера обняла меня и прижалась щекой к моей щеке. Волосы у нее все так же пахли лаком, это был запах воспоминаний. Я наклонился и сказал ей тихо:

- Ты красивая... Мы - самая шикарная пара.

Она подняла лицо и улыбнулась.

Мне хотелось сделать Лере что-нибудь приятное.

- Куда ты идешь встречать Новый год? - спросил я.

- Так... в одну компанию.

- Какую же?

- Ты никого там не знаешь.

- Это твои институтские друзья?

- Да... Не совсем. Меня пригласил один мальчик... Неудобно уже отказываться.

Там будет, наверное, скучно, но я обещала.

- Скучно, но мило, не так ли?

- Ну что ты, Тимка! - сказала Лера. Ей нравилось, что я сержусь: получалось, что я ее ревную. Хотя, почему бы мне на самом деле не ревновать? Красивых девушек всегда ревнуют. Кроме того, я был доволен, что Лера оправдывается, это значит, что я еще имею над нею какую-то власть.

Танец кончился, но мы стояли, не отпуская объятий - ждали, когда музыка заиграет снова. Это было совсем как тогда, в пансионате, в наш первый вечер.

Музыка началась, и Лера спросила:

- А где ты встречаешь Новый год?

- У Сереги Волчка. Помнишь его?

- Серега?.. Нет, не помню. Я его видела?

- Ну как же! - сказал я, мне было обидно, что такого замечательного человека забыли. - Он же был со мной в пансионате. Худой... брюнетистый...

- А! - сказала Лера. - Конечно, помню!

- Он устраивает вечеринку на Новый год. Ты можешь пойти к нему со мной, если хочешь.

- Извини меня, Тимка, мне бы очень хотелось. Но я уже не могу отказаться.

Никак. Не дуйся!

- Да нет же, я не дуюсь.

Мы помолчали, каждый слушал музыку.

- Как хорошо! - сказала Лера. - Хорошо бездельничать. Скоро экзамены... Подумать только - почти целый месяц экзаменов!.. Ты едешь куда-нибудь отдыхать после сессии?

Я никуда не ехал, но решил на всякий случай не признаваться.

- Не знаю. Пока не собираюсь. А ты?

- Я опять еду в пансионат.

- В тот же?

- Нет, совсем в другой. Он называется "Вотрино", и добираться туда нужно по Ярославской железной дороге, а потом на автобусе.

- Это далеко?

- Не очень, кажется, километров тридцать от Москвы, - Лера посмотрела на меня искоса взглядом восточной принцессы и прибавила: - Если хочешь, можешь ко мне приехать... погостить.

- Конечно, хочу, - сказал я тотчас же. - А как я буду жить? Зайцем? Обожаю.

Кто в девятнадцать лет не любит неведомые путешествия, когда тебя на каждом шагу ожидает чувство таинственного и неизведанного, как мальчишку на железнодорожных задворках!

- Запомню, - повторил я, - "Вотрино". По Ярославской... Не выгонишь?

Лера обиделась, надулась, как земной шар.

- Пока что всегда ты меня выгонял.

Извини, я сказал бестактность... Я дурак, Лера. Честное слово, мне ужасно нравится, что мы снова вместе.

Я наклонился к самому Лериному уху.

- Извини, пожалуйста, слышишь?..

- Ладно, - вздохнула Лера. - Но больше не говори так.

Мы станцевали еще пять танцев подряд. Никогда еще я так много не танцевал.

Когда мы собирались уходить, официант долго не подходил рассчитывать: обиделся на шутку. Он пробежал мимо, не откликаясь ни на мои пощелкивания пальцами, ни на "Позвольте вас на минутку". Такой обидчивый официант...

- Какой обидчивый официант, - говорил я, спускаясь по лестнице. Я обнимал Леру, мы шли по самой середине, и нас обходили. - В Риге официанты вежливее... Сначала - шашлык "Под соснами", потом кружку пива в "Вигваме", потом - горячей похлебки в... забыл - там, где сети развешены под потолком и фонари. А вечером - "У самовара" или варьете в "Юрас перле"... На следующий год поедем туда вместе - всё-всё увидишь, - так я говорил, уже помогая Лере одеваться в вестибюле.

Мы вышли на улицу. Лера взяла меня под руку и прижалась ко мне. Мне было хорошо, я чувствовал в желудке отличный мускат за восемь рублей. И я подумал, что не зря ехал в метро на свидание через весь город в самый центр. Это были чертовски замечательные часы.

Ночь.

У парка застыли, заснули трогательные троллейбусы, занесенные снегом. Снежинки в фонарном свете летят, как стаи мошек...

Я пойду на Новый год не с девчонкой. Я пойду с Легой Лещиным.

2.

У Леги Лещина были черные усы.

Когда Лега смеялся, усы поднимались кверху, а под ними появлялись зубы - белые-белые, два передних - как у зайца.

Настоящее имя Леги Лещина было Олег. Он был старше на год, но заболел, много пропустил и попал на наш курс. Однажды в начале сентября он вдруг пришел и сказал:

- А я - к вам, - и улынулся.

Черные усы тут же поползли кверху и показали нам зубы - два передних, как у зайца.

Сначала он мне не очень нравился. Я решил, что наше новое приобретение слишком самонадеянно, велико и шумно. Лега любил громко говорить и махать руками, и тогда казалось, что рядом находится шестирукий бог Шива. Но у бога Шивы была гирлянда из цветов лотоса, а у Леги - лишь дурацкая куртка сливочного цвета.

До появления Леги я был единственным в группе писателем и первым поэтом. Это значит, я сочинял стихи. Например, такие:

Я бы вниз
сорвался по перилам
И - пошел бы, пошел
по телам, как по плитам...
Не могу...
Ах, зачем поэзии заезженная кобыла
Меня в детстве лягнула
добрым копытом?

Читателей (и почитателей) у меня было немного - только Леонид Рундуковский, Серега Волчок, ну и кое-кто еще. Я оказал эту сомнительную честь только им, потому что они знали меня лучше всех, и могли более благожелательно отнестись к моим робким рассказам, похожим на бумажные кораблики, тонущие во множестве многозначительных многоточий. Я не давал их читать больше никому, потому что другие могли бы посмеяться над всеми моими добрыми Донами Дилидонами и над забористыми Дьяволами, а мне это было бы неприятно.

Оказалось - усатый Лега тоже был писателем. Это открылось случайно. Однажды, сбежав с лекции, я шел по институту и увидел Легу. Лега сидел в коридоре на рыжем брошенном канцелярском столе. Он писал, не отрываясь, в тетради, на тетради было большими красивыми буквами написано: "О.Лещинь". Я сразу понял, что можно писать в такой тетради, и разозлился, потому что у Леги получалось слишком быстро. У меня дело двигалось медленно и трудно, как постройка пирамид. "Борзописец!" - неприятно подумал я.

Когда я подошел (совершенно равнодушным шагом, разумеется), Лега даже не поднял голову.

Я постоял рядом.

- Что это ты здесь делаешь?

- Пишу, - веско ответил Лега.

- Роман, конечно? - не сдержался я.

- Нет, - сказал Лега беззлобно. - Так... рассказ.

Я обошел его вокруг, тоже сел на стол и сказал роковым голосом:

- Почитай.

- Пожалуйста, - сказал он. - "Италия. Голубая чаша неба над ослепительно белым городом. Голубовато-белый конус Везувия вдали. Помпея. Пустынные белые улицы - и каждый шаг гремит в них, и будит эхо веков ..."

- А почему - Италия?

- У меня отец - обрусевший итальянец, - сказал Лега.

Это меня заинтересовало даже больше, чем сам рассказ.

- Ты и по-итальянски умеешь говорить?

- Нет. Совсем ничего почти.

- А... - сказал я разочарованно.

Так у нас получилась дружба.

И меня уже не трогало, что Лега вдруг появлялся с тетрадью "О.Лещинь", садился на стол и читал из нее всем вслух, водя безопасным концом сигареты по мелким муравейным строчкам своего почерка.

Таков его портрет.

Иногда мы с Легой ходили пить пиво в Парк Культуры. В парке увядали цветы, скучала осень. Балаганы еще пугали приезжего своими яркими шапками, но около них уже не было видно никого.

Пиво и сосиски тогда давали в забегаловке, которая выходила на угол геометрического пруда, где летом плавали лодки и лебеди. Теперь там плавали только желтые листья. Сдобная женщина налила нам пива, а на сдачу мы взяли бутербродов с сыром.

- Раньше здесь в пруду были лебеди, - сказал я Лега. - Помнишь - белые?

- Нет, - сказал он, - они были черные.

- А по-моему, белые. Впрочем - какая разница!

- Действительно, какая разница!..

Лещин сдувал пену; на воду садился желтый лист. Осень.

Весной разговоры у нас плохо получались. Весной нас обуревала страсть к бродяжничеству или, как называют ее умники, дромомания. Зато философствовать осенью в парке - вот было наслаждение!

Хорошо разговаривать! Стоят двое людей у геометрического пруда или просто так где-нибудь на углу, и льется беседа. О шифере ли беседа, о девчонках, о событиях в закудыкиной республике - неважно о чем, но зато как здорово ощутить свое величие и правоту, а затем утвердить и правоту собеседника неопровержимым "верно".

Мы с Легой любили разговаривать о литературе. Особенно нас интересовал вопрос: кто же отбирает книги для Истории? Ведь на свете миллионы пишущих перьев (сначала Лега утверждал: сотни тысяч, но потом тоже согласился: миллионы), но написанное одними навсегда остается с людьми, а прочая огромная масса бледнеет и тонет во времени. Плохие книги в счет не шли, с ними и так все обстояло ясно. А вот кто и как отделяет вечную классику от просто хороших писателей? Где скрывается эта сила? Для нас, бедных крестьян той же нивы, это был большой вопрос, мы брали еще бутербродов и начинали орать на весь геометрический пруд.

- Ты понимаешь, - орал Лещин, - кто-то должен это делать! Перебирать всех писак и отделять высший сорт от первого сорта.

- Правильно, - вторил я. - Не занимается же этим господь-бог!

- Не может быть также, - продолжал Лега, - чтобы этот вопрос решали просто большинством голосов. Почему? Поясняю: потому что тогда бы в историю литературы попали бы сплошные детективы и обывательские нюни.

- Правильно!

- Мы должны до конца разобраться в этом вопросе, верно?

- Верно! - орал я. - А ты, Лега, чувствуешь в себе силу пробиться на мировую книжную полку?

Лега молчал, со значительным лицом он глядел на небо, упавшее в пруд, а затем говорил:

- Не знаю... Почему бы, вообще-то, и нет?

Потом снова унывал:

- Уж больно фамилия у меня неподходящая: Лещин... Разве можно с такой фамилией?

- Еще хуже есть фамилии, - утешал я. - Лещин - что! Вот есть фамилия Корпелло, я вчера видел в "Гудке". Или - Застращук. Ужас!.. В крайнем случае можно и псевдоним придумать. Ну да! Конечно! У всех уважающих себя писателей были псевдонимы!

Нам никогда не удавалось договорить до конца. Обязательно кто-нибудь с кружкой вставал рядом и тоже начинал влезать в наш разговор. Какой-нибудь забулдыга в черном пальто с испачканным мелом плечом. И откуда их столько берется, забулдыг? Тогда, чтобы отвязаться, Лега принимался кричать:

- А мы вот обмываем с утра... Такое дело - у друга (он показывал на меня) сын родился. Три кило... Представить себе только: три-и-и!

Все пучили глаза на такого молодого папу, лезли меня поздравлять, а Лега был очень доволен, что не упустил случая развлечься. Он вообще был из тех, кто не может пройти мимо консервной банки, не поддав ее ногой.

Когда я предложил Леге пойти со мной на Новый год к Сереге Волчку, он сразу же согласился.

Мы позвонили, и Серега Волчок открыл нам дверь. Он был в красной клетчатой рубашке и джинсах.

- Лега... Сергей... - представил я их.

- Отлично, - сказал Серега. - Идите в гостиную.

Пока не начался пир, все гости собирались в гостиной, ставили пластинки и курили. Знакомые беседовали, незнакомые старались казаться непринужденными и незаметно оглядывались.

- О, кресло! - сказал Лещин.

Через минуту он уже сидел там и говорил:

- О, сигареты!

Он взял со столика пачку и вытащил сразу две штуки: одну закурил, а другую убрал в нагрудный карман. Потом он спросил, наклонясь ко мне:

- Это кто такой тощий нам дверь открыл?

- Это хозяин, Сергей Волченков, я же тебе говорил...

- Ах, да, да... А сейчас кто это с ним?

- Это его сестра Ольга. Хочешь еще что-нибудь о ней узнать?

- Да ну!.. А это кто?

- Который?

- Блондин с маленькими глазками.

- Это еще один Сергей. Укаев. Ты его не видел разве? Он в нашем институте учится.

- Видел... А где же Леонид?

- Не знаю... Наверное, еще не пришел.

В это время позвонили, Волчок кинулся открывать, потом вернулся и сообщил, что пришел Леонид с дамой.

- С кем это он? - недовольно сказал Лега. - С Машкой опять, наверное, гиеной этой?

- Наверное, - сказал я.

- Надо будет ему сказать, чтобы он это дело бросал. Пора быть мужчиной.

Совсем разнюнился: ходит, как в воде, мечтатель! Песенки французские мурлычет. -

Лега склонился и сообщил мне доверительно: - Она же на него плюет!

- Я уже говорил с ним. - сказал я, вспоминая бар в гостинице "Москва" и разноцветную рулетку коктейлей. - Только он и слушать не хочет.

Вошли Леонид с Машулей.

- Здорово, Леонид! Привет, Машуля! - сказал Лещин, показывая знаменитые зубы. - Ишь, как одеты, как две картинки!

- Что-то ты больно приветлив, - сказала Машуля, прошла мимо и села на диван. Леонид последовал за ней, махнув нам рукой.

- Ну и гиена, - сказал сквозь зубы Лега. - Волчица!

- Прошу внимания! - сказал Волчок, снова объявляясь в дверях. - Есть мысль: прямо сейчас сесть за стол - проводить старый год.

- Хозяин - барин! - со сдержанной алчностью согласился чей-то голос.

- Тогда за дело.

Все пошли в соседнюю комнату, где при зажженных свечах ждал накрытый стол.

- Омаров с трюфелями, конечно, нет, - сказал Лега. усаживаясь.

Я сел рядом с ним

- Сам понимаешь: складчина.

- Никогда не произноси этого слова, - сказал Лещин.

- А какие слова произносить?
- Скромный товарищеский ужин, - сказал он и выставил два батальона зубов, так что я не понял: серьезно он говорит или нет. - Учись делать жизнь немного красивее, чем она есть.

Вилочный, тарелочный, рюмочный звон... От разговоров огни на свечах прыгают.

- Вам что положить, мессер? - солидно спрашивает Лещин.

- Что и себе.

Он шурует вилкой, и по потолку ездит лохматая тень.

- За старый год! - говорит Серега Укаев - друг Волчка. - Все согласны?

Все согласны. Я вспоминаю старый, умирающий год: лунный свет на веранде, синий свитер, телефонные звонки... Как иногда хочется, чтобы действительно была граница, за которой остается все старое. Говорят, что в некоторых странах под Новый год бросают в окна рухлядь, убитую временем. Но выбросить все лишнее из самого себя не умеют, наверное, даже там.

Это потому что в душе нет окон, думаю я.

- А ты почему один, без девчонки? - слышу я голос Лещина.

- Да так...

- Ты ведь рассказывал - у тебя есть одна... даже симпатичная, - напомнил он, бодро убирая колбасу.

- Красивая, - поправил я.

- Не знаю, не видел, - сказал Лещин. - Где же она?

- Да так... - сказал я совсем непринужденно. Она просилась со мной, но я отвызался. Я и без нее могу повеселиться.

- Правильно, - сказал Лещин. - Положить тебе грибочков?

- Положить... А ты сейчас с кем-нибудь встречаешься?

- Я сейчас один, - внушительно и немного устало сказал Лега, и я позавидовал ему: Лещина девчонки любили, и с такими усами даже одиночество выходило как достоинство.

Напротив нас сидят Леонид с Машулей - их лица кажутся желтыми из-за огня свечей. Леонид курит, и когда он выпускает дым, то в потолок кидается огромная распластанная тень. Машуля наклоняется к нему иногда и что-то говорит - тогда Леонид кивает, словно большая унылая птица. Я удивился, почему он такой печальный - ведь рядом с ним его любимая девушка. Он должен смеяться громче всех, блестя глазами, всех очаровать!

В углу тихо старается магнитофон. Вино исправно наливается в рюмки и исправно выпивается. Иногда кто-то кричит на весь стол остроу. Иногда удачную, иногда нет. Обычная вечеринка.

Леонид все кивал как птица.

- Какой балбес! - сказал я тихо Лещину. - Напоминает карася возле щучьей пасти...

- Да я на него уже рукой махнул, - сказал Лега, жуя очередную жертву с ближнего блюда.

Лещин сказал это громко и обидно, и Машуля посмотрела на него нехорошо и достаточно пронизательно. По Машуле никогда нельзя было понять, какие волны ходят в этих глубинах, у Леги же все проявлялось на физиономии, словно это был сигнальный семафор: "сержусь", "растерян", "слегка вами сражен".

Машуля потыкала в Легу взглядом-колючкой и в отместку сказала громко и ровно:

- Лёня, положи мне салату.

Леонид засуетился. Можно было подумать, что его попросили по меньшей мере сплести на глазах персидский ковер. Он зачем-то вытащил изо рта сигарету, схватил Машулину тарелку, полез за несчастным салатом. Потом он добросовестно соображал, где у него третья рука; наконец, бросил сигарету в пепельницу и взялся за ложку. Мы с

Легой с горечью наблюдали за этой картиной, словно каждая ложка салата была горстью земли на крышку Леонидова гроба.

Машуля ковырнула салат и победно сказала в нашу сторону:

- Ты положил мне слишком много, Леонид.

Мы были убиты; у Лещина задрожали усы, и он закричал:

- Налейте вина, выпьем!

- Выпьем! - крикнул Укаев.

Мы выпили и закусили тушеным мясом, которое подали к столу. Мясо было замечательное, его приготовила Ольга, сестра Сереги Волчка.

- Включите радио! - вдруг крикнул кто-то. - Без десяти двенадцать!

Все почувствовали, как, словно волна, накатывается рубеж нового года; старый уже был за кормой, шипел и допенивался кильватерной струёй.

Принесли шампанское из ледника. Шум взлетел: все говорили последние слова прожитого года. Шуток посыпалось – не разгребешь. Непьющему Волчку чей-то ернический голос предлагал:

- Серега, может тебе тоже налить?

- Ну, налейте... немножко, - смущался тот.

- Эй! – кричал тот же ернический голос. - Передайте там кто-нибудь подсолнечного масла!..

У всех были голоса, как голоса, но один - жутко пробивной и настырный, побеждал всех. Он гудел себе, и все каким-то чудом слышали каждое слово. Это был голос Сереги Укаева.

- Уважаемые гости, между прочим, есть такое поверье - я его слышал в Белгороде... (острякам по соседству: Нет, не в Белграде, в Белгороде, у бабушки...) Это, конечно, пережиток, но занимательный...

Хлопнуло и задымилось шампанское в бутылке; Укаев; продолжал сквозь все рогатки:

- Так вот... Смысл его в том, что пока в канун Нового года бьют часы, надо успеть написать на листке бумаги самое сокровенное желание, сжечь, опустить пепел в рюмку... да, можно и в стакан... и выпить. Говорят, желания эти сбываются. Но написать можно лишь одно-единственное желание.

- А что? - сказал кто-то. - Увлекательно...

- Бумаги!... Скорее!.. - заорали голоса.

Серега Волчок побежал за бумагой. Часы уже подъезжали к тому самому моменту. Сакраментальному, как говорят в нашем просвещенном народе. Желаящим спешно наливали шампанское - взлетала и таяла белая шапка.

Принесли всё, что надо для исполнения желаний. Кремлевские часы заиграли прелюдию полуночи. Всё застолье встало, огни свечей заметались, сделали мир зыбким.

- Ур-ра!!! - поднялся чей-то бокал.

Улыбки, шум улья, первый удар...

Головы опустились к лоскутам, выданным из Серегиных конспектов. Визг от нетерпения, боязни опоздать. Третий удар...

Я взглянул в сторону Леонида и поразился его лицу. Это был висельник, испытывающий последний шанс на милость судьбы. Загородившись рукой (если подсмотрят - желание пропадет, сказал Укаев), он быстро писал свое закливание. Закончив, он сложил листок и всем телом сунулся вперед - к свечке. Скорее! Седьмой удар...

Передо мной был не прежний Леонид - смешливый и добрый, это был настоящий язычник. Я отвел глаза. С другого конца стола на меня смотрел Укаев, в руке его тихо догорала бумажка. Средневековое укаевское лицо, срубленное четырьмя взмахами топора, подмигнуло мне. Бумажка догорела; он бросил ее в бокал. Ударило десятый раз.

Я поднес свой листок к огню, он вспыхнул и занялся. Я так ничего и не написал, сокровенного желания как-то вдруг не оказалось...

С последним ударом гости снова заревели "ура", громче прежнего загалдели, некоторые полезли обниматься. Радио выключили и снова включили магнитофон. Понемногу страсти успокоились. Все осоловели от еды, от вина, от впечатлений.

- Не спать! На танцы! - закричал Волчок.

- Танцы-шманцы... - сказал мне Лещин. - Ну, я побежал! До встречи в темноте!

Он полез было из-за стола, но вспомнил, что у него еще осталось немного на дне рюмки, вернулся и как пират допил все вино также у меня и у соседей.

Прочие тоже соблазнились танцами: парами покидали трапезу. Леонид пригласил Машулю. Первый танец, конечно, он не мог отдать никому другому. Леонид снова был спокойный, благообразный, прежний. "Успел выпить рюмку с пеплом", - подумал я. Ушел и Укаев, и я посмотрел ему вслед. Он мне понравился. А я думал - всех интересных людей на свете только Лега и Серега Волчок. А теперь вот, оказывается, есть еще один.

Потом, привлеченный музыкой, я пошел к Леге.

Я вошел в комнату; в комнате было темно, гремели танцы. По углам беседовали и курили. Я нашел Легу. Он стоял, прислонясь спиной к серванту, и его силуэт выделялся в нищенских отблесках луны и фонариков новогодней елки. Я подошел и дотронулся до его плеча.

- Ну как, нравится тебе?

- Нет, - сказал Лещин. - Совсем нет свободных девчонок. Разве это хорошо?

- Ну и что?

- Скучно, не с кем завести роман.

- А ты просто танцуй.

- Скучно, - повторил он.

- Покурим? - предложил я.

- Покурим.

Я почувствовал, как во тьме рука Лещина тычет мне в губы сигарету. Вспыхнула спичка. Я увидел Легины ладони, держащие огонек, и лицо, всё в тених, словно вырезанное из черной бумаги.

Спичка потухла.

- Это хорошие сигареты, - сказал Лещин, - "Пегас".

- Хорошие, - согласился я. - Между прочим, ты какое желание написал на листке?

- Нельзя говорить - а то не сбудется...

- А-а, ну тогда, конечно, не говори, - сказал я.

- ...но я ничего не написал, - завершил Лега, - я сжег пустую бумажку.

- Надо же! Я тоже, - сказал я.

Огонек Лещинской сигареты поднимался вверх и разгорался ярче, потом тускнел и опускался.

- Ты отчего грустный какой-то?

- Вспомнил, что через три дня экзамены, - сказал Лега.

- Зато после - каникулы.

- Каникулы... - сказал Лещин; огонек поднялся и вспыхнул. - Слушай, ты куда едешь отдыхать?

- Да так... - многозначительно сказал я и улыбнулся в темноте, вспомнив о Лере.

- К своей... знакомой.

- Той самой?

- Ага.

- Куда же?

- В какой-то пансионат по Ярославской железной дороге. Не то Мотрино, не то - Мотлино. Буду жить зайцем.

- Ну? - сказал Лещин, его почему-то поразило это известие. - Не врешь?

- С чего мне врать?

- Здорово!

- Конечно, здорово, - сказал я, пыжась. - Представляешь: зайцем у знакомой...

- Да не то здорово! - вдруг почти закричал он под гром рока. - Не то здорово, а то, что я тоже еду в этот пансионат. "Вотрино" он называется, понимаешь, балбес: "Вотрино"!

"Балбес" было у него ласкательное слово. Мы радостно пожали во тьме друг другу руки.

- Я поеду 27-го по путевке, - сказал усатый Лега, - всё улажу, устрою, а ты приезжай 28-го.

- А как - Лера?.. Это моя та самая знакомая.

- На неё не надейся. Что этот слабый пол может! Беру тебя под свое крыло...

Кстати, Лера, - она какая из себя?

- Невысокая, - сказал я, - с такими... миндалевидными глазами...

- Обожаю! - сказал Лещин.

- При чем тут ты? - рассердился я. - Это моя знакомая.

- Это я так, - сказал он, - радуюсь за тебя... Светлая?

- Сейчас не знаю... Красится. Когда-то была светлая, золотая... как Изольда.

- Кунигунда, - сказал Лещин. - Мне бы тоже какую-нибудь Лорелею.

- Лера как раз говорила, что будет с подружкой, - вспомнил я. - Может, тебе подойдет.

Лещин сморщился.

- Брось! Это же хитрющий народ. Если будет с подружкой - то с уродиной, знаю я... Помнишь, у Стэна Барстоу подобный сюжетик? "Рот, как трещина в пироге..." Так вот, приготовься к чему-нибудь такому же. Подруг специально берут, чтобы подчеркнуть собственные качества...

Мимо ощупью пробирался Серега Волчок, хозяин пира. Нащупав нас, он спросил:

- Кто это?

Мы назвались.

- А-а... - сказал Серега. - Натанцевались?

- Натанцевались, - подтвердил Лещин.

Когда Волчок отошел, он спросил:

- Это его девчонка с длинными ногами?

- Его.

- Ничего. Эффектная.

- Ага. У них, между прочим, дело крепкое, - сообщил я. - К свадьбе движется..

Потом я вспомнил наши с Лерой мучения и добавил:

- Это я все прыгаю, как... "Летучий голландец" или как герой из водевиля.

- "К свадьбе движется"? - хмыкнул Лега. - А ты - герой из водевиля? Ну и дурак!

- Почему?

- Это же скучно! "К свадьбе движется"!

- А если любишь?

- Все равно. Чего хорошего?

- А разве плохо - подойти и сказать: здравствуй, единственная на свете, я тебя узнал.

- Ну и говори так каждой!

В этот момент Серега Волчок подобрался к выключателю и врубил свет. С визгом раскочилась какая-то парочка; в углу напротив Леонид уныло стоял возле Машули в позе караульного солдата.

- Памятник слюняйству, - пробормотал Лещин. - Я бы на его месте показал, как надо действовать.

- Я соблазню его поехать со мной в Вотрино, - сказал я. - Пусть развеется, свежий воздух ему полезен. Ты против?

- Напротив, я не против, - скаламбурил Лещин.

- Тащите стулья! - реял под потолком голос Волчка. - Сейчас будем чай пить!.. Леонид стоял...

3.

Увязая в снегах, мы продвигались по полю.

Речка с прудом (которые на плане, что начертил нам Лещин, были похожи - конечно же - на бутылку) уже остались позади, а впереди из-за бугра торчали верхушки роши, словно мачты затонувшей армады. Позади также остались Ярославская железная дорога, несколько автобусных километров и деревня Таяльцы.

- Рундуковский, ползешь? - спросил я, не оборачиваясь, потому что ветер дул сзади.

- Ползу... - вздохнул Леонид из-за спины. - А что, уже пришли?..

Пока мы ехали и шли сквозь снега, Леонид задавал этот вопрос тысячу раз, точь-в-точь как во время первого крестового похода дети спрашивали при виде каждого города: не Иерусалим ли это?

- Нет еще, - сказал я и остановился, поджидая.

- А... - печально послышалось сзади и Леонид, увязая, вышел и остановился рядом со мной.

- Что-то странно мы идем - всё сугробы да леса.

- А ты как думал! - сказал я. - Это, брат, приключения!

Рундуковский вздохнул; он подвернул длинную полу шикарной дубленки, шагнул, оставляя извилистый след, и упал на колено.

- Больше жизни! - сказал я бодро.

На плешке бугра ветер сдул снег и идти стало свободно, как по асфальту. Потом Легино предписание повело нас вниз, сквозь кусты-веники. Рундуковский снова упал и ударил ногу, но сумку, что нес в руке, он успел поднять высоко над головой: в сумке стыла бутылка "Перцовой" - нельзя же являться в гости с пустыми руками!

- Леонид... - сказал я. - Ах ты, бедняжка!.. Вставай, мы пришли. Видишь - красный дом на той горе?

Леонид пыхтел, ворочался, как йети. Там, где мы прошли, тянулся такой след, что на ум сразу приходили все сказки о чудовищах. Потом Рундуковский встал, и мы побрели дальше вниз, а потом - в гору, и падающее солнце тянуло от нас синие тени.

Если смотреть от леса, было бы видно, как мы с Леонидом становились все меньше и меньше и, наконец, маленькими черными букашками заползли в ворота.

Лещин соскучился по нам, как д'Артаньян по мушкетерам. Он обнимал нас, шумел, хвастался каким-то самодельным зельем, настоящим на апельсиновой корке, и мимоходом заметил раз семь, что "с деньгами туговато".

Посреди разговора Рундуковский вдруг хлопнул себя по памяти.

- Лещин, я же забыл: у меня в портфеле кусочек копченой грудинки и вещи: пижамка, крем для бритья, свитер. Куда мне все положить?

- Какой восторг! - заорал Лещин. - "Пижамка"! Ты чудо, Леонид!

- Так куда? - снова спросил Леонид.

- Куда хочешь! - щедро сказал Лещин. - Правда, места маловато... Гм... Положи вот на маленький столик. Мы называем его "Игнатий Лойола", потому что одна нога у него короче, как у отца иезуитов.

В этот момент мы все посмотрели на дверь, потому что по коридору к двери приближались два голоса. Один голос был толстый и ронял слова, как гири - тяжело и басом. Другой сыпал чаще и выше.

- Это мои ребята, - сказал Лещин, - хозяйева комнаты. Сам я живу на первом этаже, там холодно и сосед зануда. Потому я обычно нахожусь здесь. Привет, хозяйева!.. - крикнул он в растворяющуюся дверь.

Леонид сделал почтительное лицо.

Лещинские ребята вошли.

- Андрюха Кулебястый и Александр Милорадов по прозвищу Огурец, искромётные ребята, - представил Лега, - А это мои дорогие друзья - Тимофей и Леонид - большой душевной доброты люди.

- Здорово, - солидно пробуркнул я.

Они были совсем молодые - первокурсники, "промокашки" - эти милорадно-кулебястые Андрюха и Александр, и явно польщены знакомством с такими матёрыми мужчинами, как мы.

- Ну, где там твоя грудинка? - важно спросил Лега у Рундуковского; он открыл шкаф и достал бутылку, в которой плавала корка.

- Вот, лично настаивал. Благородная, на апельсине.

Леонид принялся пилить копченое мясо тупым ножом.

Лещин поднял стакан.

- За встречу!.. Леонид, не копайся... За славное собравшееся общество.

Мы выпили и стали жевать Леонидовы запасы.

- Ознакомьтесь с программой на вечер, - оказал Лега (за окном уже вешал серые занавески быстрый вечер). - Сейчас у нас ужин... Вы, конечно, ужинали?.. (Мы с Леонидом неопределенно стали переглядываться, пожимая плечами). Вот и хорошо... Грудинки еще пожуете, я хлеба принесу... А после - посмотрите, как мы здесь веселимся. Соберется весь тутошний бомонд. Люди есть разные, но в целом - ничего. Посмотрите... Поглядите...

Андрюха и Александр (который Огурец) встали и мялись.

- Лещин... ужинать... время уже...

Лещин остановился, стал переводить взгляд с одного из них на другого.

- Ага... ну ладно, идите, мальчики, идите, - разрешил он. - По дороге зайдите к Коле, Митюхе и прочим, скажите, что нынче собираемся у нас... Да-а! - вдруг заорал он вслед. - К Лере не забудьте!..

Я почувствовал себя так, словно вновь хлебнул вина.

- Лера здесь?

- Здесь, - отозвался Лещин, пряча бутылку. - Собирались недавно компанией... "Накануне", как говаривал Тургенев. Потанцевали и... ну... полизались с ней немножко в темноте... - Лега сделал виноватые глаза. - Совсем чуть-чуть... Ты не сердись?

- Нет, - сказал я, - С чего мне сердиться?

- Это хорошо, - сказал он. - Отлегло от совести.

Меня и в самом деле почему-то не очень тронули эти слова.

- Это что за Лера? - спросил Рундуковский, раскладывая вещи на "Игнатию Лойоле".

- Я же в электричке тебе говорил. Та самая, из прошлогоднего пансионата. Помнишь? - сердито сказал я.

- А-а... - сказал он.

- Ну, а еще девчонки есть? - развязно поинтересовался я.

- Есть, - сказал Лега. - Так... каштанки.

- Ага...

- Ну, я пошел, - сказал Лещин. - Располагайтесь, отдыхайте... Отужинаю я и тут же к вам.

- Счастливо, - сказали мы с Леонидом.

4.

- Здравствуй, - сказала Лера, - Как хорошо, что ты приехал!

Она подошла и прижалась ко мне.

- Здравствуй, - сказал я. - А это Леонид Рундуковский, ты его помнишь?

- Конечно, - сказала Лера. - Как живешь, Леонид?

- Спасибо, хорошо, - сказал старина Леонид; он обрадовался знакомому лицу и сиял.

- С Легой тебя не надо знакомить, как я понимаю?

В глазах у Леры промелькнула целая поэма: смущение, неуверенность, паника, хитрость, лелеющая коварство. Но я спокойно улыбался, Лега тоже; наши взгляды встречались, но искры соперничества они не высекали.

- Да, - сказала она, - Лега сразу меня нашел.

- По твоему описанию, - поддакнул довольный Лещин.

- Погодите, - спохватилась Лера, - Я же забыла представить вам свою подругу.

Знакомьтесь: Ирина Зайцева.

Ирина Зайцева была неприметна и бледна рядом с Лерой. Соломенные завитые волосы и овальные розовые ногти - вот все украшения, которыми она обладала. Она была худее Леры и потому пользовалась возможностью носить брюки. Еще я отметил узкий нос и тонкие губы. Мы переглянулись с Легой, вспомнив наш разговор у Волчка на вечеринке о подругах красавиц. М-да...

Однако, верные джентльменскому закону, и я, и Лега, и - конечно же - Леонид, поклонились Ирине Зайцевой, а Лещин пробасил:

- Ну здорово, Заяц!

Тут наши улыбки стали еще шире, потому что Лерина подружка в самом деле смахивала на это безобидное животное.

- Заяц? - сказала Лера. - Легко вы, однако, даете клички. Как же интересно, называете вы меня?

- Кунигунда, - сказал Лега. - Изольда.

- Кунигунда?

Она посмотрела на меня. Я пожал плечами.

- Говорят, Изольда была блондинка. Не исключено, что Кунигунда - тоже.

- Все равно, Кунигунда лучше. Красивей, - сказала Лера; глаза ее почти незаметно стрельнули в Зайцеву и тщеславно вспыхнули, - Кунигунда мне нравится.

Зовите меня Кунигундой. Даже если цвет волос другой - это ведь не главное, правда?

За дверью послышалась знакомая октава и вошли Кулебястый с Милорадовым.

- Всех оповестили? - обратился к Милорадову Лещин.

- Всех! - ответил Огурец, как козырнул.

- Коля вот уже пришел, - добавил Кулебястый.

Вошел Коля - уважаемый всеми владелец магнитофона.

- Ура! - сказал Лещин. - Пей-гуляй!

Он живо достал из тайных мест и поставил на стол бутылку водки, настоящей на перце и чесноке (называемой в народе «солоухинской»), свою лещинскую, настоящую на апельсине, и подозрительное вино под названием "Листопад".

Коля важно погрузился на время в провода, штепсели, розетки, в глубину электрического и магнитного полей.

- Работает? - с почтением поинтересовался Лещин, наклонившись над техникой с лицом дикаря, млеющего перед горстью бус.

Полились скрипочки Поля Мориа. Лега растаял. Он распахнул дверь номера, закурил сигарету и сел на стул (мы все разместились тоже - кто на тахте, кто на тумбочках), глядя в открытый проем.

- Мы применяем напиток и магнитофонный демпинг, - объяснил Лега мне и Леониду. - Давим конкурентов, чтобы у нас была самая веселая и большая компания. Народ у нас, как и везде, жаждет общения и развлечений... - он прервался и крикнул двум симпатичным девчонкам, шедшим мимо: - Девушки! Заходите к нам! Ждем еще только двоих - закрываем двери и начинаем танцы! Не опоздайте!

Лещин балагурил, как дед на ярмарке.

- Эй, кум! Заходи!

Мимолетский парень останавливался, нерешительно скалился, заходил - и все видели: ну точно, Кум. Лет через пять отрастит рыжие усишки и порядочный арбуз в

штанах, женится на хохотушке с хорошей наследственностью по кулинарной линии и будет старательно вести хозяйство.

Заходил брюнетистый кузнечик с томным взглядом и - бац! – тут же получал прозвище: Болеро. Заходил другой, долговязый – бац! – Штырь; заходил бородач – бац! - Мохнорылый.

Так у нас на глазах в комнате собиралось общество многочисленное, как косяк сардин, половина - с кличками, пришитыми Лещиным. Играла музыка важного Коли...

- Ну что ж, начнем! - сказал Лещин. - Эй, кто там - закройте дверь. Кворум уже есть.

Он присел у стола со стаканами, так что усы пришлись вровень с доньшками бутылочек. Через минуту Лега бережно налил всем - на палец.

- Глаз-ватерпас! - провозгласил он.

Мы все взяли по стакану, кроме Ирины Зайцевой.

- Я не буду, - сказала она.

- Что? - Лещин завращал итальянскими глазами. - Кошмар! Неуважение ко всей компании!

Ирина покраснела и взяла свою долю.

- Не бойся, - сказал я. - Как только выпивки станет меньше, он от тебя сразу отстанет.

- Верно, - подтвердил Леонид.

Он достал короткую трубочку, зажег ее и закурил. Прежде я у него такой не видел. Не иначе, что он хотел покорить ею Машулю.

Хотя дверь уже была закрыта, новые гости продолжали появляться - видно, место было знакомое. Лещин сидел на стуле, вертелся и разглядывал девчонок. Если ему что-либо особенно нравилось, то он предлагал выпить, обращаясь ко всему амфитеатру, собравшемуся на обеих кроватях, стульях, тумбочках и просто стоя. Я тоже иногда глотал из стакана - совсем понемногу, но исправно, стараясь не обидеть общество. А не то недолго заработать ярлык штрейкбрехера и "всеобщей совести" - чего хорошего!

Понемногу зачинались танцы. Лега Лещин тоже наконец поднялся и в полутьме отправился в ту сторону, где сидело целое гнездо девчонок, которые то и дело вдруг закатывались тонким смехом, словно в комнате залаяли маленькие кудлатые собачки.

Лера и Ирина сидели рядом, дальше в строгой позе Рамзеса сидел Леонид и курил.

- Хочешь, потанцуем? - спросил я Леру.

Она отрицательно покачала головой.

Мне, в общем, тоже не хотелось танцевать, осуществлять, как говорил Лега, "трение двух полов о третий". Мне больше хотелось обнять Леру за плечи, но мешала Ирина. Было как-то неудобно при подруге, тем более, что подруга, по всему, была тихоней.

"Вот свалилась на мою голову! - подумал я. - И зачем Лера ее притащила!"

Чтобы чем-то заняться, я позвал:

- Леонид, дай-ка сигареты.

Он протянул пачку.

- Подымим? - предложил я Лере с Ириной.

Лера взяла сигарету. Ирина покачала головой.

- Во первых, здесь люди спят, а во-вторых, я не курю.

Я вдруг почувствовал себя неуютно, будто совершил бестактность.

- Извини, - сказал я смущенно и, сам не зная отчего, добавил: - Я тоже... всегда хотел бросить.

Лера поглядела на меня с изумлением. Мне показалось, что она даже усмехнулась. Я сжал зубы и отвернулся. Вот навязалась эта Ирина! Не поймешь, как себя с такими вести.

Откуда-то из серпантина музыки, табачного дыма, из омота неясного говора вынырнул Лега, ведя в обнимку двух девчонок.

- Вот! - торжествующе закричал он. - Вот они, мои орлы, о которых я вам говорил! Да вы знаете, что это за люди! И что за человек ваш покорный слуга!

- Лега! - умоляюще сказал я.

- Да? - сгорая от любопытства спросила одна из спутниц Лещина. - А чем вы занимаетесь?

Я очень не любил распространяться, что учу арабский язык. Сразу жди всякие глупые возгласы, вроде: "Как интересно! Скажите что-нибудь", или дурацкие вопросы: "А как будет "Я вас люблю"?", или: "А сколько жен можно иметь по шариату? А наложниц в два раза больше, правда?", или: "А верно ли, что в арабских учебниках по геометрии написано: Две параллельные линии никогда не пересекаются, кроме как по воле Аллаха?". К счастью, сейчас рядом был бойкий Лещин, который любил отвечать на вопросы, обращенные к другим.

- Это, например, Тимоха, грузчик из рыбного. Кстати, позвольте и мне представиться: Лега Лещин, глиномес с кирпичного завода.

Девчонки оскорбились и словно наелись кислых яблок, но Лега их не отпускал.

- Ну так кто хочет пригласить дам потанцевать? - спросил он. - Вот это - Катя, я ее не уступлю, а вот это - Таня, ее пожалуйте.

Несколько секунд Легин вопрос напоминал птицу, хлопающую крыльями в поисках: где бы сесть? Наконец, от Леонида послышалось:

- Спасибо, Лега, я сегодня не танцую.

Катя с Таней окончательно оскорбились, но Лега и так уже не держал их. Он подошел вплотную к Леониду и уперся руками в бока, как будто собирался делать гимнастические приседания. Наконец, указав на Рундуковского пальцем, Лега патетически воскликнул:

- Что это за юная весталка?

Лера засмеялась, а я сказал:

- Ты говоришь, словно в римском сенате.

Рундуковский молча курил; трубка пылала, как заря над бором.

- Похоже, он гневается, - сказал я Лещину. - Скажите пожалуйста!

- Скажите пожалуйста! - подхватил Лещин. - Мы привезли его туда, где весело, где девушки, вино и танцы, а он куксится! Дур-рак!

- Без дураков тоже нельзя, - протестующе сказал я. - Без них было бы скучно на свете, Лега.

- Верно, - сказал Лещин, и можно было подумать, что он задумался над этим афоризмом, а после изрек: - Без дураков было бы не о ком писать книжки.

После этого наш усатый друг нашел на ощупь бутылку, заткнутую не то промокашкой, не то яблочным огрызком, и присел к ней со стаканом.

Лещин медленно, но верно напивался. Он поспешал, не торопясь, как говорили те же древние римляне. Мне это не нравилось, как, впрочем, и всегда, но увещевать его было бесполезно, и я знал свое бессилие. Сдвинутый с тормозов Лещин не терпел, когда ему "зажимали стакан". "Такой уж я - хомо выпивонс", - говорил он, или: "Без вина не вытащишь и рыбку из пруда" - или что-нибудь в таком роде. Выпив же, он превращался в Достоевского Фердыщенко.

- Лега, - сказал я зло, - как там: без вина...

- Не вытащишь и рыбку из пруда! - сказал Лега. Весь он уже стал неустойчивый и зыбкий. Он выпил, разинув рот, и вытер капли с усов.

- Смотри, Лега, завтра будет плохо.

- Зато сегодня хорошо, - тут же отозвался он. - Эх, Тимофей, ты, я зна-аю! - хочешь, чтобы я не пил. Но ты мне не мешай - такой уж я: хомо выпивонс...

- Дело не в том, Лега, что ты наберешься, - сказал я, - а в том, что еще через десять минут такой эстафеты все будут показывать на тебя пальцами и говорить: парень-то уже идет на автопилоте!

- Ну? - сказал он. - И что?

- Мне это будет неприятно. Как другу.

Лещин скорчил умильную гримасу.

- Ты должен, как друг, меня понять: я хочу устроить себе раз в жизни ("Вот лицемер! - подумал я) маленький фейерверк в душе. Без вина не... Впрочем, я это уже, кажется, говорил. Эй ты... ну да - лохматый возле магнитофона! Найди музыку получше - я танцевать буду.

Он вскочил, качнувшись, и пошел куда-то, оставив меня с двумя дамами и с безнадежно трезвым Леонидом.

- Ну, скажите, каков! - сказал я, обращаясь к этой троице.

- Олег очень много пьет, - серьезно сказала Ирина.

- Ага, - сказал я, а, спустя секунду, улучил момент и шепнул Лере на ухо:

- Долго же она думала, прежде чем такое умное сказать, верно, а?

Лера улыбнулась с сознанием собственного превосходства над соседкой.

Веселье уже закручивалось водоворотом. Комната напоминала большой котел, куда свалили в кучу мальчиков и девочек, щедро насыпали разных музыкальных звуков и сильно размешали. От постоянного мелькания вокруг у меня даже иногда начинала кружиться голова, но, к счастью, каждый раз возвращалась в устойчивое положение. В промежутке между двумя танцами возле меня сели две девчонки, обмахиваясь платками, и я слышал, как они обсуждали Колю - владельца магнитофона. "Парень фирменный", - говорила одна. "Какой-то он... неприятный", - возражала другая. "Зато через пять лет будет ездить в черной казенной "Волге" с красными сиденьями", - утверждала первая. "В своей лучше", - робко сказала вторая. "Милочка, - насмешливо ответила ей первая, - свою побережь надо!"

Потом их место занял Лещин с уже виденной нами Катькой. Склонясь над ней, словно ива, он пустился заливать что-то несусветное:

- Больше всего я люблю ездить на лошади, - говорил он, а бедная Катька слушала, разинув глаза. - Этому я научился, когда был в Италии, - продолжал, не смущаясь, громоздить Лега, - Как я там ездил! Лошадь была превосходна. Ее звали Грация...

Каткины глаза блестели.

- Лещин, ты перепутал, ее звали Интеграция, - сказал я.

Лега обернулся и оценил опасное соседство, в которое он попал.

- Ага! - зловеще сказал он. - Ты опять тут! Вы сговорились испортить мне вечер!

Я хотел было сказать Катьке, что Лещин в жизни не выезжал никуда западнее Волоколамска, но в глазах у Леги вдруг мелькнула шальная мысль.

- Катька! - заявил он. - Я на тебе женюсь!

- Как? - пролепетала та. - Когда?..

- Сейчас! - рубанул Лещин.

Он вскочил и, расталкивая толпу, бросился к магнитофону.

- Коля! Где тут кнопка, чтобы он замолк?

Коля уже тоже летел к своему аппарату, взывая:

- Стой, чертов Лега, я сам всё сделаю!

Получилось грандиозное замешательство, в конце которого музыка исчезла, а надо всеми всплыл Легин голос, который объявил:

- Я женюсь.

- Чудесно! - заревели все вокруг. - А кто невеста?

- Вот она! Катерина!

- Ура! - вновь загомонило общество. - Катерина, где ты? Выходи! Ау!

Лещин нетвердым жестом обводил близлежащее пространство, бесконечно возглашая:

- Вы все - мои гости... Все - мои гости... Веселитесь! Пейте! Ура!..

- А кто венчать-то будет? - спросил чей-то голос.

- Венчать? - повторил Лега, его глаза несколько раз обвели лежащий перед ним горизонт и вдруг остановились на мне.

- Венчать будет вот кто! - закричал он. - Тимоха! Он у нас говорливый, как поп. Распалившимся гостям было все равно, черт ли лысый или Тимоха.

- Тимоха! Давай, просим! - заревели вокруг медведи и кабаны.
- Какой болван! - с чувством сказал я Лере и Ирине. - Надрызгался - и куражится. Ну что с ним делать!
- Венчать, что же еще, - язвительно сказала Лера.
Что-то в ее голосе мне не понравилось - какой-то дизел или бемоль. Я вскочил.
- А что ж, почему бы ни повенчать? У молодого человека благородные намерения.
Ирина прыснула.
- Рясу! - гаркнул я. - Свет!
На минуту воцарилась тихая паника, а после на меня накинута какую-то пахнущую пылью хламиду: не то покрывало с кровати, не то штору с умывальника, и включили верхний свет.
- Крест! Кольца! - потребовал я.
Мне дали раскрытые ножницы и две апельсиновые кожурки.
- Паки, паки... - заголосил я басом, припоминая подходящие к случаю словеса. - Вонмем...
- Балдѣж! - восхитилась публика.
Лега уже стоял под руку с Катькой, растопыря усы; стоял чинно.
Выкрикивая невообразимые слова, я с ножницами обошел вокруг них и, встав на цыпочки, приблизил свое лицо к самому лещинскому носу.
- Причащался, раб божий?
Шантрапа в комнате покатила со смеху, но Лега остался невозмутим. Катька тоже не смеялась, только пугливо стреляла глазами.
- Причащался, батюшка, - смиренно ответил Лега.
- Сам чую, - сердито сказал я. - Благочестием так и разит.
Публика снова несказанно обрадовалась.
- Берешь ли девицу Катерину по собственному желанию?
- По желанию, - поддакнул Лещин.
- А ты, Катерина, что можешь сказать? - обратился и к невесте.
- Я тоже... согласна, - сказала Катька и покраснела.
- Обменяйтесь кожу... тьфу, кольцами.
Пока они оборачивали пальцы кожурой, я с важным видом еще раз обошел их вокруг.
- Венчается девица Катерина и забулдыжной козы барабанщик Олег, он же Лега, - сказал я голосом отставного конференсье. - А теперь поцелуйтесь.
Усы встретились с Катькиными устами.
- Славно! - сказали вокруг.
- Ну, довольно, - сказал я через секунду. - Поздравляйте молодых.
Все заплодировали, стали хлопать Лещина по плечу, а он с достоинством кивал; Катька, как положено новобрачной, рдела.
Спектакль был готов благополучно завершиться, но его ждал неважный конец. Настоящий третий акт с выстрелами и ядом.
После Легиного венчания в комнате поднялся такой гвалт, что, даже если бы весь дом начал рушиться, это бы заметили, лишь когда потолок посыпался бы на головы. Кто-то ревел "многая лета", кто-то "Аллийуйя", кто-то просто галдел что-то радостное. Среди этой симфонии не сразу обнаружилось, что один голос вовсе не радостно урезонирует кого-то. Голос принадлежал какой-то девчонке.
- Отстань! - кричал этот голос. - Отпусти!
В этом крике вдруг прорезалось столько боли и обиды, что головы невольно повернулись туда, откуда он исходил. Брови изогнулись вопросительными знаками: что такое? почему посреди веселья такая нота? Некоторые растерянно переглянулись. Когда я тоже повернул голову и увидел, в чем дело, я сразу почувствовал себя слегка не в себе.
Я еще в начале сборища заметил двух типов, которые с первого взгляда мне ужасно не понравились. Не нужно было быть очень проницательным человеком, чтобы

понять, что у них силы на пятерых, а наглости на восьмерых. Бандитские какие-то рожи. Они и держались все время вместе. После этого я случайно замечал пару раз краем глаза, как они недобро косились по сторонам и на кого-то рычали в своем углу, но бузы не случилось. Сейчас один из них - рыжий - сидел на кровати, служившей на время вечеринки скамьей, и держал девчонку. Девчонка вырывалась, а он тащил ее к себе на колени и говорил:

- Вот шлюха, не хочет целоваться!

- А ты надавай ей по заднице, - советовал другой.

Увидев, что все наше стадо по-бараньи на него уставилось, рыжий подонок сделал страшную физиономию, после чего наступила глухая тишина.

Воспользовавшись моментом, девчонка рванулась со всей своей жидкой силы и вырвалась на волю, но рыжий паук не обратил на это особого внимания, потому что как раз в эту минуту среди всеобщего окостенения раздался голос Лещина:

- Придержи лапы!

Рыжий посмотрел на Легу взглядом перегоревшей лампочки, и я вздрогнул, когда этот взгляд краем коснулся меня.

- А тебе что надо? Вали, - сказал он.

Другой подонок хотел было схватить ускользящую девчонку за юбку, но Лещин заорал:

- А ну не трогай!

- Вова, он нам хамит, - многообещающе сказал первый.

- Вот эта большая палка, которой дерьмо мешают? - справился Вова.

Я ждал, что вот сейчас злые чары спадут, и благородные витязи набросятся на нечестивцев. Ведь есть же среди нашего общества здоровые ребята: Кум, Штырь, магнитофонный Коля. Если всей кучей навалиться, можно кого хочешь в спичечный коробок загнать. Но Кум, Штырь и прочие стояли, словно облитые водой на морозе. Остальные тоже стояли и ждали, что скажет История, а самые смелые роптали себе под нос.

Тем часом рыжий поднялся и встал перед Лещиным. Он был шире Леги, но Лега был выше.

- Ну? - сказал Лега сверху вниз.

- Что-то зубы у тебя слишком торчат, пора подправить, - сказал рыжий.

Другой придурок засмеялся гнилым голосом.

Я почувствовал, как что-то коснулось моего локтя и увидел рядом с собой Леонида. Сразу было видно, что он сейчас сунется в эту кашу. Однако, если кто и был лишним на сцене, так это наш храбрый Бибигон. На фоне такой богатой фактуры, что вступила в дело, низкорослый, близорукий Леонид выглядел бы как пешка среди ферзей. Поэтому я положил ему руку на плечо и сказал:

- Не спеши.

Рундуковский заерепенился, как воробей. Я понял, что сейчас он выскочит и получит свою порцию затрещин, а два раскормленных скота, ободрившись, примутся за Лещина. Еще я понял, что пробил мой выход. Не то чтобы очень тянуло высовываться, но Лега был все же мой друг, а сзади мне в спину смотрели Лерины глаза. Поэтому когда рыжий опять брякнул что-то тусклое насчет Легиной личности, я набрал в грудь побольше храбрости и заявил ему:

- Эй ты, не щелкай клювом!

Кто-то хихикнул, несмотря на напряженную обстановку.

- А это что за шпынь? - сказал Вова - друг рыжего. - Шпынь, поди сюда.

- Икал я на тебя, - храбро ответил я, и Рундуковский одобритительно покачал головой.

Ободренный подмогой, Лещин тут же зафантазировал:

- Сейчас я тебя вздую.

Однако всем, а если и не всем, то мне уж точно, было известно, что вздуть Лега мало кого может. В последний раз он делал зарядку в пионерском лагере, а дрался вообще неведомо когда.

На Легино заявление рыжая образина сощурила глаза и постучала Лещина пальцем в грудь, вроде как проверяя: как он, на ногах-то хотя бы держится?

С самого начала эта расплывшаяся морда мне что-то напоминала. А теперь я вспомнил. В одном журнале я видел рекламу съедобных лягушек. Так вот, рыжий удивительно напоминал такую лягушку. Я даже вспомнил, как ее именовали в этом журнале по латыни: Rana Radibunda.

Лещин между тем в ответ на вызов постучал, в свою очередь, в грудь рыжего.

- Оставь его, Лега, - сказал я. - Он похож на Рана Радибунда.

Этот подонок рыжий не понял, что я сказал, но на всякий случай ухмыльнулся: да, я такой. Наверное, он подумал, что Рана Радибунда - какой-нибудь герой из голливудского фильма.

- Ладно, - сказал Лещин. - Так и быть, пусть уматывает.

- Пойдем, Вова, а то видишь: детки перепугались, - сказал рыжий.

- Пойдем, а то я заскучал что-то, а со скуки и в рожу кому-нибудь заехать может потянуть, - отозвался Вова. Нижняя челюсть у него была, как ящик у мусоропровода; такую только по большим праздникам надевать.

Он встал, и оба негодяя пошли к двери, по дороге толкнув магнитофонного Колю. Коля вежливо посторонился.

Когда дверь закрылась, словно легкий ветер прошел по комнате. Повеяло озоном. От пережитого волнения всем захотелось разговаривать. Поведать о своих переживаниях в эти несколько напряженных минут. Конечно, сразу стали искать виновницу скандала, но та словно испарилась - сгорела со стыда без остатка, пошутил кто-то.

Кум, Штырь и еще некоторые хлопали Лещина по плечам и говорили, одобряя:

- Ну, ты молоток!

Коля сделал вид, что его очень просили заняться музыкой, и вертел сверкающие колеса своего магнитофона.

- Между прочим, Лега, тебе могли бы набить морду, - сказал я.

- Ну что ж, одной битой мордой на Руси было бы больше. - сказал, ухмыляясь, Лега.

Снова стало видно, что он много выпил; Леонид снова курил и молчал; Лера и Ирина Зайцева сидели на кровати. Всё было так, словно ничего не случилось.

- Слушай, - сказал Лещин, - а кто такое это Ра... дуду... а?

- Рана Радибунда, - пояснил я. - Съедобная лягушка.

- Вот черт ученый, - сказал Лега, - сколько умных слов знаешь. Но - хорошо, хорошо...

Заявились Кулебястый и Милорадов - оказывается, они улизнули провожать каких-то девчонок и пропустили самое интересное. Пока им сбивчиво рассказывали о том, что случилось, а они кричали, что "обломают хамам рога", публика в комнате начала таять. Коля, так и не включив музыку, как матерый контрабандист улизнул, незаметно унеся свой агрегат. Леонид зевал, прикрывшись рукой, а глаза его двоились за очками и не отражали ничего, кроме желания спать.

- Ну что же, - сказала Лера, - бал закрывается?

Она подошла к нам с Легой, вместе с ней и Ирина Зайцева.

- Закрывается, - подтвердил Лещин.

- Молодцы вы, Лега и Тимка, - сказала Лера. - Не растерялись. Было так неприятно все это видеть! Первобытное хамство!.. Лёня тоже молодец, - она провела пальцем по моей щеке и спросила:

- Кстати, а как вы будете ночевать?

- Леонид - у Леги в номере, а я здесь, на столе, - сказал я.

- На столе? - протянула Лера, словно соболезнуя моему положению, но я видел, что ей было приятно это слышать: ведь я ради нее приехал в Вотрино, а, следовательно, и все муки принимал ради нее. - Это же, наверное, очень неудобно?

- Что же делать? Ты же к себе не приглашаешь!

- Замычи тебя баран! - сказала Лера и засмеялась.

Я подмигнул Зайцевой, чтобы посмотреть, как она заморгает от стеснения.
- Ну ладно, отдыхай, путешественник. Сладких тебе снов, - проговорила Лера. - Лега, ты нас проводишь?
- Обязательно! - сказал Лега.
Во мне что-то шевельнулось, но не сердце и не душа, это точно. Самое большее - селезенка.
- Пока! - сказал я.
- Спокойной ночи, - вежливо сказала Ирина Зайцева.
Лега поманил Рундуковского, приоткрыл дверь и с опасением высунул конец носа в коридор.
- Тс-с!..
- В чем дело? - спросил я.
- Опасно: Алоиз Алоизович рыщет... Который час? (Он посмотрел на часы над дверью) Впрочем, они не ходят... Алоиз Алоизович - администратор, после полуночи всегда обходы делает. В общем, любитель порядка... Живем, как на вулкане, ни повеселиться без оглядки, ни душу отвести... Вроде всё тихо нынче. Рундуковский, за мной!
Лещин помахал мне рукой и скрылся. Вслед за ним в темный тоннель коридора выскользнули Лера и Ирина, и вышел Леонид. Дверь начала закрываться, как вдруг в нее снова всунулись усы со знакомым носом, и Лега сказал, передразнивая Леру:
- Чао, путешественник. Сладких тебе снов после горьких напитков.
- Замычи тебя баран, - сказал в коридоре Лерин голос и Лещин исчез.
Я стоял перед захлопнувшейся дверью, и было немного завидно, что это Лега, а не я сейчас пробирается с девчонками по сумеречному коридору и наверняка пугает их, а они делают вид, что пугаются, а Лера жеманно хихикает, когда Лега ненароком тискает ее в темноте..
- Тима, - позвали сзади два голоса.
Я обернулся.
- Постель готова, - почтительно доложили Кулебястый и Милорадов.
На стол они положили диванные подушки - и получилось ложе.
Я лег, накрылся шторой с окна - и через минуту провалился в тартарары.

5.

Утром я проснулся, когда белое зимнее солнце уже ломилось в окно. Давно пора было вставать, и по радиотрансляции в углу передавали краснокавказские песни. Суровые голоса пели про всадников, про реки, долины и острые шашки.

В комнате никого не было, не было и следов вчерашнего веселья (только на умывальнике валялась бесформенная обгорелая тряпка - рубашка Андрюхи Кулебястого, которой вчера "для интиму" укутывали настольную лампу). В окно косо падали и переливались лучи, всё было благообразно и чисто, постели убраны. Часы на стене по-прежнему показывали вавилонское время.

Пора было вставать, а то нагрянет уборщица - придется кисло. Может быть, она и не испугается тому, что на столе вроде бы покойник лежит - у уборщиц в пансионатах нервы крепкие - но уж шум поднимет до неба, это точно. Сразу ведь видно, что я за птица: длинноухий заяц!

Я встал, и тут вошел Лещин.

Он тоже был благообразный - выбритый, свежий.

- Здорово! - сказал он сквозь усы.

- Сколько времени? - спросил я.

Лещин прислушался к радио.

- Как только начнут передавать детский хор, значит, начался завтрак. Детский хор или обзор газеты "Сельская жизнь".

- А где мои хозяйева?

- Тю-тю! - сказал Лега. - Принимают моцион на лыжах. А ты думал - с утра опять будут танцы-шманцы?

В дверь постучали.

- Дерни за веревочку! - крикнул Лещин.

Вошла Лера.

- Как спалось, сударь? - спросила она.

Она была такая нарядная и веселая, что у меня почему-то заболело внутри, и я поспешил растянуть улыбку, прежде чем Лега явит свою - в сто каратов.

- Я спал на столе, - сказал я. - Видишь?

- Бедненький, - сказала Лера. - Я принесу тебе что-нибудь поесть с завтрака.

Хочешь?

- Нет, - сказал я, вдруг отчего-то рассердясь.

- Тащи, - сказал Лега.

- Я сказал: не надо.

- "Имейте в виду, эти молоденькие девушки в большинстве случаев гораздо сильней хотят есть, чем они показывают".

- Дурак, - пробурчал я.

- Это Бёлль. Генрих Бёлль, "Хлеб ранних лет". Читал?

- Болван. Кретин дешевый.

- Так я принесу, - сказала Лера.

В дверь боком протиснулся Леонид. Он, как всегда, был ухожен, словно английский газон. Я подумал о своих диких зарослях на голове, напоминающих охапку соломы, упавшую с тракторного прицепа, и настроение мое совсем увяло.

- А, вот еще один святой Яков! - закричал Лещин.

- Почему - святой Яков? - невозмутимо спросил Леонид.

- Потому что, по легенде, святого Якова питали вороны, - с удовольствием пояснил Лега.

Он явно пыжился перед Лерой и тыкал нам в нос своим снобистским интеллектом, тыкал нагло и издевательски.

- Лега, я уезжаю, - сказал Леонид.

- Что значит - уезжаю? - спросил Лещин. - В каком смысле?

- В самом тривиальном. Сажусь на транспортное средство...

- Ну и балбес! - закричал Лега. - Уезжать сейчас? Когда веселье только начинается!

- Не дури, Леонид, - вступил я второй партией, - ты же специально ехал сюда, чтобы... - я чуть было не ляпнул: "не думать о Машуле", но сдержался. - Тоже мне - путешественник! А говорил: приключения! долой серые будни! романтика!

- Говорил, - пробормотал Леонид.

- Ну так в чем же дело?

- Так... - упрямо сказал он. - Бывает...

Он косился на Леру, как пугливый конь.

- Ну что же, - сказал Лещин. - Жаль, конечно, но - как знаешь.

Мне тоже было жалко, что Леонид уезжает, к тому же он увозил с собой жемчужный крем для бритья.

- Счастливо, - с сожалением сказал я.

Краснокавказские песни кончились, и по радио стали передавать детский хор.

- Ну, мы пойдем, - сказал Лещин, фамильярно обнимая Леру - он, злодей, наверное, заметил, что я слегка ревную, -А ты подожди, почитай что-нибудь... Вот, кстати, книжка. Гамсун.

Он дал мне с подоконника книгу с пятном от бутербродов.

- Это кто такой: Гасин.

- Гамсун, - сказал Лега. - А ты, оказывается, невежда. Не слышал о Кнуге Гамсуне?

- Ладно, давай, - сказал я мрачно, желая одного: чтобы он поскорее заткнулся. - Чао! Приятного аппетита!

Они все ушли, а я остался один, если не считать Гамсуна. Я взял книгу и повертел. Лега, конечно, легко советовать. "Почитай!" Слабое утешение для человека, который толком не ужинал и неизвестно, как будет завтракать.

Я прошелся по комнате и подошел к окну. Снаружи всюду лежал и блестел нафталиновый снег, по которому низкое солнце пускало длинные косые тени. Голубые тени были от кустов, лиловые - от забора. Я сел на диван возле окна; детский хор все еще пел. Я снова, взял Гамсуна, открыл и прочитал заглавие: "Пан".

"Кажется, так звали лесного бога", - сказал я себе.

Я перевернул страницу и прочитал:

"Последние дни мне всё думается о незакатном дне северного лета..."

Я посмотрел в окно на нафталиновый снег и пролетающую зябнущую галку, потом стал разглядывать картинку, что была тут же: хитрая козья морда Пана, словно сплетенная из веток, так что и не поймешь: Пан это или кусты наклонились над ручьем.

Лера с Лещиным уже, наверное, в столовой, едят винегрет и пьют сладкий теплый чай. А Леонид собирает вещи и готовится улизнуть от неведомых приключений обратно в московскую скучищу, жидкую грязь на асфальте и прибранные дворниками снега, пораженные оспой копоты... Впрочем, он так стремится туда, конечно, из-за Машули.

Глаза мои снова упали на Гамсуна, и я начал равнодушно читать дальше:

"Всё не идут у меня из головы это лето, и лесная сторожка, где я жил, и лес за сторожкой..."

Я дочитал страницу до конца и, перелистывая, снова посмотрел в окно, но скоро забыл про зиму, и теплый чай, и Леру, и даже про детский хор. Я узнал про йомфру Эдварду, про то, как лает Эзоп в лесу, гоня дичь, как обнимают забрызганные грязью любимые ноги. Я переселился в Норвегию.

Я очень недолго был там. В коридоре послышалось знакомое "бу-бу-бу", в дверь ударили плечом и вошел Лещин. В правой руке он нес тарелку, накрытую другой тарелкой, а в левой стакан с теплым чаем. Я встал, не закрывая книгу, и смотрел на рисунок Пана.

- Ну что, новоявленный Хлестаков, - сказал Лега, - не слышно традиционной реплики.

- Несут, несут, - сказал я.

- Ап! - передо мной оказались (просто наваждение какое-то, подумал я) винегрет и кусок хлеба. Непонятно, почему в пансионатах так любят потчевать винегретом?

- А где Лера? - спросил я, набивая рот (Гамсуна я предусмотрительно сунул под матрац: чтобы не пропал).

Лега с жалостью посмотрел на меня.

- Не уйдет твоя Лера. Питайся пока, а потом лети к ней на крыльях счастья, как говорят поэты. Она живет на первом этаже в сто двенадцатом с Ириной Зайцевой.

- С той, вчерашней, что худа, как нечистая сила? - спросил я, убирая винегрет.

- Ага. Копна волос плюс характер... Кстати, - спросил Лещин, - а где Гамсун?

- Где надо.

- Значит, понравилось, - заключил он. - Что ж, читайте, юноша, просвещайтесь.

- А этот Гамсун - он кто?

Лега сделал значительное лицо. На простом языке это называлось: "выставляться".

- Как-нибудь я тебе о нем расскажу.

- Ну ладно, - сказал я, залпом выпив пахнувший веником чай. - Ты прав. О литературе - потом. А пока, отнеси-ка, любезный, тарелочки на кухню.

Разумеется, Лега на мой выпад только оскалился.

- Ишь, как тебя разобрало, - сказал он. - Но я же не виноват, что именно я буду в данном случае рассказывать, а ты - слушать.

Вся эта лещинская болтовня ужасно раздражала меня.

"Неужели это из-за Леры? - подумал я с досадой. - Это было бы совсем ни к чему".

- Давай, иди, - сказал Лега. - Ты мыслями уже на первом этаже.

- А ты? - спросил я. - Чем ты займешься? Он засмеялся, и это был смех хоть и свысока, но не обидный.

- Когда будешь проходить мимо моего номера, не забудь попрощаться с Леонидом, - сказал он. - Можешь заодно передать через него привет Машуле.

- А все-таки, ты что будешь делать? - снова повторил я.

- Отнесу тарелки на кухню, черт возьми! - заорал Лега.

6.

Я постучал в дверь сто двенадцатого.

- Войдите, - сказал Лерин голос.

Я напустил небрежный вид и вошел. Лера в халатике стояла у зеркала и осторожно, словно вылепливая собственное лицо, уснащала себя кремом из тюбика. Ирина Зайцева в свитере и брюках сидела на диване, поджав по-турецки ноги, и листала книгу немислимой толщины.

- Салют, - сказал я. - Марафет наводим?

- Салют, - сказала Лера.

Она продолжала путешествие по своему лицу и не обернулась, поскольку я присутствовал перед ней в зеркале.

Ирина Зайцева ничего не сказала, наверное, находилась в дебрях романа.

Я прошелся взад-вперед по номеру. Это была такая же комната, как и у Кулебястого с Милорадовым, только часы, как ни странно, шли в ногу со временем.

- Неплохо устроились.

Некоторое время после моей реплики Земля продолжала лететь по своей космической орбите в полном молчании. Затем я сел рядом с Ириной и спросил:

- Что читаем?

Ирина показала мне обложку.

- Мартэн Роже да Гар, "Тибо". Читал?

- Кажется, - сказал я. Хотя слухом не слыхивал ни о каких Мартенах, тем более Роже.

- Я сейчас читаю Гамсуна, - добавил я на всякий случай. - Кнут Гамсун.

Слышала?

- Угм, - ответила она, снова погружая нос в книгу.

И чем ее так захватила эта "Тибо"?

- Ну, вот и всё, - сказала Лера, отрываясь от магнита зеркала.

Он тщательно закрутила крышку у тюбика с кремом и сбросила халатик, оставшись в колготках и бюстгальтере. Я завертел глазами во все стороны - одним испуганно засигналил Лере, а другой скосил в Ирину сторону. Лера тоже вытаращила свою миндальную красоту и скривила губы: мол, подумаешь, пусть знает, что мы не просто знакомые - здрасьте, как поживаете?

- Прохладно что-то, - вслух прокомментировала она, - хоть комбинацию надену.

Ирина оторвалась от книги, посмотрела на Леру, потом на меня и снова вернулась к роману. Правда, уши у нее слегка порозовели.

- Ну как, - спросила Лера, пролезая сквозь комбинацию, - позавтракал?

- Позавтракал, - буркнул я.

Я себя чувствовал не совсем благополучно рядом с этой любительницей чтения. Уж теперь-то, когда Лера отколола свой номер, подумал я, может, она поймет, что вместе со своей "Тибо" здесь лишняя?

Ирина перевернула страницу.

- Хорошая погода, - сказал я.

- Ага, - насмешливо сказала Лера, наслаждаясь моим смятением.
Я вконец расвирепел.
- Хорошая погода, Заяц, а? - повторил я, в упор глядя на Ирину.
Ирина посмотрела на меня как-то испуганно. Кто его знает, может, место в книге было страшное. Она заморгала, словно кукла из образцового спектакля. Наконец, "Тибо" была отложена и ноги в брюках спустились с дивана. Ирина надела тапочки, продефилировала по комнате сначала слева направо, потом справа налево. Потом схватила со стула какую-то тряпку и, непонятно чему обрадовавшись, заявила:
- Я пойду поглажу.
"Догадалась!" - скорчил я ей рожу за спиной.
- Погладь мне тоже, - сказала Лера. - Подожди, я сейчас тебе дам. Погладишь?
- Поглажу, - сказала Ирина.
Она взяла кучу Лериного барахла и вышла.
Как только дверь закрылась, Лера засмеялась, сначала негромко, а затем, когда Ирина уже не могла нас услышать, в полный голос. Она даже скорчилась от смеха.
- Бедняжка! Видел, как мучалась? Никак не могла придумать предлог, чтобы уйти.
- Она что, блаженная? - буркнул я.
- Да нет, просто дикая. То есть, наоборот, домашняя, среди людей не бывала. Но ты здорово... насчет хорошей погоды!
Лера подошла и села рядом, так что я чувствовал ее боком. Глаза у нее были подведены, от нее немного пахло кремом и какими-то искусственными ароматами.
- Мы вчера не поговорили, - сказала она, улыбаясь.
- Ага, - кивнул я.
Лера дотронулась до моей руки.
- Ты что молчишь?
Она поправила волосы; она, очевидно, подумала, что, может быть, что-то не в порядке, в ее облике. Но она беспокоилась напрасно, она была очень красива. Как всегда. И все-таки мне не хотелось ни обнимать ее, ни болтать с ней. Я с удивлением обнаружил, что вся приподнятость, с какой я стремился к сто двенадцатому номеру, исчезла. Рассеялась, как дым.
- Ты скажешь что-нибудь или нет?
Лера не то сердилась, не то кокетничала.
- Слушай, - сказал я, - сколько у тебя пальцев на руках?
Лера захлопала покрашенными ресницами.
- Странно... С чего это ты?
- Ну все-таки? Сколько?
- Ну, десять.
- Хочешь, докажу, что одиннадцать?
- Докажи, - сказала Лера и пожала плечами. - Если хочешь, - и снова прибавила:
- С чего это ты?
Я взял обе ее руки в свои.
- Считаю пальцы. Вот так: первый, второй... и дальше.
- Первый, начала Лера, - второй, третий... шестой... десятый. Десять, а не одиннадцать.
- Подожди? Это какой? - спросил я, указывая на мизинец.
- Десятый.
- А этот?
- Девятый.
Последним на этой руке оказался шестой палец.
- А теперь прибавь к шестому пять оставшихся, - сказал я, - и получишь одиннадцать.
- Здорово! - восхищенно сказала Лера.
- Подумаешь... - пробормотал я. - Дурацкая шутка.

Я вдруг обозлился: сижу, как болван, разыгрываю какую-то роль. Лега, Андрюха, и Огурец сейчас, наверное, ушли на лыжах, укатили в леса на ослепительно красных лыжах "Юность". Леса сейчас ах, как хороши. Елки-палки!..

Мне стало уныло. Подумать только! Спускаясь сюда, я воображал себя таким счастливымчиком!

- Покажи мне еще какую-нибудь штуку, - сказала Лера.

"Вот пристала!" - подумал я.

- Штуку?.. М-м... Сейчас... Сколько у тебя пальцев на ногах?

- Тоже одиннадцать?

- Нет, двадцать три.

- Двадцать три? - сказала Лера. - Вот это загнул! - она скинула тапочки. - Ну-ка посмотри.

- Так не видно, - заявил я. - Сними колготки.

- А так не можешь?

- Нет.

- Ну ладно, отвернись.

Я отвернулся и стал смотреть в окно. Там на подоконнике лежала "Тибо", которую читала Ирина, стоял графин о приятелем-стаканом. За стеклом вздымались снежные вороха, дальше исподлобья смотрели окна котельной и вываливался откуда-то белый ленивый пар.

- Готово, - сказала Лера.

Я наклонился и стал разглядывать крашенные ногти на Лериных ногах.

- Ну как? - спросила Лера. Она даже пошевелила пальцами, чтобы мне было лучше видно.

- Смотри-ка, действительно всего десять, - ухмыляясь, сказал я. - Извини, ошибся.

- Обманщик, - сказала Лера, смеясь и натягивая обратно колготки. - Ты меня надул.

Она не поняла или не хотела понять, что над ней зло подшутили. Она замурлыкала что-то и провела ладонью по моей щеке.

- Скажи, ты на меня за что-то обиделся?

Я действительно вчера немного обиделся, но теперь только больше разозлился, когда она напомнила про это.

- С чего ты взяла, что обиделся?

- Тоже мне, ка-ва-лер, - сказала Лера, вздыхая. - Чтобы доставить даме приятное, мог бы притвориться, что обиделся. Как настоящий рыцарь.

- Я не рыцарь, - сказал я. - Рыцари давали обет бедности и целомудрия.

- Сегодня как раз похоже, что ты дал рыцарский обет.

Лерин палец уперся в мои губы, и я по привычке поцеловал его. Потом я поцеловал ее ладонь, потом я решил встать и уйти, но Лерины глаза уже околдовали меня, осыпали водопадом искр и наполнили сердце электричеством.

- Скажи мне, что я красивая, - шепнула она мне в самое ухо.

- Ты самая красивая, - сказал я.

"Зачем я это говорю?.. Но ведь она на самом деле красивая!"

- Ты магнит, - сказал я, зарываясь лицом в ее волосы, - проклятый, вечный, цепкий магнит.

Она тихонько засмеялась.

- Пойдем сегодня с тобой в кино?

- А здесь крутят кино?

- Крутят. Я люблю смотреть с тобой кино..

- Почему?

- Не знаю... Не смотри на меня так. Закрой глаза...

- Хорошо.

Белый пар за окном всё вываливался, создавая фантастические фигуры, и медленно таял. Мороз продлевал ему жизнь.

- Откуда этот пар? - спросила Лера.

- Из преисподней, - сказал я.

Мы сидели всё на том же диване, крепко обнявшись, и не знали, сколько прошло времени. Собственно, для того, чтобы это установить, достаточно было бы повернуть голову и посмотреть на часы над дверью, но это было как-то ни к чему. Не всегда нужно такое понятие, как время.

- Смотри, какие причудливые штуки делает этот пар, - сказала Лера. - На него можно смотреть сколько хочешь и картины всё время будут другие, правда?

- Настоящая фантазмагория, - подтвердил я.

- Не обезьянничай. Ведь, правда, красиво?

- Да, - сказал я. - Красиво.

Мы помолчали. Лерина прядь щекотала мне щеку.

- Слушай, - вдруг вспомнил я. - А как же Ирина?

- А что с ней такое? - спросила Лера.

- Ну как же, ведь похоже, что мы выгнали ее из комнаты.

- Она пошла гладить.

- Она, наверное, уже погладила и мается, боится вернуться. Она и книгу не взяла.

- Зато она, кажется, захватила твое сердце? Ты о ней так беспокоишься, точно ей пять лет. Не волнуйся, ничего страшного с твоей Ириной не случится.

- Она совсем не моя. С таким носом...

- А я-то уж подумала!

- Цыц! - погрозил я ей пальцем. - И все-таки я чувствую себя перед ней виноватым.

- Если бы ты всегда был таким совестливым!

- Знаешь что, - предложил я. - Давай ее возьмем сегодня с собой в кино? А? Я не хочу, чтобы она дулась на меня... на нас, - поправился я.

- Как хочешь... дипломат, - сказала Лера равнодушно.

- А каким нынче потчуют фильмом? - поспешил я перевести разговор на другую тему.

- Какой-то "секрет", - пожала Лера плечом. - Какого-то племени. "Марабу", кажется. Нет, не "марабу".

- Ну и бог с ним.

Когда я вышел из сто двенадцатого и шел к себе (не к себе, конечно, а к Андрюхе и Огурцу), я свернул вправо и отворил дверь.

Ирина сидела на стуле и, поставив локти на подоконник, смотрела на зимний среднерусский пейзаж. Услышав, что кто-то входит, она обернулась и с таким же вниманием, как на пейзаж, стала смотреть на меня. Я заранее не приготовил, что сказать, и остановился на пороге. Потом Ирина часто заморгала, наверное, от смущения, а я подумал, что лучше было бы идти себе прямо по коридору, куда шел. Теперь надо выходить из этого действия с такой же бодрой физиономией.

Помаячив секунду в раме дверного проема, я закрыл дверь и вошел деловым шагом. Деловым шагом, это значит: почти не сгибая колен и чтобы каблук и подошва звучали, как музыкальная терция: чик-ток.

- Ну, как дела? - спросил я, приблизившись деловым шагом.

- Ничего, - сказала Ирина. - А что?

Утюг стоял в стороне, уже явно давно остывший; на стуле лежала стопка отглаженных вещей, ровная, как карточная колода.

- Да вот, зашел тебя спросить: хочешь сегодня пойти с нами в кино? Со мной и с Лерой?

Ирина подняла брови и наклонила голову к одному плечу. Такой жест обычно означает: я-то тут при чем?

- Если вам хочется, я пойду.

- Хочется, - сказал я тоном восточного деспота.

Уходя я видел, как она аккуратно подбирает отглаженное и в лице ее появляется какое-то нетерпение.

"Наверное, спешит к своей "Тибо", - подумал я. - Сейчас прибежит и вопьется".

Но я подумал это сочувственно. Меня самого ждал "Пан.

7.

- Ну, как обед? - спросила Лера.

- Как у ландграфа, - сказал я.

- Иди ты!

- Нет, правда... В моем положении и сухарь - пирог. А тут - целых две котлеты.

- Одну я тебе прислала, - сообщила она.

- Ага. Лега сказал мне. Спасибо.

Хрустя снегом, мы продвигались к пансионатскому клубу: я, Лера и Ирина. Болтали только мы с Лерой, а Ирина традиционно молчала. В пальто она выглядела еще невзрачнее, потому что самое удачное ее украшение - золотые волосы - исчезли под шапкой. Поэтому возле огромных Лериных глаз, бьющих наповал из-под челки, и блестящих Лериных губ Зайцева гляделась просто служанкой.

Я шел важно, как гусь (не каждого идальго сопровождают две дамы), а в трудных местах, где ноги вязли в разбитом снегу, галантно предлагал Лере и Ирине свернутые кренделем локти.

У входа в клуб пенсионерка-старушенция продавала билеты, а в дверях зала общественные энтузиасты из отдыхающих эти билеты проверяли. Едва они успели их проверить у нас, как появился Лещин. Под ручку с Катькой он возглавлял толпу в дюжину голов из Кума, Штыря, Огурца и прочих.

- У нас нет билетов, - заорал он, приближаясь к дверям зала. - Что же нам, бедным, делать? Поднапрём!

- Поднапрём! - загомонила лещинская рать.

Она поднапёрла. Дежурные отскочили со словами:

- Ладно, полегче. Проходите, придурки.

- Вот черт шумливый, - сказал я с легкой завистью. - Проскочил на халяву.

Со всеми своими дамами я даже вдруг почувствовал себя перед этим разбойничьим гнездом скучным бургером. Тем более, что Лера засмеялась и захлопала в ладоши.

Лещин на ходу поклонился нам, сверкнув рафинадом из-под усов, - и его заслонили клеветы, бегущие вслед за ним как за пророком.

Проводив Легу взглядом, я повернулся к Лере и Ирине и вдруг увидел два презрительных огня.

- Не ожидала, что Лега такой, - сказала Ирина.

- А по-моему, просто очень веселая шутка, - сказала Лера, сморщив нос, что должно было означать: какая же ты ханжа.

Ирина ничего не ответила на этот вызов, а я, почувствовав долг защитить товарища, подвел черту:

- Может, иногда на него и находит блажь, но в общем он получше других.

Вчера это можно было заметить, верно?

Ирина опустила глаза. То ли она поняла, что с нами обоими ей не справиться, то ли решила, что проявляет дурной тон по отношению к тем, кто великодушно пригласит ее в кино.

В это время лампы одна за другой стали быстро гаснуть, застрекотала машинка и в зал поплыла неровная волна музыки. Поэтому мы поскорее плюхнулись в кресла, ибо фильм начинался.

Фильм был жутко глупый. Хотя и иностранный. Это значит, что его везли издалека на пароходах и поездах, кантовали в таможах и с усердием дублировали, а он был ерундовый. Все полторы тысячи метров отменной цветной киноплёнки. В довершение Лещин в первом ряду фиглярствовал, словно он, а не братья Люмьеры, даровал кино человечеству.

В общем, сюжет был такой: какое-то индейское племя - не то барабу, не то кукуру - обладало эликсиром жизни и смерти. За эликсиром по всему экрану гонялся профессор, за профессором - чья-то гнусная разведка, а за всеми разом - ужасно неуклюжие пришельцы.

- Чепуховая картина, - сказал Лещин в середине фильма вполсилы, то есть, - на весь зал. - Могли бы что-нибудь получше придумать, жаль, меня не спросили. Пошли отсюда, у нас свой эликсир пропадает...

Вся стая сорвалась вслед за ним - и на экране замелькали лохматые тени от напяливаемых шапок.

- Правда, пошли отсюда, - встрепенулась вдруг и Лера.

- Стадное чувство? - иронически спросил я.

- Ну, если хочешь, останемся.

- Да в общем... - замялся я и посмотрел на Ирину (Лера милостиво усадила меня посередине), ведь получалось так: пригласили, а сами - бежать.

- Меня этот фильм совсем не интересует, - быстро сказала Ирина. - Если вы не хотите смотреть, то, пожалуйста, пойдемте.

В этот момент она чем-то напомнила мне послушную Дзинтару.

- Пошли.

Лера решительно поднялась. Я, скрючившись (чтобы не осквернять своим профилем экран), поспешил за ней.

- Ты что перед ней лебезишь? - прошипела Лера, когда мы выбрались, а Ирина временно застряла где-то сзади. - Ты определенно в нее влюбился, я давно заметила...

Я незаметно показал пальцем себе на лоб: мол, спятила?

Мы вышли, шурясь, в залитое электричеством фойе, а потом, следом за лещинской бандой - на улицу, где уже изрядно стемнело. Воздух был замечательный, чистый и морозный; он сам лился в грудь и поднимался обратно легким паром. В такую пору и на фоне таких декораций (снега, леса, простор), в сердце невольно рождалась какая-то удаль а-ля купец Калашников.

Лега Лещин и его присные удалились недалеко. Они стояли и галдели поблизости от клубных дверей. Галдел в основном Лещин, а трубе его голоса подыгрывали со всех сторон фаготы прихлебателей.

- Эй, Тимофей! - заорал Лещин, завидев меня. - Говорят, скоро ужин.

Раздались смешки. Все, конечно, были свои и знали, что я живу в пансионате на птичьих правах, кормлюсь из чужой милости и редко ем до отвала.

Лега сделал знак - все смолкли.

- Ну, как тебе понравился фильм? - серьезным голосом спросил он.

- Так... белиберда... - сказал я. - Правда, Бразилию посмотрели. Сельву.

- Бразилию, сельву... - мечтательно повторил Лега. - А хорошо бы побывать где-нибудь на Сэндвичевых островах, верно? - спросил он.

- Зачем?

- Поест сэндвичей.

Тут все совсем умерли от смеха, стали толкать друг друга локтями, а некоторые даже стонали.

Мы стояли в стороне: я, Лера и Ирина. Как архипелаг.

- Ладно, не обижайся, - сказал Лега. - Пойдешь с нами?

- Куда?

- Так... Гулять.

- Хотите гулять? - спросил я Леру и Ирину. Но больше - Леру.
Лера пожала плечами.
- Скорей думай, - торопил Лега. - Что ты... как Буриданов осел!
- В энциклопедии выучил? - огрызнулся я. - «Бальзак», «Бенилюкс»,
«Буриданов осел».

- Они, наверное, по снегу будут шататься, - сказала Лера. - Мокнуть только...
Я все мялся. В общем-то точно - буриданов осел.
- Ну как? Идешь? - спрашивал Лега. - Я в последний раз интересуюсь этим
постыдным вопросом.
Круглые Катькины глаза подмигнули из-за его плеча.
- За твое фиглярство... не пойду, - сказал я и взял своих спутниц под руки.
Лещин на миг обиделся.
- Ладно! - крикнул он. - Как говаривал капитан Морган: чем меньше нас, тем
больше нам достанется!

Всё его воинство обильными криками поддержало эту цитату из карибского
пиратства. Они были в полном восторге от своего вожака, за которым, как всегда,
осталось последнее слово.

Я, Лера и Ирина повернулись и пошли к красному корпусу пансионата. Когда
мы сделали уже шагов десять, Лега вдруг перестал беззлобно браниться - умолк.
Притихли и остальные.

- Что это? - спросила Ирина, собираясь обернуться, но я удержал ее.
- Не надо. Просто они что-то изобрели.
- Как бы снежком не кинули, пьяницы несчастные, - сказала Лера.
Но снежком в нас не кинули, а весь хор проорал со всей силы:
- Нас на бабу променял!. - и тотчас Легина банда повалила прочь, заржав, как
табун в грозу.

Мы вернулись к пансионату.
Возле дверей Лера замедлила шаг, отпуская Ирину немного вперед. Когда
Зайцева вошла, и стеклянная створка с шорохом поехала назад, Лера быстро шепнула:
- Через полчаса приходи ко мне... Придешь?
Я кивнул.

В полупустом пансионатском холле два очкарика с тоской переставляли
огромные шахматы. Может быть, один из них и был любитель помозговать, но второй -
это я точно видел - сразу уставился на Леру.

- Пошли телевизором побалуемся, раз уж кино провалилось, - громко
провозгласил я.
- Не хочу, - строптиво сказала Лера, так что, не будь я сам заговорщиком,
непременно решил бы, что принцесса-то капризничает.

Шахматный очкарик так и подумал, его даже перекосило от счастья, а очки
торжествующе засверкали. Наверняка потом помчится в коридор за Лерой предлагать
себя в кавалеры, подумал я.

- Ну так - как?
- Не собираюсь я смотреть глупый ящик, - повторила Лера.
- А ты, Заяц?
- Тоже... что-то не хочется, - испуганно ответила Ирина.

Глупенькая, она не поняла, что я задал этот вопрос лишь для дипломатического
протокола. Еще вообразит, что я с ней любезничаю!

- Как хотите, а я пошел, - заявил я. - Салют!
Я откланялся и направился к лестнице.

Телевизор на втором этаже переливался радугой, трещал и шумел на разные
голоса. Показывали, как Брежнев приехал на Кубу. Ничего особенного. Ему только
нахлобучили там на голову шляпу, вроде ковбойской.

Зыбкие блики бродили по ряду безмолвных стульев, словно внимающих
телевизионным рассказам. Такие вот картинки вдохновляют, наверное, разных
андерсенов сочинять сказки о болтающих по-человечьи вещах.

Я проследовал мимо телевизора и углубился в коридор. Номер, где я жил, к счастью, был открыт, посреди его стоял Андрюха Кулебястый и сосредоточенно молчал.

- О чем задумался детина, седок участливо спросил, - сказал я входя.

Андрюха безумным взглядом посмотрел на меня.

- Ты что? Честное слово, словно из пожара выскочил!

Андрюха медленно покачал головой влево-вправо. Тот, кто видел, как поворачивается у линкора башня главного калибра, может считать, что видел, как ворочается Андрюхина голова.

- Ты на улице был? - спросил он панихидным голосом.

- Ага, - буркнул я.

Я продефилировал мимо него к дивану, запустил руку под матрац и нащупал Гамсуна. Я облегченно вздохнул.

- Послушай, - сказал Андрюха.

- Ага, - промывчал я, отскребая ногтем пищевое пятно с обложки. Наверное, любой писатель может рассматривать то, что с его книжки с любовью оттирают пятно, как знак признания его таланта.

- Послушай, ты наших видел?

- Прямо гражданская война какая-то: наши, ваши...

- Ну... из компании.

- Видел Лещина со сворой, - сказал я. - Зайцеву с Кунигундой даже не только видел, но и осязал.

- А там... с Лещиным, с компанией, не было такой худенькой? В серой шапке. Шерстяной. Блондинки...

Слова из Андрюхи вываливались, словно камни.

- А! Блондинки! - понимающе сказал я. - Не заметил.

- Такая невысокая. В серой шапке.

- Я же сказал, что не обратил внимания, - повторил я. - Вижу, что случай тяжелый, а?

Андрюха сумрачно подвигал толстыми губами и решил.

- Я вот все думаю, какая она?

- Кто?

- Она. Такая... в серой...

- Знаю, невысокая, в серой шапке, блондинка, - торопливо закричал я.

Орудийная башня кивнула.

- Я все думаю: она хорошая или нет?

- Нашел, о чем думать, - сказал я. - Ты что, втрескался?

Он пожал плечами. Тоже, пижон, ведь сквозь стенку видно, что втрескался.

- Если ты ее любишь, значит она обязана быть хорошей. А нет - так не все ли равно, - невразумительно сфилософствовал я. - Что тебя, собственно, смущает?

- Она, - произнес Андрюха подземным голосом. - Она уже в первый вечер стала целоваться.

- Чепуха, - засмеялся я. - Нормальное дело.

- Правда? - спросил он. Я кивнул.

- Джульетта, говорят, еще похлеще штуки откалывала.

Андрюха потоптался по паркету; энтузиазма у него несколько прибавилось.

- Ну, я пойду?

- Ступай, - нетерпеливо сказал я.

Мне оставалось совсем немного - несколько страниц - чтобы закончить "Пана". Я выпил эту книгу залпом. Потом я с радостью узнал, что мою любовь к лесному богу, не принятому на Олимп за хутородство, разделяли Куприн и Чехов, вот так!

Знаете, что писал Куприн? Он писал: "Если хотите, "Пан" - это роман, поэма, листки из записной книжки, написанные так интимно, точно для одного себя".

"Это восторженная молитва красоте мира, - так говорил Куприн, словно восклицал, хотя я не люблю этого слова, - это бесконечная благодарность сердца за радость существования, но также и гимн перед страшным и прекрасным лицом бога любви... Этот роман так и напоминает аромат дикого, невиданного цветка, распутившегося в саду неожиданно, влажным весенним утром".

Я еще не знал этих купринских восклицаний, когда перевернул последнюю страницу "Пана", но в голове моей, заикаясь, тоже роились какие-то невыразимые слова. Я не жил как "некто Томас Глан, лейтенант, охотник" в "одиноким лесной хижине, почти в берлоге вместе с собакой Эзопом, добывая пропитание охотой и спускаясь вниз, в маленький городишко Сирилунд для того, чтобы купить хлеба и соли". Но с каждой страницей я все больше рвался туда, в книгу, в эту жизнь, где шептал, звал, кричал великий Пан, хозяин жизни и любви. Напрасно я пытался придумать какую-то аналогию с собой: "он жил зайцем с верным Легой Лещиным, изредка спускаясь в столовую, чтобы тайком набрать хлеба и соли". Это была жалкая аналогия. В груди моей становилось тесно, я оглядывался в смятении на пустые стены. Как я был горд сначала, когда ехал сюда; как верил, что окунаюсь в великое море приключений и бушующих страстей, а теперь всё стало казаться мелкой пошловатой лужей. Я кусал губы; это был *не тот* мир. В нем не было *того* неба, *того* ветра и *того* молчания. В нем не было того рока и той силы радости и того безумного отчаяния, которыми был отмечен, словно печатью счастья, лейтенант Глан...

Неужели прав Сальваторе Адамо в одной своей балдежной песне: "Старики склонили головы перед вечными неудачами, и счастливы те, что не видят, как мимо проезжает золотая карета"?.

Прошло минут сорок, и Лера, наверное, уже ждала, но я все сидел с книгой в руке и блуждал взглядом по комнате, словно надеялся увидеть что-то свежее и чудесное. Волшебный дым рассеивался. Я снова слышал обычные пансионатные шумы: неясное пение магнитофона где-то, топанье по коридору, голоса, смех и взвизги. Надо все-таки идти к Лере... Чем она меня приковала? Красотой? Да, она красива. А может, я просто привык к ней и уже не отвыкну никогда? Ни-ког-да. Есть еще одна песня: "Старые привычки мешают вертеться миру и вяжут нас по рукам и ногам..." Это у Мануэля Алехандро.

Я сунул беднягу Гамсуна на привычное место, чтобы после дочитать. Там, в книге, кроме "Пана" были и другие повести.

Влюбленный Андрюха оставил на столе расческу, которой я причесался, прежде чем спуститься вниз.

Лера открыла тут же, как только я постучал в сто двенадцатый. В комнате было темно. Она схватила меня за рукав и втащила внутрь, не дожидаясь, пока всякие колбочки и палочки у меня в глазах приспособятся видеть во мраке. Дверь закрылась.

- Ты что так долго копался?

- Так... от Андрюхи не мог отделаться...

Сколько раз бывало так, что я хотел сказать ей правду, но почему-то в последний момент начинал мямлить какое-то вранье. Хотя, подумаешь, - ну, зачитался я интересной книгой - и что же?..

- Он, понимаешь, влюбился. И ныл. А я его успокаивал.

В комнате было не так уж темно, как мне показалось вначале. За окном сияли перламутром снега и пускали струи мутно-зыбкого лунного света.

- Он влюбился, этот чудик? - спросила Лера и тихо рассмеялась. - Правда?

- Ага. В какую-то блондинистую пигалицу. Он с ней уже целовался.

- Так отчего же он ныл?

- Догадывается, что сильно влопался. Боится.

Я сказал это с превосходством человека, которому подобная опасность не угрожает.

- Ты такой напасти не боишься, верно? - подстергла Лера мои мысли.

Я жжал ее пальцы. Глаза у Леры блестели в сумраке, как фарфоровые, как тогда, давно, год назад, зимой, в другом пансионате. В другой жизни.

- Ты видела, как очкастый в холле на тебя пялился?
- Видела. Он потом за мной побежал. Приглашал ехать завтра в Москву, в ресторан.
- Будто не видали мы этих ресторанов! - говорю я, хотя ресторанов мы в самом деле не очень-то видали. - Мы сюда приехали дышать свежим воздухом, не так ли?
- Значит, ты пойдешь завтра со мной на лыжах, Тимка?
Если я пойду на лыжах, то мне придется ее всю дорогу развлекать, и я не смогу читать Гамсуна, думаю вдруг я и поэтому говорю:
- Не знаю... может, я не смогу достать лыжи.
- Ну послезавтра.
- Послезавтра. Ладно.
- Иди сюда...

Лерина рука, волшебная, белая в полутьме ведет меня, точно блуждающий огонек в Иванов день. Мы сели на диван в сказочном свете снежной ночи. Лерино лицо наполовину утонуло в тени. Серебряная ночь... Почему ночь? Пока еще вечер... Лерины глаза близко-близко. Потом она закрывает их. Она всегда закрывает их...

По коридору за дверью топают шаги, чьи-то голоса и смех проплывают мимо.

- Скажи, а как ты от Зайца избавилась?

Лера хихикает.

- Я ей сказала, что у меня разболелась голова и что мне нужно полежать в темноте, а в темноте читать нельзя. Поэтому она пошла туда, где светлее, со своим талмудом. Она ведь без него жить не может.

- Ты коварна, как леди Макбет.

- Я такая, - сказала Лера.

Она обхватила меня руками за шею и запрокинулась назад, спиной на подушки, увлекая меня следом.

В этот миг дверь неожиданно открылась. Я скорее почувствовал это, чем увидел. Сначала ощутил, что на секунду исчезла стена, отделяющая нас от остального мира. Шумный прибой коридора ринулся в комнату, но тут же, словно в испуге отпрянул обратно. Потом я понял, что мы уже не одни в комнате.

Лера тоже поняла, что конфиденциальность встречи нарушена, но продолжала крепко прижимать меня, только повернула голову в сторону двери. Я тоже, насколько мог, скопил глаза. Сначала я ничего не мог увидеть. Потом раздался какой-то вздох, а может, шорох, неясное существо быстро и бесшумно двинулось в темноте, снова приоткрылась и захлопнулась дверь, но клин электрического света предательски осветил знакомые золотые волосы, метнувшиеся наружу.

Как только раздражающий коридорный свет пропал, Лера захихикала, а потом громко засмеялась.

- Это же Заяц.

- Я и сам понял, что Заяц, - пробурчал я, высвобождаясь из ее объятий. - Чему же тут веселиться?

Лера закинула руки за голову; ее зубы блестели, как сокровища морского царя.

- Вот, наверное, она обомлела, когда вошла. Ты заметил, как стремительно она вылетела?

- Она поняла, что ты ее обманула. Как-то неудобно получилось...

- Вот еще! - сказала Лера. - Может, у каждого свое лекарство от головной боли?

В конце концов, имею же я право на личную жизнь! Пусть она поймет, что иногда ее общество мне докучает.

Я ничего не ответил. Я встал и смотрел в окно на призрачные сосны, словно вырезанные из китайской бумаги и наклеенные на темное небо.

- О чем ты задумался, Тимка?

- Так... ни о чем.

Я бы ни за что не признался ей, что почему-то подумал сейчас о том, узнала меня Ирина или нет. Хорошо, что я не надел свитер с белыми узорами, а явился во всем темном, конспиративном, без особых примет.

- А я вижу, ты что-то загрустил!
Лера в момент оказалась возле меня и подозрительно посмотрела мне в лицо.
- Тебя, по-моему, вся эта ерунда очень тронула? А?
- Ну а если и тронула - то что?
Лера пожала плечами.
- Я тебя не понимаю.
- Знаешь что, - медленно сказал я; я все так же смотрел на снег и сосны за окном.
- Что?
- Пойдем погуляем.
- Погуляем? - переспросила Лера.
- Да. Смотри, какая погода чудесная.
- Погода чудесная, - согласилась Лера; голос ее снова стал мягкий и теплый, она взяла меня под руку, будто мы уже шли по темным аллеям. - Пойдем, мне тоже захотелось погулять.

8.

Вспоминать свою жизнь иногда очень трудно. События и чувства толпятся, мешают друг другу, самые примитивные отчего-то расталкивают всех и вылезают вперед, а самые важные вдруг оказываются скромными и незаметными.

Поэтому, чтобы снова увидеть перед собой те дни и сказать: да, это они! - приходится выбирать из тысяч поступков, из миллиона мыслей.

А это дьявольски трудно.

И сейчас я сижу и пытаюсь вспомнить, когда впервые ее улыбка затронула мое сердце. Может, это было после той ночи, когда я увидел странный сон?

Мне снился сон, будто я - капитан большого парусного корабля, и мой корабль был в баталии, сражался и получил несколько пробоин. Команда заделала пробоины, но все равно мой расшатанный бурями и ударами ядер корабль тонет. Он тонет медленно, вода еле сочится отовсюду, наполняя трюм, но он тонет и спасти его нельзя. Я направляю мой корабль к спасительному берегу. Уже ночь. Безлунная, тихая ночь. Еле заметный бриз наполняет паруса, и корабль еле движется под его дыханием. Я выхожу на палубу. Совсем близко внизу у перил плещется вода: корабль тонет. Тонет, но продолжает двигаться. Я снова иду в каюту и при свете свечи прокладываю курс. Что за чертовщина! На карте мой курс уже идет по суше, а берега все нет! Кругом бескрайнее море, и волна плещет уже совсем под ногами.

Так я плыл всю ночь, и только утром мой корабль, наконец, вошел в гавань, и я проснулся совершенно измученный и разбитый.

Когда я поведал этот сон Леге Лещину, он сразу загорелся писать по нему рассказ, но потом забыл и так и не написал...

В тот день всё началось, как обычно. Андрюха Кулебястый и Огурец встали и ушли завтракать, а я слез со своего стола, чтобы полежать по-человечески на Андрюхином диване. Потом пришел Лега и принес мне порцию пудинга. Следом Огурец принес тарелку остывшей каши, а Андрюха - стакан какао, и я неплохо поел.

Что было дальше? Я снова взялся за Гамсуна.

Что делает с человеком Гамсун! Он сводил меня с ума; он заставлял меня радоваться солнечному лучу на стене, и вороньему перу на снегу, и чужому мимолетному взгляду, и чьей-то неумелой песне. Он говорил: вот жизнь, смотри и удивляйся.

Пока я читал, Лега, который все это время болтал с Андрюхой о разной ерунде, несколько раз тщеславно косился на меня, а потом, когда грудь ему окончательно распёрло так, что терпеть было больше не в силах, он спросил:

- Ну как?

- Удивительно здорово.

- А я тебе что говорил! Лещин плохого не присоветует. Я хотел сказать ему, что при этих словах обычно еще стучат себя в грудь кулаком. Но не сказал. Все-таки он действительно молодец, подсунил мне эту книгу.

- Значит, нравится тебе Кнут Гамсун? - не унимался Лещин.

- Тысячу раз уже тебе сказал: нравится.

Лега непонятно почему страшно развеселился. Он положил ногу на ногу, прочертил взглядом потолок, усы у него на губе зашевелились, словно готовясь щекотать или колоть.

- А ты знаешь, что этот Гамсун был страшный мерзавец?

Если бы знаменитые лещинские усы вдруг напрочь отвалились, я был бы меньше ошарашен, чем при этих словах, сказанных с будничной ухмылкой.

- Не трепись... - сказал я.

- Ах, ты мне не веришь? - сказал Лега, вскочил на свои огромные ноги, зашагал туда-сюда и объявил:

- Маленькая лекция.

- Сейчас мы услышим про соблазненную пастушку, - сказал я.

Мне не хотелось слушать, как Лега станет перетряхивать по косточкам *моего* Гамсуна, тем более - я был уверен - расскажет он какую-нибудь чепуху.

- Кнут Гамсун, - начал Лещин, - он же Педерсен, то есть по-нашему: Петров, родился сто с хвостиком лет назад в Норвегии...

- Не может быть! - кривляясь, воскликнул я. - Неужели он и писал на норвежском?

- ...Но поскольку "Петров" - фамилия для литератора неподходящая, - невозмутимо продолжал Лега, - то он сменил ее и занавесился псевдонимом.

- А что означает этот псевдоним: Гамсун? - влез Андрюха.

Лега снисходительно поглядел на него. Ему это было легко со своих двух метров.

- Это означает: не задавай лишних вопросов.

Он продолжал:

- Гамсун был сыном деревенского портного и с четырнадцати лет вел скитальническую жизнь. Он побывал в Европе и в Америке, переменил массу профессий, а писать, кстати, начал примерно в вашем возрасте, юноши. Учтите.

- Учтем. Сейчас тоже что-нибудь напишем.

- Вы, вероятно, догадываетесь, что каждый писатель имеет свои особенные черты. Это как походка - у всех разная. Катька, например, спускается по лестнице, ни одной ступеньки не пропустит, и еще на каждой бедром покрутит, а Андрюха ломит прямо через две на третью... Стало быть, о чем я?..

- О Катьке, - подсказали мы.

- Ага, - вспомнил он, - Гамсун, дорогие мои товарищи, является типичным представителем буржуазного литературного импрессионизма, близкого к натурализму.

- Импрессионизм как раз, по-моему, натурализма не любит, - робко высказал я сомнения.

- Мда?.. - сказал Лега. - Ну что ж, может, отвергает, а может - и не совсем... Но я продолжаю. Юный Гамсун не нашел в своих путешествиях (и это естественно для того далекого времени) страны, о которой он мечтал: всюду царил жестокий век погони за наживой и успехом, а там, куда демон предпринимательства еще не проник, процветало бюргерское ханжество. Гамсун был смертельно ранен. Он решил, что все боги умерли, что свет не будет больше гореть. Он стал индивидуалистом, то есть стал сам для себя центром мира. Естественно, его герои во всем подражают ему, считают, что свобода - это следование своим порывам, и ни в грош не ставят то, что принято именовать "обществом".

- Это вроде Раскольникова, - похвалился я образованностью.

- Анархизм какой-то, - заметил Андрюха.

- Если бы только, - сказал Лега. - Но к сожалению дело обернулось хуже. В конце концов культ одинокого льва привел Кнута Гамсуна к фашизму. Он стал квислинговцем.

- Не может быть!

Я почти выкрикнул это. Разве мог нежный, романтический Гамсун быть фашистом!

- А там, в предисловии к книге разве не написано про это? - спросил Лега.

- Не знаю... я не читал.

Лещин пожал плечами.

- Если ты мне не веришь - загляни туда.

- Он что же: стрелял и убивал? - спросил Андрюха.

- Хуже: он продолжал писать! И он приветствовал фашистскую оккупацию своей родины. Тогда в Норвегии стали выбрасывать его книги. Его дом, прежде полный гостей, опустел, все перестали с ним здороваться.

Подумав, Лега добавил:

- Один норвежский капитан, который плавал на линии Нарвик - Ньюфаундленд, обожал Гамсуна и всюду возил с собой сразу два собрания его сочинений. Когда он узнал, что Гамсун предал, он вышел на палубу и, плача, выбросил все книги за борт. Он выбросил их, плача, хотя до этого ни разу в жизни не плакал...

Про капитана, Лещин, конечно, заливал, уж я-то сразу это понял. Но у Андрюхи от такой романтической истории рот распахнулся - будь здоров. Хотя, впрочем, очень возможно, что люди плакали, навек расставаясь с книгами Гамсуна.

Позднее я узнал еще больше: после освобождения Кнут Гамсун был привлечен к суду за антинациональное поведение и приговорен к конфискации состояния. Норвежцы продолжали его бойкот. Люди не могли простить ему дружбу с "нашунал самлинг".

Но это я узнал позднее и уже не очень удивлялся. А в тот миг, о котором я рассказываю, Легины слова горько поразили меня. Я подумал тогда, и думал еще не раз: эх, Гамсун-Педерсен, зачем ты это сделал! Ты был такой лучезарный!..

Но Гамсун Гамсуном, а повесть повестью.

Когда наступил вечер, все куда-то разлетелись, я один остался в номере. Я сидел и слушал радио. Потом вновь пришел Андрюха и сел напротив. На него было жалко смотреть.

- Ну что, орел? - спросил я.

Андрюха помотал квадратной башкой и ничего не сказал.

- Где же твоя Дульсинея?

Андрюха пожал плечами, а потом выдавил:

- Н... не знаю.

Я понял, отчего он такой сумрачный: птичка, видать, куда-то улетела.

- Что же, ты так и не нашел ее?

- Не...

- Наверное, плохо искал, - поддразнил я его.

Андрюха опять замотал башкой и задвигал плечами. Ну, прямо заводной мишка какой-то.

- Не... я везде смотрел. В 227-м, и у Кума, и в 112-м, и в баре был...

- В сто двенадцатом? - насторожился я. - Неужели у...

- Угу, - подтвердил он. - У Леры и этой... Зайца.

- Что ж там такое?

- Лега приволок туда всю банду. Свет погасили и бесятся...

Ах, вот оно что! Стоило мне зазеваться, потерять на вечерок бдительность, как уже происходит вторжение в сферу моего влияния. Хорошо еще, что Меджнун-Андрюха, блуждающий в поисках своей блондинистой Лейли, их засветил. Сейчас я туда нагрюну, решил я, погляжу, что у них делается.

- Ну, сиди, горюй, - сказал я.

- Ты куда? - жалобно спросил Андрюха.

Он боялся остаться наедине со своим несчастьем.

- Пойду... прогуляюсь, - солгал я.

Я выскочил в коридор и резво помчался к лестнице. Народу в коридоре было густо, как на бульваре, все фланировали взад-вперед. Я скатился по лестнице. Вот и сто двенадцатый.

Некоторое время я размышляю: стучать или не ступать? Потом решаю постучать. Пусть думают, что я шел случайно мимо - и заглянул.

Я стучу. Открывается дверь, кто-то выглядывает на меня из темноты и говорит:

- А-а! Привет, заходи.

Я захожу. Всё залито темнотой, откуда-то бесконечно бубнит магнитофон, народу набилось столько, что яблоку некуда упасть. Впрочем, яблоку упасть всё же есть куда, поскольку, потеснившись, меня даже усаживают на диван и, к немалому удивлению, между Лерой и Ириной. Значит, мои права все же уважаются. Где Лега я не вижу, но это неважно: как только он подаст голос, даже слепому станет ясно, где он.

Краем уха я слышу вроде бы в свой адрес что-то насчет носов, чующих клубничку, но пропускаю все мимо ушей.

- Представляешь, - говорит мне Лера, - как в девять сели крутить бутылочку, так до сих пор никак их не оторвешь.

Действительно, я вижу в сумраке, как какая-то личность напротив наклоняется к пузатой бутылке на полу и волчком закручивает этот сосуд судьбы. Развлечение, конечно, третьего разряда, но - о вкусах не спорят, говорили еще в древнем Риме.

На вертящейся со стуком по паркету бутылке мелькают блики, и все взоры прикованы к ней. Я тоже поддаюсь всеобщему гипнозу и замороженно слежу, как движется перст бутылочного горла.

Вдруг одна мысль, словно молния, ударяет меня: "А как же Ирина? Неужели и она играет?"

Между тем, бутылка останавливается, указав на Леру.

"Ну-ну, - желчно думаю я. - Посмотрим, что ты будешь делать, когда я вот здесь рядом сижу?"

Ничего необычного. Личность поднимается, берет Леру за плечи и получает свой честный выигрыш. Когда - личность отчаливает обратно, Лера пожимает мне руку и очаровательно улыбается, что должно означать: мы же не ханжи, ты прекрасно понимаешь, что это всего лишь игра.

Теперь по правилам Лерина очередь крутить. Бутылочка снова вращается. Я чувствую, как меня охватывает какое-то отвращение к этой рулетке. Странно. Раньше я относился спокойнее к таким мероприятиям. Мне вдруг страшно захотелось, чтобы бутылка выбрала меня, а я встану и скажу: "Извините, я не играю в азартные игры!" - и, гордый, выйду.

Я размечтался. Дурацкий жест! Представляю, какими насмешками проводит меня эта компания! Заплюют...

Размышляя так, я механически слежу за вертящейся в очередной раз всемогущей бутылкой.

И вдруг...

Я вздрогнул. В очередной раз запущенная бутылка не дойдя какого-то мизера до меня, указывает на Ирину.

Я почему-то холодею. Вот тебе и тихоня. Меня охватывает непонятное чувство. Как будто я попал в незнакомый город, и кругом чужие, враждебные лица. Внезапно я вижу родного, знакомого человека. Я бегу к нему, подбегаю совсем близко, он оборачивается - увы! - это такое же, как и все прочие вокруг, холодное неведомое лицо!..

Всё это длится лишь секунду. Ирина чуть отодвигается, прижавшись ко мне локтем, и вместо нее целуется ее смешливая соседка справа, "каштанка", как сказал бы Лещин. Я замечаю, что эта замена происходит автоматически, значит, здесь уже привыкли к Иринуному отлыниванию, значит, она с самого начала не принимает участия в увеселениях.

Потом я встаю.

- Ты куда? - спрашивает Лера.

- Голова болит, - говорю я.

Действительно, с головой моей что-то неладно. В ней летают какие-то неуловимые кометы, настраиваются какие-то оркестры. Словом, та самая капля воды с движущимися так и сяк молекулами, о которой читали еще в школе.

- А-а..

Если Лера и расстроена тем фактом, что я ухожу, то не очень.

- Смотрите, застучает вас администратор, - говорю я напоследок.

- Не застучает! - успокаивают меня сразу несколько голосов. - У нас дверь одеялом занавешена.

Я выхожу. Дверь, действительно, занавешена одеялом, чтобы приглушать звук. В конце коридора стоит дедок, в дневное время выдающий шахматы и кии для бильярда, а вечером дежурящий у дверей на улицу. В общем, явный агент администратора Алоиза Алоизовича. Под его бдительным оком я принимаю независимый вид, иду к лестнице и начинаю подниматься на второй этаж, но останавливаюсь на полпути и облокачиваюсь на перила.

Зайдя в сто двенадцатый, я как бы вдруг увидел самого себя со стороны. В каком-то волшебном зеркале. Ведь просто стечение обстоятельств, что я сегодня оказался чужим за этой дверью, завешенной одеялом, в этой веселой компании. Что же я такое? Грустно сознавать себя таким же пустым балбесом, как те, кто крутят бутылочку. Ах, как грустно... Моя душа содрогнулась. Нет! Нет!! Зачем я часто чувствую в себе такую силу, что хочется кричать, и смеяться, и подставлять сердце ветру? Неужели это чувство доступно любому пустому балбесу?..

Лицемер, оборвал я себя через минуту. А разве ты сам не рвался сюда, чтобы как раз окунуться в такую безвольную, беспечную жизнь? И вот она надоела тебе, и ты жалуешься, и ищешь виновных!..

Я бы еще долго простоял так на лестнице, но вдруг весь первый этаж пришел в движение. Послышался стук в дверь, знакомый пушечный голос, испуганный шум, и некоторое время спустя толпа нарушителей режима бросилась наверх мимо меня, сдавленно крича:

- Алоиз идет!..

Через минуту показалась и знакомая компания. Когда они проходили мимо, Лера кокетливо погрозила мне пальцем:

- Это все ты сглазил! Пророк несчастный!

- Куда вы теперь? - спросил я.

- Кочуем. В 354-й, устраивать танцы. Ты придешь? Я неопределенно покачал головой, потом вспомнил, что у меня как будто бы мигрень и стал зверски тереть виски.

- Бедняжка! - сказала Лера. - Не полегчало?

- Немного, - промычал я.

Леги в толпе, что валила мимо, не было видно, а сзади всех шла Ирина.

- Кончилась, наконец, эта дурацкая бутылочка? - с сочувствием сказал я.

- Ага, - сказала она. - Я им предложила сыграть в "колечко", но они не согласились.

"В "колечко"! Я посмотрел на ее узкие, тонкие пальцы и представил, как ее осмеяли любители интимных сумерек. Я чуть не сказал Ирине, как я обрадовался тому, что она не играла в дурацкую бутылочку, но вовремя удержался. В общем-то, что ж такого, если б она даже и играла?

- Слушай, - сказал я вместо этого, - ты дай мне почитать тот романище... эту...

"Тибо". Когда сама прочитаешь.

- "Тибо" - не "она", а "они", - сказала Ирина. Это история одной семьи. Я её уже прочитала.

- Заяц! - крикнула сверху Лера. - Ты что там? Мы уходим.

- Иду, - покорно совалась Ирина.

- Так принеси книгу, не забудь, - сказал я вслед.

Я подождал еще немного и поднялся к себе. Андрюха куда-то канул, большая комната была пуста и наполнена мглой, лишь в углу горел ночник. В окне спала тихая зимняя ночь. Желтый фонарь печально смотрел сквозь запотевшее стекло. Я сел и взял в руки Гамсуна. Предателя-Гамсуна... Но я все же взял его. Все равно есть в нем что-то, что учащает дыхание и приподнимает над землей.

- А все-таки .. - пробормотал я.

Я уже прочел - после "Пана" и "Викторию", о сыне мельника и его сердце. И снова я узнал там щедрого вечного Пана - теперь это был монах Венд, я догадался. Знаете ли вы, что такое любовь? - спрашивал он беззвучным голосом сквозь строки. Любовь - это шелест ветра в розовых кустах. Она, точно маргаритка, распускается с наступлением ночи, и точно анемон от легкого дуновения свертывает свои лепестки и умирает, если к ней прикоснешься. Вот что такое любовь, говорил монах Венд. Она может погубить человека, возродить его к жизни. И вновь выжечь на нем свое клеймо. Так что же такое любовь? - спрашивал он вновь.

И это было как желанный сон, что маячит перед глазами. Вот контуры проясняются, ты протягиваешь руку - и снова видение бежит, растворяется в тумане.

"Расскажи, расскажи же! - молил я. - Объясни мне!.."

Но строки обрывались, и я словно видел премудрого Венда, упрямо качнувшего головой и беззвучно шепнувшего: "Этого нельзя постичь в словах!.."

Я отодвигал коварного Гамсуна. Что за западня! Я смотрел в морозное окно, где оплакивал свое сиротство одинокий фонарь. Какие-то таинственные силы вновь начинали бродить во мне, сжимать мое сердце. Они настойчиво требовали чего-то, они вдруг наполняли весь мир чудесным светом. А потом они всаживали в душу клыки тоски. Ах, зачем я взялся читать!

"Она была юная, светлая, веселая, на ней было розовое платье, ей минуло семнадцать лет".

И больше ничего. Ужасно! Нормальный писатель должен был бы пуститься вдоль по Питерской, изощряясь в описаниях. Разве можно опустить блеск глаз, шелковистость волос, тонкий силуэт фигуры! А этот непонятный Гамсун смешал платье и семнадцать лет, и вышла самая точная картина... Не оттого ли точная, что каждый может представить себе то, что уже когда-то представлял, и почувствовать то, что хочет проклятый волшебник Гамсун?

А кого представляю себе я? Не Леру же... Может, оттого и переворачивается сердце?..

В дверь бухнули, завертелась ручка и вкатился Александр Милорадов, он же Огурец. Он прошел к своей кушетке и с видом страшно умаявшегося человека упал на нее. Он хотел что-то сказать мне, но некоторое время раздумывал. Наконец, он заметил:

- Там, между прочим, твоя Лерочка того... с Колей крутит.

- Угу, - сказал я равнодушно.

Огурец сделал глаза по рубль-пятьдесят.

- Тебя это не волнует?

Он, наверное, ожидал, что я тут же выломаю из стены водопроводную трубу и побегу лишать Колю жизни.

- Почему это должно меня волновать?

Мой встречный вопрос поставил Александра в тупик.

- Да так...

- Давай спать, - зевнул я.

В этот момент в дверь постучали

- Несет кого-то... - сказал, предчувствуя незваных гостей.

Я повременил немного отзываться, чтобы дать понять, что в гостях мы не очень нуждаемся.

Наконец, я подошел к двери и открыл.

За дверью стояла Ирина, в руке у нее был знакомый толстый том.

- Возьми, пожалуйста, - сказала она, протягивая мне книгу.
- Спасибо, - отозвался я.

Такая простая операция! Мы лишь мельком взглянули друг на друга, но что-то вдруг разорвалось у меня в груди, как петарда.

Я взял у Ирины "Тибо", закрыл дверь и запер ее на ключ.

- Ты зачем запер? Еще Андрюха не пришел, - сказал Александр.

- Ну да, верно... - сказал я.

- Ну что, разогнал их Алоиз? - снова спросил Огурец.

Какой настырный юноша!

- Не знаю, - сказал я.

- Ты бы спросил, - сказал он сонным голосом.

- В следующий раз спрошу, - невпопад пообещал я.

Он удивленно посмотрел на меня, но ничего не сказал.

9.

- Алло! Леонид, это ты? - кричал я в трубку.

Электричество подхватывало мои слова, и, треща, уносило куда-то в бездну.

Наконец, с другого конца Земли Леонид закричал в ответ:

- Это я! Здравствуй!

Миновала уже неделя, как наши с ним судьбы разошлись.

Сейчас, наверное, он только кончил завтракать, напился сладкого чаю с хлебом и сыром (подумать только - с сыром!) и сел заниматься чем-нибудь умственным в халате и в тапочках.

- Ну, как поживаешь? - спросил я.

- Я-то - что! - сказал Леонид. - Ты-то как?

- Нормально! - бодро закричал я в трубку и, вспомнив Легу, добавил: - Живу, как святой Яков, которому птицы пропитание носили.

- Не прибедряйся. Скажи уж лучше: как Портос в гостинице "Гран-Сен-Мартен".

- Он тоже жил там зайцем?

- Он тоже ни гроша не платил.

- А-а...

- Как там Лега?

- Что с ним делается! Вчера, правда, проиграл в шахматы и принужден был выпить стакан уксусу. Но ничего, на нем это не отразилось.

- Несчастный! Передавай ему от меня привет.

- Ладно... Откровенно говоря, мне здесь уже порядком надоело. Хочется увидеть тебя и Волчка. Когда приеду - пойдете в баню, идет?

- М-да, - сказал Леонид. - Надоело? А как же романтические приключения?

Непонятно было, смеется он или говорит серьезно.

- Разве их нет?

- Кого?

- Приключений.

- Есть кое-какие, - сказал я.

У двери телефонной кабины не было ручки, как воспоминание о ней осталась лишь дырка. Я зацепил за эту дырку пальцем и плотнее прижал дверь, чтобы не приоткрывалась, и чтобы никто из фланирующих мимо в холле, ни девчонка, ждавшая своей очереди позвонить, не услышали самого главного.

- Слышишь, Леонид...

- Что?

- Хочу тебя попросить об одной вещи.

- Пожалуйста, к твоим услугам.

- Ну, так слушай, - сказал я, отворачиваясь от девчонки, которая пялилась на меня, делая страшные глаза, хотя я еще и говорил-то совсем почти ничего. - Слушай, узнай через справочное бюро или где там, адрес или телефон Ирины Зайцевой. Лучше телефон. Не перепутай: Ирина Зайцева, примерно наша с тобой ровесница. Больше никакими данными не располагаю.

Леонид молчал.

- Тебя, наверное, удивила моя просьба, - сказал я.

- Нет, не удивила, - сказал он. - Я молчал, потому что на всякий случай записывал.

- Ну ладно, Леонид, - бодро сказал я. - Завтра я опять тебе позвоню, чтобы узнать результат. Идет?

- Идет, - сказал он. - Пока.

Я вышел из кабины и распахнул дверь.

- Мадмуазель, прошу!

Отличный парень Леонид!

10.

У себя в номере перед зеркалом Лещин натягивал на шевелюру лыжную шапку.

- Привет тебе от Леонида, - сказал я.

- Ну? Откуда он взялся?

- Я ему только что звонил в Москву. А ты чем занимаешься?

- Прилаживаю голову к шапке, как видишь.

- А если серьезно?

Он стащил шапку, бросил ее на кровать и схватился за свитер.

- Иду на лыжах.

- Полезное занятие, - одобрил я. Я посмотрел, как Лега натягивает свитер, а когда его усатая голова снова вылезла наружу, сказал:

- Ну, пока.

- Чао! - отозвался Лещин.

Я вышел в коридор и нос к носу столкнулся с Лерой и Ириной. Обе они были в ярких спортивных нарядах, перед которыми отступал даже въедливый коридорный сумрак.

- Фу ты! - сказал я. - Куда это вы так разоделись?

- Будто не видишь, - сказала Лера, - На лыжную прогулку. Ты, наверное, уже забыл, что на ноги надевают, а что - в руки берут?

- Просто как-то все не было желания, - сказал я.

- Да что ты, такая погода чудесная! - сказала Ирина. Голос у нее был звонкий, свежий, как морозный воздух.

- Ладно, посмотрим, - буркнул я.

Я подождал, пока они скроются в холле, повернулся, нажал на ручку и снова очутился у Лещина. Он уже шнуровал ботинки. Увидев меня, он ослабил:

- Явление второе.

- Слушай, - сказал я. - Я тоже хочу размяться... на лыжах.

- Размяться... А ты лыжи привез? - насмешливо спросил он.

- А я - на чьих-нибудь.

- Увы! Нынче все идут, - Лега сделал страшные глаза, - не иначе, как сговорились, мерзавцы. Чтобы тебе насолить!

Сначала мне стало досадно, что я получаюсь вроде парии: все взяли - и отправились на лыжах, а я не могу! Потом мне стало еще досаднее, когда я представил, как Лега или этот магнитофонный Коля там, в роскошном лесу встречает Леру и Ирину и пыжится перед ними в своем ярком свитере, и зубоскалит, и толкает их в снег...

Я увял, как подкошенный цветок, и Лещин смягчился.

- Ладно, открою тебе секрет. Здесь есть лыжная база в окрестностях.

- Где?

- Я же сказал: в окрестностях. Километра три от пансионата. Ну, может, два.

Значит, три километра туда и три оттуда - уже на лыжах. А под занавес снова туда, чтобы эти лыжи сдать. И пешком обратно.

- Далековато... - протянул я.

- Так ты же и выражал желание - размяться.

Тоже, нашелся любитель поглумиться! Я заявил:

- Ладно, перебьюсь.

- Как хочешь, - сказал Лега. - На всякий случай объясню. Пойдешь как на железнодорожную станцию, дойдешь до деревни, рванешь вдоль шоссе и шпаль до указателя: спортивная база. А там найдешь, если не совсем дурак. Понял?

- Я же сказал: перебьюсь.

- М-да? - сказал Лега. - Значит, я не расслышал. Он в последний раз сунул усы в зеркало.

- Как говорил Чехов, человек должен быть во всем красивом... Ну, я поплыл.

- Валяй... лайнер, - сказал я.

Он выскочил из комнаты, а я сел к окну и смотрел, как разноцветная армия штурмует снежные горы. Спустя минуту мимо пробежал и Лещин, уже с лыжами на плече, которые хранились в закуте у входных дверей. При виде его гвардейской фигуры досада опять запустила острые зубы мне в самое сердце. Где-то там уже, наверное, на подходе к зеленой, густеющей чаще сейчас - Лера и Ирина. Я стал глядеть туда, где ползли по склону разноцветные жуки, но, конечно, разглядеть кого-нибудь в такой дали было непросто.

Скоро почти все фигурки скрылись в лесной утробе, и пейзаж за окном снова стал пустынным и строгим. Я представил себе, как громко и сочно хрустит попираемый лыжами снег. Будто целлофан. Нет, будто разламываемый арбуз. Я вздохнул, но не почувствовал воздуха. Воздух был вялый, теплый. И еще, воздух был какой-то печальный, мертвый. Он больше не дрожал от голосов, он не бежал по коридорам шальным ветром за шелестом юбок. Мне даже показалось, что я остался один в пустой скорлупе пансионата - такая вокруг разлилась тишина. Будто с разноцветными фигурками в лес ушла веселая душа огромного дома. Ушла, а меня бросила в этом неуютном номере, как лишнюю обузу.

Как там объяснял Лега? Дойти до железнодорожной станции... Нет, не до станции, а до деревни, и потом - по шоссе до указателя? Надо было записать или лучше запомнить, какой же я болван!

Я открыл стенной шкаф. Там висела чья-то куртка. Я почему-то знал, что она там будет. Ведь в чем-то должно повезти, верно?

Куртка была отвратительно синяя, на полплеча и полторы груди шире. Поэтому я взял валявшийся на стуле ремень и перетянулся им по-армейски. Будь благословенна, вторая половина двадцатого века, когда каждый может вырядиться во что захочет, рискуя лишь прослыть оригиналом.

Минут через десять я вышел из пансионата в полном облачении. Лега был прав: возле дверей я не нашел ни одних пригодных лыж. Прямо какая-то лыжная мобилизация.

День был великолепный. В такой день рекламные бюро выезжают в Рузу или в Опалиху снимать иллюстрации к призывам: "Отдыхайте в Баксанском ущелье!" или: "Терскол ждет вас!" Я бодро зашагал по укатанной тропе, ведущей через бугор в деревню Таяльцы. Сперва мороз набросился на меня и стал хватать за уши и за ноги, но я так быстро дунул по тропе, что он разочаровался и перестал мне докучать. Когда с холма моим глазам открылись деревня и шоссе, я уже изрядно разогрелся.

Из таялицких труб в самое небо задирались дымы; пруд был необычайно красив, так и просился на полотна; разноцветные авто на шоссе сверкали, как самоцветы. Я даже удивился: с чего бы все вдруг стало таким расчудесным? Но, ко-

нечно, тут же догадался: ведь это же было, хоть и маленькое, хоть и куцее, но мое приключение. Пускай и не такое, о котором мечталось, но все же - какое-то. Ну да, конечно!

- Полный вперед! - скомандовал я, парусом надувая грудь. Минут через двадцать я вышел на шоссе, и тут оказалось, что я не знаю, куда идти. Лега сказал: вдоль шоссе. Но шоссе-то и справа и слева! В общем, как в той шутке: иди вдоль экватора, но в другую сторону. Я постоял на обочине, вращая головой во все стороны, как будто надеялся носом почуять, откуда вдруг потянет лыжами. На счастье мимо шел какой-то человек в ватнике и рыжей шапке.

- Скажите, где здесь лыжная база? - обратился я к нему.

Он остановился с самым задумчивым видом.

- База-то...

Он зачем-то посмотрел назад, потом на небо и наконец сказал:

- А кто её знает, я ведь сам не здешний.

- Ну спасибо за информацию, - желчно сказал я.

- Да ты погоди, - сказал этот чудила в рыжей шапке. - Ты походи к столовой, а там спроси у шоферов, шоферы, брат, всё в округе знают.

Тут был свой резон. Я снова поблагодарил его, на этот раз безо всякого яда.

У столовой стояла дюжина машин, резко пахнущих дорогой и работой. Всё это собрание разнообразных МАЗов и КАМАЗов напоминало огромных собак, терпеливо ожидающих у булочной выхода хозяев.

К моему везению дверь столовой внезапно выстрелила, и по ступеням соколом слетел один из шоферов в черной куртке. Быстрой побегой (видно, тонно-километры поджимают, подумал я) он подскочил к своему сине-белому чудовищу, рванул дверцу и прикрикнул на кого-то:

- Эт-то что еще за шпана!

Из кабины, обмирая от страха, сполз на снег малолетний деревенский карапуз.

- Руль покрутить захотелось? Вот нарвать тебе сейчас уши! - воспользовался я моментом, чтобы привлечь к себе внимание.

Повелитель десяти тонн с прицепом мельком глянул на меня и взлетел в свое высокое седло, с сухим треском захлопнув дверцу.

- Эгей, скажите, вы здесь лыжную базу поблизости не знаете? - торопливо закричал я, пока не взревел двигатель. Он снова распахнул дверь и уставился на меня.

- Лыжную базу? Какую лыжную базу?

- А их разве много здесь? - простодушно спросил я.

- Вообще-то я одну видал, - сказал он. - Вон в ту сторону километра четыре будет.

- А вы случайно не туда?

Он подумал, но все-таки смилоствился.

- Туда.

- Подбросьте меня, я на соревнования опаздываю.

Я уже готов был добавить, что являюсь главной надеждой какого-нибудь района, но все же догадался, что в своем наряде могу рассчитывать на успех только в карнавальном конкурсе. Вот уж там был бы триумф, это точно.

- Ну садись...

Я с готовностью забежал за металлическую скулу грузовика, нажал тугую ручку и скромно примостился на широком дермантиновом сиденье, рассчитанном на стандарты покрупнее моих.

Механика заревела, застреляла; мой благодетель стал небрежно покручивать огромное колесо руля, другой рукой нашаривая сигареты,

- Куришь?

- Я же на соревнования...

- А-а... ну, извини.

Несколько энергичных движений огромным рычагом в полу - и мы с жужжанием понеслись по серо-буро-малиновой зимней дороге.

- Какие соревнования-то? - спросил шофер. Теперь, когда мы были одни в кабине, я разглядел, что он был почти мой ровесник. На полпальца всего старше.

- Кросс, - ответил я со знанием дела. - Лыжные соревнования называются "кросс". Вот какие.

- Нормально, - сказал он. - Сейчас прибудем.

Я стал смотреть по сторонам, чтобы не пропустить обещанный Легой указатель. Деревню мы, конечно, уже давно покинули и мчались через торжественные лесные пейзажи. Я подумал, что, наверное, несправедливо, что я сейчас выскочу из тряской кабины и побегу себе на быстрых лыжах в скатертные дали, а этот парнишка поедет дальше, увеличивать статистику тонно-километров. Потом я подумал, что, пока я балбесничал здесь, в пансионате, сколько еще таких парнишек проносилось мимо с кузовами, полными всякой всячиной, или притормаживали у разных столовых и чайных. Еще через минуту я подумал, что зато у них, наверное, есть уверенность в своих травленных морозом и капризным металлом руках и целая Вселенная дороги, где некогда бурчать и хныкать. Потом все эти мысли стали меня раздражать, и я представил, что мои мозги - это некий дом, а мысли - вроде тщедушного, противного человечка. Тогда я взял этого человечка за шиворот - и вытолкал. И надо же - действительно получилось. Это называется: "аутотренинг", я где-то читал.

А потом я вообще обо всем позабыл, потому что увидел указатель.

Замечательнейший, великолепнейший указатель: "Лыжная база - 1 км".

- Стоп, - сказал я водителю. - Приехали, - и добавил: - командир.

Я слышал, как так вот называли шоферов возле мебельных магазинов, и мне почему-то показалось, что ему это будет приятно.

Он и сам уже увидел то, что нужно, и усиленно останавливал свой агрегат.

- Ну, пока, - сказал я. - Огромное спасибо.

- Бывай, - ответил он. - Ты там... старайся.

- Будь спокоен, - сказал я. - Ты не смотри, что я худосочный, во мне силы на десятерых.

Я сказал это не из хвастовства, а чтобы ему было приятнее от того, что он подвез не просто прохожего, а большого спортсмена.

Грузовик взревел внутренним сгоранием и, размешивая снег, рванулся с обочины, стремясь на простор. Я посмотрел на вытянутый палец указателя, потом - на бледное зимнее солнце... До базы был километр - вроде бы ерунда - но астрономия показывала, что дело движется к обеду, и поэтому стоило поторопиться.

Где-то там, в непроглядных чащах мимо усыпанных снежным сахаром елок по голубым теням оврагов бежит, как паровоз, Лега; меланхолично бредет Андрюха Кулебястый; добросовестно переставляют лыжи Лера с Ириной, а следом за ними серыми волками скользят кавалеры. Наливаются яблочным соком щеки, голоса бьются в густых сетях ветвей, и лыжные пути уводят неведомо куда...

Черт возьми! Все эти картины так раззадорили меня, что я припустил бегом.

С опушки тропа свернула в самый лес, где толстые ели упирались в снег, как ноги чудовищных зверей. Дорога, которую надо преодолеть, неясный свет впереди, цель и смысл - все это таило миллион восторгов. Можно было представить себя греческим войском, спешащим из Марафона в Афины, чайным клипером, Печориным, скачущим вслед за Верой...

- Лейтенант Глан, - шептал я, задыхаясь от бега, - лейтенант Глан...

Толща леса внезапно оборвалась, а за ней был забор с веселенькой надписью: "Лыжная база с/о "Колос". Навстречу выбежал безродный деревенский пес.

- Эзоп! - заорал я.

Он ощерился и загавкал с паром, мотая хвостом. Я счастливо засмеялся.

На всех парах я влетел на базу. Сколько же здесь было лыж. Зеленых, красных, синих... Настоящая коробка с карандашами. Красота!

Через пять минут я уже мчался по заснеженным холмам. Возможно, какой-нибудь пижон со стороны сказал бы, что я не мчался, а ковылял себе в меру сил. Но он был бы неправ: я мчался! Я наезжал на снег, снег хрустел, и это было великолепно!

Я мчался мимо обсыпанных снежным сахаром елок, по хрупким январским теням, и тени были голубые, как я представлял себе еще в пансионате. Скоро навстречу стали попадаться стаи лыжников, потом замелькали и кое-какие знакомые лица. Наконец, удача слегка смягчилась, и я наткнулся на Легу.

- Ну и мешок на лыжах! - заорал он, увидев меня. - Ты зачем чужую куртку надел?

- Здорово, чемпион! - заорал я в ответ. - Сладость-то какая!

- Природа, брат, - сказал важно Лещин.

Я подъехал к нему вплотную, и ударил палкой по ближайшей елке. Хлынул снежный дождь и моментально навалил на Легиных плечах эполеты. Любой, кто в эту минуту взглянул бы на Лещина, понял, за что его так любят девушки.

- Вылитый киношный декабрист, - сказал я с плохо скрытой завистью. - Прямо Денис Давыдов!

- Ладно, нечего хамить, - сказал Лега, стряхивая снежную пыль со свитера и с накрахмаленных морозом ушей.

- Ты один катаешься? - спросил я.

- Как видишь, - сказал он. - В лесу мне никто не нужен.

- А Катька? Она тоже на лыжне?

- А! Где-то там, за елками, - махнул рукой Лега.

- Ага. А... - начал я и замялся, но Лега тут же проинформировал:

- А та, о которой ты спрашиваешь, в двух шагах, за оврагом.

Я, правда, сам не знал, о ком спрашиваю. Сначала мне показалось, что об Ирине, но потом мне захотелось увидеть и Леру. Поэтому в ответ на Легино сообщение я только снова глупо пробормотал:

- Ага...

Лега удивленно посмотрел на меня, и я сильно подозреваю, что у меня в этот миг был вид человека, потерявшего дорогу.

- Долго мы будем еще стоять? - спросил он. - Все-таки морозец, монсеньор.

Мороз, действительно, был как в рассказах Джека Лондона, я тоже почувствовал, что спину мне снова облизывает чей-то холодный язык.

Мы вонзили в снег палки и покатали в оврагу.

- Ну и герой, - ворчал сзади Лега. - Даже в лесу его тянет к девчонкам.

Если бы я сказал ему, что вообще пустился в путь после того, как встретил в коридоре Леру с Ириной, он совсем перестал бы меня уважать.

Потом Лещин перестал ворчать и бежал впереди меня сосредоточенно и ловко, так что я едва поспевал за его широкой спиной с работающими, как поршни, лопатками.

Кусты впереди раздвинулись, словно занавес, и мы выехали на лысый бугор, укатанный и скользкий. Внизу ярко сияли две лыжные куртки, продвигающиеся не спеша по удобной и уютной овражной лыжне.

- Вот и твои дульсинеи, - сказал Лега, указывая под гору лыжной палкой, словно жезлом.

И хотя "дульсинеи" были "мои", он первый набрал воздуха в свои легкие и заорал:

- Э-э-эй, на шкафуте!

Лера с Ириной остановились, подняли головы и, увидев нас на бугре, приветственно замахали.

"А все-таки Лера в три раза красивее", - подумал я.

- Смотри, как обрадовались. Ловелас ты, однако, - сказал Лега.

После этого он прыгнул вперед и понесся под уклон о криком:

- Сарынь, на кичку-у-у!..

Я присел, держа палки подмышками, и тоже покатил следом, немного досадуя, что встречный ветер пузырем надувает куртку на спине.

После обеда Лещин заявил, что опять собирается устроить вечеринку. Естественно, он заявил, что вечеринка будет происходить, как всегда, в комнате у Кулебястого и Милорадова, поскольку у них просторнее.

- В общем, свистать всех наверх, команде - прибрать корабль, - небрежно завершил он.

Кулебястый и Огурец-Милорадов вытянулись по струнке, откозыряли и приступили к исполнению указаний.

- О боеготовности доложите, - лениво сказал Лега, сел на стул и вытянул ноги.

- Знаешь, Лега, - сказал я, - все эти веселые встречи, конечно, штука замечательная, но давай на этот раз не станем приглашать разную шантрапу.

- Какую еще шантрапу? - спросил он. - Будет, как всегда, только общество.

- В прошлый раз тоже было общество, - сказал я. - Тем не менее, создалась реальная угроза твоей физиономии.

- М-да? - сказал Лега. - И что же ты предлагаешь?

- Я ничего не предлагаю. Просто в прошлый раз мне показалось, что среди тех, кто у нас собрался, были кое-какие трусы и мерзавцы.

- С чего ты взял?

Кулебястый и Огурец, лихо разворачивающие к окну стол, тоже повернули головы и смотрели на меня так, будто я собирался поведать миру секрет птичьего языка.

- С чего я взял? Ты сам вспомни, как они словно примерзли друг к другу, когда пора была тебя выручать. Ты что - забыл?

- Припоминаю, - сказал Лега. - Занятная была история.

- Да я бы на них после этого глядеть не захотел! - воскликнул я.

- Брось! - сказал Лещин. - Нормальные ребята. Просто немного сдрейфили. Не надо их так густо сажей мазать.

Андрюха Кулебястый и Александр Огурец ожили и потащили стол дальше.

- Ладно, делай, как знаешь, - сказал я. - Но хотя бы этого Колю не приглашай. У меня от него изжога.

- Ты прост, как та старушка, что подвинула полено в костер Яна Гуса, - сказал он. - А где еще мы, по-твоему, возьмем магнитофон?

Я увидел, как у Огурца-Милорадова вдруг забежали глаза и рот выгнулся молодым месяцем, и понял, что он принял мою неприязнь к этому Коле за месть в видах ревности. Ведь сам же он тогда сообщил мне, что Коля "к Лере клеится". Я даже рассердился: говорю вполне серьезно, а меня принимают за какого-то доморощенного Макиавелли.

- Ну, не дуйся, умоляю, - сказал Лещин, раскачиваясь на каблуках. - Иди, приглашай своих дам из сто двенадцатого.

- Успеется, - буркнул я.

Мы сидели рядом на диване: я, Лера, Ирина и Огурец. И прочие, конечно, тоже были тут. В обильном количестве. Лампа опять еле светила из умывальника, обернутая рубашкой, на сей раз рубашкой Огурца. Уже минут пять, как пустили музыку, и публика в упоении толклась на паркете, изображая, кто что умеет. Скоро какой-то хлыщ подскочил и пригласил Леру. После этого Огурец засопел, и, как галантный сосед, пригласил Ирину. Я видел, как он колыхался среди танцующих, обхватив ее своими лапами, и шевелил губами, развлекая тинэйджеровскими разговорами.

Пока они все танцевали, откуда-то вынырнул Лега и примостился возле меня, зашептав:

- Сядь вот так и замри.

- Похоже, что ты от кого-то прячешься, - сказал я.
- Ага, угадал.
- От кого же?
- От Катьки. Возомнила невеста что, тоже мне, невеста соломенная! Захочу - сегодня же ты нас с другой повенчаешь. Разве я не могу?
- Можешь, - подтвердил я.

Действительно – ну пошутили мы, устроили балаган с этим венчанием, нельзя же теперь на парня смотреть, как на свою собственность.

В это время вернулись Лера и Ирина, и Лещин был вынужден уступить диван. Правда, он тут же подхватил какую-то долговязую девчонку и повел ее танцевать.

Музыка взлетала, как фейерверк. Черт побери, записи у этого Коли все-таки были отличные.

- Что ты сидишь, как бирюк? - сказала Лера. - Пошли, Я тебя приглашаю.

Она взяла меня за руку и повела в самую середину круговорота. Она положила руки мне на плечи, а я обнял ее за талию. Я снова почувствовал знакомый запах лака для волос. Потом она насмешливо посмотрела на меня и сказала:

- Ну и тоскующий журавль! Ты что, дуешься на бутылочку?

- Почему ты так решила? - спросил я. - Я про этот эпизод уже забыл.

Я совсем не лукавил, я на самом деле ни разу не вспоминал об этой дурацкой бутылочке. Во всяком случае с нынешнего утра.

- Разве стоит обращать внимание на такую ерунду в наш век, - сказал я, немного пижоня.

Лера засмеялась и погрозила мне пальцем. Я испугался, что сейчас она по привычке протянет мне его для поцелуя, а мне этого не хотелось. Вид у меня, наверное, был такой дурацкий, что она засмеялась еще громче, истолковав это как-то по-своему.

"Ладно, - подумал я, - пусть считает, как хочет".

Когда мы вернулись к дивану, Лещин снова был там. Он усадил свою новую красавицу на мое место, а сам сел перед нею на корточки и заливал привычное:

- Самое голубое небо в мире - в Сицилии. А море там лиловое перед дождем...

Но когда скачешь на лошади по пляжу, вообще не понимаешь, где море, а где небо...

Долговязая хихикала, вертела глазами и говорила усатому Леге:

- Таракан! Принеси мне вина!

Словно ветер, налетела какая-то тропическая музыка. Это был целый ливень, хлещущий по банановым листьям. Очень заводная музыка.

- Ой, как хочется танцевать, - сказала Легина подруга и искоса поглядела на меня, поскольку Лега как раз отчалил за вином.

- Ира, пойдем, - сказал я.

- Я не танцую самбу, - сказала она.

- Я тоже.

Пару секунд она молча смотрела на меня, а потом вдруг засмеялась, а вместе с ней почему-то засмеялся и я. Я взял ее за руку и, совсем как пять минут назад вела меня Лера, повел в круг. Мы стали танцевать медленный танец, хотя нас немилосердно толкали со всех сторон вошедшие в раж любители помахать руками и ногами. Маракасы громким шепотом пытались высказать что-то знойное, бразильское...

- Ирина... - сказал я.

- Что? - спросила она.

"Что? Что?" - спрашивали маракасы.

- Нет... ничего, - сказал я.

Мне просто отчего-то вдруг захотелось произнести её имя.

Комната крутилась вокруг нас, и всё, что в ней происходило, было похоже на черно-белый фильм. Я увидел в толпе Леру, и скользнул по ней взглядом, почти не заметив. У меня было такое ощущение, что даже если моя прошлая жизнь, навьюченная мешками, набитыми прежними переживаниями и восторгами, вдруг ввалилась бы в дверь, она показалась бы мне маленьким, незаметным карликом.

"Что за наваждение... Что за дурацкие мысли... - подумал я. - Неужели я... Нет-нет. Зимой невозможно влюбиться, зима белая, холодная; ночь за окном черная - бр-р!.. Вон с Лерой ведь ничего не вышло зимой..."

Мне захотелось рассказать Ирине что-нибудь. Чтобы она поняла, что я отношусь ко многим вещам совсем не так, как ей могло показаться... Впрочем, что за чепуха, откуда мне знать, что ей могло показаться!

Я начал рассказывать. Я рассказал ей про Дзинтару, про Межа-парк, про тир. Лере я никогда не рассказывал об этом.

- В Риге я понял, - говорил я, - что москвича легко узнать в любом городе: мы так привыкли к суматошному ритму, что жутко торопимся даже когда никуда не торопимся, так и скользим в толпе, как... как налимь.

Ирина внимательно слушала и смеялась именно там, где надо было смеяться. Никогда прежде я не подозревал, что это может доставить такое удовольствие.

Потом был еще танец, и я рассказал ей про отца Михаила и про Букса - охотника на кошек. Я даже сам удивился тому, что можно столько рассказать за один раз.

Когда мы вернулись к дивану, действующие лица снова сменились, но на сей раз там что-то происходило. Рядом с новой лещинской подружкой сидела какая-то незнакомая девчонка, а Огурец топтался возле и делал мне страшные знаки.

- Что ты семафоришь? - спросил я.

- Понимаешь, - сказал он. - Я пошел с ней танцевать, а она вдруг как заревет!

Девчонка действительно сидела, опустив голову, и плечи ее время от времени вздрагивали, и тогда висящие у ее щек длинные пряди волос принимались качаться.

- Может, ты ей ногу отдал? - предположил я, оглядывая Александра и подумав, что даже для меня такое событие было бы довольно чувствительным.

- Я тоже так сначала решил, - сказал он. - Но она говорит, что дело не во мне.

В этот момент к событиям прибавился Лега. Он выскочив из толпы, посмотрел, как мы озабоченно топчемся, точно начинающие врачи вокруг больного гриппом, и сказал:

- Это что еще за дождь в июле?

Девчонка подняла голову и посмотрела на Легу, моргая от слез, а Лега тут же с готовностью во всю ширь улыбнулся ей. Однако Легин трюк из репертуара Деда Мороза не удался. Девчонка снова потупилась и тихонько залилась под музыку.

- Ой, не могу видеть такие страшные картины, - сказал Лещин. - Что тут происходит? Не успеешь оглянуться - ан, уже не все спокойно в Датском королевстве.

Лещинская подруга гладила плачущую по спине, повторяя с разными интонациями:

- Ну, не плачь... ну, перестань...

Ирина тоже села рядом, пытаясь заглянуть виновнице смуты в лицо, и спрашивала:

- Может, чем-нибудь помочь?

- Ага... помочь? - засуетился Огурец.

- Да ладно вам, - сказала Легина девчонка (хоть бы знать, как ее зовут, подумал я), - житейское дело. Сами не знаете, как бывает?

- Конечно, - сказал Лега. - Всякое бывает.

Однако по его физиономии было видно, что он ничего толком не понял.

- Бывает так, что и в ухо ни за что получишь, - помолчав, сказал он на всякий случай.

- Ага, - обрадовался Огурец. - Я же говорил, что я ни при чем.

Долговязая Легина подружка тем временем прошептала Ирине на ухо несколько слов.

- Гнусно! - сказала Ирина.

Лещин, разумеется, не мог допустить, чтобы туман тайны сгустился до такой невозможности.

- Безобразие, - сказал он. - Какое еще может быть житейское дело? Самое лучшее житейское дело - веселиться.

- Ничего ты не понимаешь, - сказала долговязая. - Неужели не догадываешься? Она пальцем поманила Легу; присев, он наклонил к ней свою роскошную шевелюру, из которой, словно месяц из тучи, выглядывало любопытное ухо. Я сделал значительное лицо, отстранил Огурца и тоже подсел к ним. Легина подружка никак не выразила своего неудовольствия, очевидно, она не привыкла делать секрета из чужих тайн.

Огурец воспользовался моментом и тут же сбежал. В этой истории его явно больше всего волновало свое алиби.

- Один парень сказал ей, - жутким шепотом сообщила долговязая, кивая в сторону своей рыдающей приятельницы, - сказал, что собирается жениться на ней. Обещал и клялся, вот... И потребовал, чтобы она... в общем... вы понимаете. Сказал, что она должна доказать любовь. А сегодня он вдруг заявил, что пошутил. Ясно?

- Ясно, - философски сказал Лега. - Вот до чего доводит преступное легкомыслие.

- А кто же этот герой? - спросил я.

- Не знаю, - сказала долговязая, делая круглые глаза. - Она не говорит.

Отказывается.

Можно было легко поверить, что это правда, на этом языке никакие сведения не залежались бы.

- Лега, - сказал я. - Надо узнать, кто этот мерзавец. Ты слышишь, Лега?

- Ага, - сказал он. - И что же потом?

- Не знаю... Надавать ему по шее.

- Прекрасное решение. Надавать по шее - и все будут довольны..

- Зато в следующий раз будет думать, прежде чем делать гадости.

- Думать, друг мой, - дар природы, его нельзя приобрести через мордобой, - сказал Лещин, и я заметил, что он успел уже порядочно выпить. - В Италии, например, к этому относятся проще.

- Вранье. К сволочам везде относятся одинаково.

- Ты прав. Но, как говорит Карлсон и вот это прекрасное создание (Лега притянул к себе долговязую и чмокнул в щеку), дело-то житейское.

- Житейское, - повторил я, скривив губы, но он не заметил и продолжал:

- Не только житейское, но и де-ли-кат-ное (это слово Лега сказал по слогам, не то, чтобы подчеркнуть особую деликатность, не то боялся запутаться в согласных). Таких историй тьма, друг мой. Ведь это уже было. Было и будет. Не однажды. Разве я не прав?.. Вот в Италии...

Я уже не слушал его болтовню. Это уже было, сказал Лега. Смешно, но это действительно уже было. Было однажды. Год назад в пансионате, где мы познакомились с Лерой. Так же падал снег за окном и косо летел мимо фонаря. Только фонарь был другой. И музыка другая. И народу кругом было меньше. И была плачущая девчонка, а другая, рыжая... да, рыжая, я хорошо помню - ее утешала. Я сказал тогда: "Ничего, все образуется", а она ответила мне... что же она ответила? Что-то резкое. Я пожал тогда плечами, почему же сейчас я раздуваю ноздри, как инквизитор?..

- Знаешь, Тимка, я отведу ее к себе.

Ирина стояла рядом, заглядывая мне в лицо.

- Я напою ее чаем, у меня ведь есть кипятильник.

- Ага, - сказал я. - Ладно. Это ты здорово придумала. А что ты ищешь?

Лега уже увел куда-то свою приятельницу, и мы остались у дивана одни.

Только я, Ирина и эта незадачливая девчонка.

- Я? Ищу? - спросила Ирина.

- Да. Ты оглядываешься, словно что-то потеряла.

- Понимаешь, - сказала она, - я почему-то не вижу Леру.

- Ну и что?

- Дело в том... - пробормотала она, - в общем... я однажды зашла к нам в номер, а с Лерой... кто-то был. Ужасно неудобно. А вдруг я зайду – а она опять не одна?

- В самом деле? - промямлил я, храбро встречая ее взгляд.

В сто двенадцатом тогда было темно, она вряд ли могла увидеть, что это был я. А может, это что-нибудь вроде проверки? Я подумал; что бы я сказал, услышав такое впервые?

- А-а... - сказал я. - Надо же! Действительно, неудобно.

Я посмотрел в толкучку танцующих. Леры не было видно. Может быть, она и в самом деле с кем-то ушла, и, возможно, опять в темноте блещет для кого-то ее фарфоровые глаза...

- Да нет, вон она, - сказала Ирина. - Во-он танцует. Мы пойдем, ладно?

- Я вас немного провожу.

Ирина кивнула.

Она взяла за руку девчонку, которая все сидела в той же позе на диване, и повела ее к двери, а я шел впереди и раздвигал публику. У дверей мы замешкались, потому что в комнату входили какие-то ребята и девчонки, и среди них магнитофонный Коля. Мы столкнулись с ним нос к носу.

- Ты куда это? - спросил он. - Подожди, сейчас мировую музыку поставлю. Из резерва.

Тут он увидел нашу спутницу и замолчал. Даже не просто замолчал, а словно рот ему с размаху заткнуло. Девчонка подняла глаза и тут же отвела их, но я мог бы поклясться, что какая-то невидимая искра проскочила между нею и Колей. Короткое замыкание двух взглядов. На какой-то миг я замер, но вдруг понял: это он! Он! Тот, кто обманул эту девчонку. Мерзавец, подлец! Он и Легу предал, не пришел к нему на помощь. Если он думает, что за его паршивый магнитофон ему должны всё прощать, то сейчас он крепко разочаруется в жизни. Я разобью всю музыку о его примитивный лоб.

- Что, знакомую встретил? - спросил я.

- Да так... вроде, - сказал он и хотел пройти, но я загородил ему дорогу.

- Так вроде или знакомую?

- Да что ты пристал! - сказал Коля, и те балбесы, что шли за ним, тоже зашумели, требуя, чтобы мы не толпились в дверях.

- А всё же, - знакомая она тебе, да? Знакомая? - напирал я на Колю плечом.

- Ты напился, отойди, - сказал этот подонок.

- Ой! Сейчас драка будет! - взвизгнули сзади. Ирина растерянно смотрела на нас, ничего не понимая. Какие-то руки хватили меня, как щупальца осьминога, а я отбрасывал их и кричал:

- Значит, знакомая, да?

Поднялась суета, во время которой меня оттащили в сторону, а Коля исчез, растаял, сгорел без дыма. Кто-то взъерошил мне волосы и произнес:

- Прямо итальянский темперамент. Карбонарий!

Я увидел, что Лега и Огурец уже здесь, и сказал:

- Лега, это ведь был сволочь-Коля. Это он девчонку обманул!

- С чего ты взял? - спросил Лега.

- Честное слово, ты погляди в его наглую рожу, и сам поймешь. Ты мне веришь?

- Верю, конечно, - сказал он. – О чем речь!

- Я ему весь магнитофон о голову расшибу, - сообщил я.

- М-да? - сказал Лега. - Ты думаешь, что это верный способ исправления людей?

- Лега, но ведь что-то нужно делать. Неужели ничего нельзя сделать?

- Сделать? - сказал Лега. - Ты и так много всего сделал.

В его словах мне послышался упрек. Неужели он сердится на меня из-за того, что я нарушил эту беззаботную благодать? А ведь как мы мечтали когда-то! А как же рассказы, добрые и милые рассказы, которые он писал?

Всё вокруг уже снова было по-прежнему. Крутилась Колина музыка, зрители разошлись танцевать, болтать, обниматься в темноте. Ирина тоже ушла с той девчонкой. Наверное, они уже в сто двенадцатом, собираются пить чай.

- А помнишь, Лега, в твоих рассказах...

Я сказал это и замолчал, потому что Лега все равно понял меня. Как прежде, он понимал меня без слов. А может, не совсем понимал уже?..

- В моих рассказах... - повторил Лега, и это был голос не того Леги, которого хорошо знали Огурец, Кулебястый и прочие; не того Леги, над которым всегда сияло голубое небо; это был голос, незнакомый даже мне.

- Я много напридумывал в моих рассказах, - сказал этот голос, и мне показалось, что он существует словно бы отдельно от Леги и принадлежит какому-то другому человеку. - Я столько напридумывал... Мы выпили слишком много вина, и нам показалось, что можно придумать жизнь... Как рассказ. Но жизнь не придумывается. Завтра ты проснешься и снова увидишь, что снега холодные, солнце яркое, а подлецы подлые.

Подошла какая-то девчонка и стала слушать. Лега посмотрел на нее и сказал:

- А красивые девушки останутся вечно красивыми.

Девчонка заулыбалась, а Лега взял ее за руку и повел танцевать. Но это все равно был уже не прежний блестящий Лега, искрящийся Лега, сверкающий Лега. Мне показалось, что он шел через силу, точно расталкивая невидимые льдины.

"Как жаль, Лега, что ты так думаешь", - хотел я сказать ему вслед, но не сказал. Было так шумно, что он, конечно, меня не услышал бы. Я стоял и смотрел, как он танцует, и как вьется за окном зима. Наверное, мы выпили действительно слишком много вина, потому что я в конце концов не выдержал и все-таки сказал, словно он еще был здесь, передо мной:

- Как жаль, Лега, что ты так думаешь.

12.

- Алло! Привет, Леонид!

- Привет, - сказал он. - Как дела?

- Да какие тут дела! - сказал я. - Вот уже собрался уезжать, скоро увидимся.

- Это хорошо, - сказал Леонид. - Вернее, ничего хорошего. То есть, хорошо, но не всё...

- Что-то ты путано говоришь, - заметил я с беспокойством.

- Да вот что, - оказал он, - слушай... Справочная отказалась заняться поисками Ирины Зайцевой. Прямо наотрез. Сказали, что фамилия слишком распространенная, а сведений достаточных нет. Вот негодяи, а?

- Ну что ж, спасибо за труды.

- Я тебя не очень огорчил? - спросил Леонид.

Как будто всё зависело от него!

- Да в общем не слишком огорчил. Понимаешь, обстановка, мне кажется, поменялась, пора выходить из подполья.

- Теперь я ничего не понял, - расстроено сказал Леонид.

- Ничего, Леонид, ты когда-нибудь поймешь, - утешил я его.

- Надеюсь, - сказал он.

- Ты помнишь, как мы загадывали желания на Новый год? - спросил я.

- Конечно помню.

- Ты знаешь, я сжег в тот вечер пустую бумажку.

- Ну и что?

- Так вот, теперь я знал бы, о чем просить Новый год.

- Я, кажется, что-то понял, - сказал Леонид.

В комнате у Кулебястого и Огурца на стуле стояла моя сумка с раздувшимися боками. Сегодня я уезжал. Я так решил. Так было надо.

- Ну что же... - сказал я Леге, который сидел тут же и глядел в какой-то журнал, подкручивая ус.

- Что? - спросил он.

Я достал из-под матраца Гамсуна и положил на стол. Никогда мне больше не спать на этом широком, прекрасном столе.

- "Прощайте, други, я уезжаю и шарабан свой вам оставляю!.." - пропел я не очень гладко.

- Через два дня мы тоже тронемся, - сказал Лещин равнодушным голосом. - Ученье, брат, свет. Стало быть, полетим к свету. Как мотыльки.

Я взял сумку и взвесил ее на руке. У меня к Леге была одна просьба, но вместо этого я почему-то взял сумку и сказал:

- Тяжелая...

- Автобус на станцию в четыре часа, - услужливо сообщил Лещин из-за распахнутого журнала.

- Ага...

- Лега, - сказал я через секунду очень медленно и почти торжественно, - ты хочешь оказать мне услугу?

- Какую же?

- Вымани на пять минут Леру из сто двенадцатого.

Лега опустил журнал и стал смотреть на меня, а его палец все крутил конец уса, словно в этом движении был секрет его мыслительного процесса.

- Ага. Ты хочешь с ней поговорить? - наконец предположил он, - Зачем же ее выманивать? Вы разругались?

- Лега, я... хочу поговорить с... другой.

Может быть, я краснел, а может - синел, бледнел, зеленел. Во всяком случае, Лега смотрел на меня, как будто перед ним был редкий экземпляр какой-нибудь саламандры.

- С Зайцем? - спросил он.

Я кивнул.

- Ты, наверное, хочешь и телефончик у нее сорвать?

- Хочу... - промямлил я.

- А Леру - на пенсию?

Лещин отбросил журнал и вскочил, словно вдруг обнаружил, что сел на пчелу. Очутившись возле стола, он постучал пальцем в беззащитного Гамсуна.

- *Этого* начитался?

Поскольку я молчал, Лега продолжил монолог:

- Знаешь, на что тебе даны глаза? Чтобы видеть и сравнивать. Ты их рядом видел, этих двух красоток? Лера - это же песня. Изольда. Роскошь. А Ирина...

- Зато она не корчит из себя золушку из романов Жапризо! - в запальчивости сказал я.

- Ах, ах, из романов Жапризо! - иронично ахнул Лещин.

- Да, представь себе.

- Ха-ха! - сказал Лега хорошо поставленным баритоном. - "Ты лучше б быть могла, но лучше так, как есть".

- Ну да, - сказал я. - Верно. А кто это сказал?

- Неважно. В данном случае я.

- Ты, Лега, выступаешь с позиций господ бога. И вообще... ты судишь поверхностно.

- Да! - крикнул он. - Правильно. Истэблишмент, красота, изящество, паблисити! А ты как думал?

Тут меня осенило.

- Послушай, Лега, а какое тебе, собственно, дело до моих увлечений?

Глаза у Леги завертелись, забуксовали; сначала - я уверен - он хотел сказать что-нибудь вроде: "Кому же как не мне учить вас, молокососов", но потом понял, что меня не стоит дразнить. Все-таки мы были друзьями.

Он махнул рукой.

- Шут с тобой. Веди.

Мы вышли из комнаты и тут же наткнулись на Андрюху Кулебястого. Он был весь какой-то потерянный, взгляд его беспомощно блуждал, пока не устремился с надеждой на излучающего уверенность Лещина.

- Ну, как наши дела? - участливо спросил Лега.

В сумрачных Андрюхиных глазах заплескалось бурное море, и он выдавил:

- Средне...

- Неплохо, неплохо, - сказал Лещин и похлопал Кулебястого по вялой спине. - Ты прекрасно выглядишь. Орел, богатырь! Иди, отдохни, а позже - снова в бой.

Мы двинулись дальше, и Лега сказал:

- Еще один бедняга. Вроде тебя. Тоже втрескался. Ты знаешь?

- Ага. Парень бьется головой об стенку, а она его, похоже, водит за нос, благо нос большой, видал?

Мы немного посмеялись.

- Он считает, что есть какие-то чудесные секреты для покорения женских сердец, - сказал Лега с ухмылкой. - И уверен, что я этими секретами владею. В общем, военный советник Лещин. Он всё ищет волшебное слово, хотя еще в школе на уроках физики должен был понять, что чудес не бывает.

Я кивнул, да, мол, знаю, чудес не бывает, чудака этот Кулебястый.

- Мне рассказывали, - продолжал Лега, - историю про одного телепата. К нему в гости пришла девушка. Он угощал её, развлекал, а потом возьми да и подумай: хорошо бы увидеть её голой. И вдруг - хлоп! - она начинает раздеваться. Раздевалась, раздевалась - и разделась до нитки. Но когда он протянул руки, чтобы ее обнять, она стала отбиваться и расквасила ему нос. Так что, как видишь, даже телепатам не подвластен тот секрет, который от меня требует Андрюха.

Я засмеялся, и Лещин прибавил:

- Ну, слава богу. Я ведь всё это рассказал, чтобы проверить, не совсем ли ты еще сдвинулся на почве любовной лихорадки.

Мы подошли к 112-му номеру и я взглянул на часы.. Было десять минут второго. Я показал Леге ногтем на циферблате: хотя бы пять минут. Лега кивнул. Подбрав полы пиджака, чтобы не звенели в карманах деньги, я проскользнул мимо сто двенадцатого и, завернув за угол, прижался спиной и затылком к шершавой стене, снова в уме перебирая все то, что хотел сказать. Я слышал, как Лега постучал, потом открыл дверь и позвал:

- Кунигундочка, можно тебя на минуту?

"Ну иди же, иди!.." - горячо молился я за углом. Мне показалось, что прошла целая вечность, пока они вышла, а ведь раньше я смеялся, когда читал такое в книгах. Наконец, они с Легой ушли наверх. Я, как безумный, выскочил из-за угла. В голове у меня - что-то вроде винегрета, но рука сама, по запрограммированному плану, поднимается и стучит, когда я оказываюсь перед сто двенадцатым.

- Войдите!

Её голос!

Я вхожу.

Ирина сидит на диване и читает "Вокруг света". Увидев меня, она говорит:

- А Леры нет. Только что приходил Олег и увел ее куда-то.

Что я должен сказать? По плану что-то вроде: "Ну и хорошо, она-то мне как раз и не нужна!" Но вместо этого я вдруг бормочу каким-то не своим голосом:

- Это ерунда...

- Да ты подожди немного, - говорит Ирина, снова погружаясь в журнал. -

Садись.

Я киваю, но иду почему-то к столу, потом обратно. Внутри меня словно крутится огромный маховик, который не дает мне двигаться спокойно. Наконец я сажусь.

- Это "Вокруг света"? - спрашиваю я глупейшим образом, кивая на журнал.

- Да, - говорит она, и я снова киваю, хотя знаю, что это "Вокруг света", прямо-таки до головной боли знаю.

Я зачем-то гляжу на часы. Черт возьми! Да что это со мной?

Я встаю.

- Собственно, я зашел попрощаться. Сегодня вечером я уезжаю.

Голос, похоже, возвращается ко мне, и маховик внутри, вроде, вертится тише.

- Пока, Ирина, - говорю я.

- Счастливо, - говорит она, откладывая журнал.

Очевидно, что-то необычайное написано у меня на лице или что-то так и носится в воздухе, и она тоже как-то странно смотрит на меня.

- Ну ладно, - говорю я быстро. - Значит, уезжаю... Пока... Только скажи мне свой телефон.

Я открываю свою записную книжку и щелкаю ручкой. Ирина, почти не мигая, смотрит на меня.

- Телефон! - рычу я.

- Ага, - тихо говорит она.

И она диктует мне свой телефон.

Какое облегчение!

- Извини, Ирина, пожалуйста. Извини меня. Боюсь, Лега не подарит мне больше ни секунды.

Она улыбается. Наверное, поняла.

Я выхожу, мчусь по коридору, но на полпути останавливаюсь, возвращаюсь, и, открыв дверь, снова сую в нее голову:

- Только, прошу тебя, никому ни слова!

Она кивает.

А я уже снова мчусь прочь на огромных крыльях.

Потом меня провожали.

Мы пошли в бар - Лега, я, Лера с Ириной и Андрюха Кулебястый. Мы взяли лимонаду и уселись под нарисованной на стене огромной пивной кружкой, из которой вырывались клубы пушечного дыма, что должно было изображать пену. Потом Кулебястый купил эклеров для дам. Эклеры пекли тут же, на кухне, и они были совсем еще теплые. Теплые, как котятка, пошутил Лещин. Наконец, мой час пробил. Мы вышли на улицу; Лега тащил мою сумку. Мы начали прощаться, и я опять спел:

- «Прощайте, други!..»

- Не так, - сказал Лещин, когда я допел, - неправильно. В последней строчке надо так: "Я все долги вам свои прощаю".

В общем, всем было весело.

Я пожал руку Андрюхе и Ирине. Когда я держал в ладони ее узкие пальцы, мы посмотрели друг другу в глаза, понимая, что нас связывает уже нечто большее, чем простое знакомство.

И никто-никто больше не догадывался об этом, кроме Леги, разумеется. Мы были словно Нельсон и леди Гамильтон. Даже было захватывающее чувство тайны и повеяло романами старины Дюма.

Потом я обнял Леру и поцеловал ее в щеку. Я был к ней очень внимателен в эту минуту, словно вдруг вспомнил, что сделали вакханки с Орфеем, отвергшим их любовь.

Гудок. Это автобус. Подхватив сумку, я поднялся в узкую дверь. Автобус тронулся, и я помахал в окно. Оранжевое зимнее солнце летело над снежными полями вместе со мной. Странная, необъяснимая сила вдруг ударила в грудь. Сначала я даже

растерялся: отчего это? Но потом подумал, что я ведь не просто еду, а еду с заветным телефонным номером, еду к Леониду, к другим друзьям, к Сереге Укаеву, с которым так и не успел подружиться, еду к новым встречам, в неведомое, но, наверное, прекрасное будущее.

13.

Писатель всемогущ.

Он придумывает людей ярких, как молния; он придумывает людей подлых, как Иуда. Волшебные лисы и зайцы живут в его столе.

Писатель всемогущ.

Он строит и разрушает. Он возносит и низвергает. Он решает: погубить ли героя или сделать его министром. А, сделав министром, не посадить ли в тюрьму?

Писатель всемогущ.

Он открывает нам такое, о чем мы и не подозревали, загнанные в скучный ритм будничной суеты. Он помогает нам понять свое величие, но подчас - ничтожество. Он пробуждает смех и вытягивает слезы.

Писатель всемогущ.

Он делает себя героем: славным, тонким, добрым, гордым и красивым, а своих врагов беспощадно пронзает отточенным пером и, как подстреленные, они беспомощно падают в грязь. Я тоже, рассказывая вам все это, попытался сплести себе веночек попышнее, сдуть кое-какие пылинки, кое-какие складки расправить. Чтобы все сказали: какой милый парень! Но теперь, перебирая эти листки, я вижу, что у меня все равно не получился тот портрет, о котором я мечтал. Сквозь краски, которые я так старательно накладывал, упрямо проступает лицо человека, с которым вы, наверное, готовы спорить и которого временами даже готовы презирать. И я с грустью думаю, что так и не сумел заставить вас полюбить меня.

Наверное, это потому, что я все-таки не настоящий писатель.

14.

Я прогнал все вещи из комнаты, и они ушли.

Ушел письменный стол, а вместо него явился конь Дормидонт, который привез славного Дона Дилидона. Дормидонт встал в углу, жевал цветы, что вдруг поднялись на ковре, и тряс гривой.

Ушли шкафы, а вместо них, толкаясь квадратными плечами, встал ряд пиратов, готовых штурмовать Картахену. Я видел, как они блестили оружием и, шурясь, смотрели на электрическое солнце под потолком, разгадывая погоду. Ветер, влетев в окно, надул паруса из лучшего гардинного полотна (меж ними небесной полосой сверкнуло море) - и паркетная палуба ощутила движение: ведь швартовы уже были отданы.

Кругом сразу же встала стена моря - до самого горизонта. Это была та стена, о которой писал Александр Грин, стена, которая закрывает весь мир, когда человек, помечтав, берется за карандаш. Эта стена бесконечно прочна. Пусть всюду светит самое яркое солнце - за нею день обращается в ночь, а ночь - в розовый закат, и ничто не в силах помешать этому нарушению всех законов природного течения времени. Сверкающие снега укрываются за этой стеной и тропические степи, полные обезьян и носорогов, без боязни соседствуют с ними. Капитан Гатеррас, Винни Пух и Робинзон Крузо каждый день встречаются здесь возле старой мельницы с поверженным Дон Кихотом.

Однако эта прочная стена боится самых безобидных на первый взгляд вещей. Звон упавшей в кухне кастрюли, перебранка, долетевшая с улицы, пробивают в ней вдруг широкие бреши, и могучая стена неслышно рушится. Огромный реальный мир возвращается и ликует на все голоса большого города, когда ему удастся отвоевать обратно крошечный островок, на минуту захваченный воображением...

Но пока я плыл.

Перед моим взглядом перспектива комнаты разворачивалась, открывая простор коварного Карибского моря. Вымпелы, паруса, карронады, плюмажи, перевязи, бомбрам-рея, каррамба...

- Каррамба! - говорит Леччино Деревянный Лоб.

Леччино - отчаянный малый с угольными усами и двумя зубами впереди, как у зайца. Я плавал с ним не раз. Это его абордажная сабля проламывает испанские кирасы, как хрупкие панцири древесных жучков. Он не боится ничего, кроме виселицы. Но эта экспедиция ему не нравится.

- Каррамба, - говорит он. - Доннерветер. У меня плохие предчувствия, сэр. У меня с утра чешется левый глаз (тот, что скрыт под черной повязкой). Вы слышите меня, сэр?

- Да, - отвечаю я, очнувшись, и шаркаю отставшей подошвой ботфорта. - Взгляни, Леччино, что это там на горизонте?

- Каррамба! - кричит Деревянный Лоб. - Полундра! Это испанцы!

На наше славное судно надвигается страшный галеон. На его носу сам жестокий адмирал Валерио Кунигунидо. Он размахивает зажженным фитилем и рычит по-испански:

- Утопить этих мерзавцев и взять живым их глупого капитана!

Десять... нет, двадцать кораблей уже приготовили для нас тысячу пушек; из их непроглядных жерл тысячьоу глаз лихо подмигивает смерть. Залп! Грохот орудий заглушает скорбные крики разорванных в клочки пиратов. Где ты, Деревянный Лоб? Где твои угольные усы?.. Палуба лопается, как фарфоровая чашка. Дым от вражеской пальбы застилает глаза и застывает в них - плотный дым с горьким привкусом неудачи.

- Bravo! - кричит жестокий адмирал Валерио, прикуривая от мушкетного фитиля черную, дьявольски крепкую сигару.

Он хохочет, но лицо его кривится, расплывается, и пробежавшая волна смывает его. Ах - это море?.. Но что же это за голоса, что за тихое симфоническое пение? Так это небо!

- Сэр, мы ускользнули из их грязных лап, - говорит мне Деревянный Лоб и, отдуваясь, выдергивает весла из воды.

Я оглядываюсь. Вверх-вниз! - командует море лодке.

- Вперед! - рычит Леччино.

Весла выгибаются, как ноги кавалериста - разумеется, испанского королевского кавалериста, пьяницы и нюхателя дешевого табака.

- Вы ранены, сэр! - кричит Деревянный Лоб. - Злая картечь опалила вам сердце!

Я издаю стон бессильной ярости, хватаясь за грязный (насколько необходимо) узел с пятнами крови, ставший моим плечом.

- Но мы спасем вашего верного ботмана по прозвищу Храбрый Заяц, - хрипит славный Леччино, последним усилием бросая себя на весла.

- Спасем... - благодарно шепчу я и щурюсь, словно меня ослепило солнце. - Спасем... О боги!.. - и над морем вырастают стены Картахены...

Стены вырастают, и тут же падают, срезанные телефонной очередью. Голубые дали стремительно расплзаются, лопаются, словно мыльная пленка, и в центре Вселенной победителем остается стоять лишь дребезжащий телефон.

- Ты понимаешь, что ты наделал? - сказал я ему, бросая карандаш. - Ты разрушил целый мир! Такой интересный, симпатичный мир. Ты варвар!..

Я высказал все, что думаю о телефонах, и только после этого снял трубку.

- Алло!

- Тимка...

- А-а... это ты. Здравствуй.

- Почему ты так долго не подходил?

Я подумал, сколько их уже было - этих звонков. Страшно много. Просто тьма звонков! И сколько было встреч и расставаний, и прощаний навсегда, и глупых, мучительных сцен... Сколько напрасно, невозвратно потеряно драгоценных, ну просто золотых минут и часов, и сколько бы я мог всего совершить, если бы они вдруг вернулись и повернули мое время назад! Я прошел бы уйму новых дорог, написал бы какое-нибудь знаменательное произведение, совершил бы кучу умных дел, я бы... Что еще? Ну да, я даже все экзамены сдавал бы только на отлично. Как Леонид...

- Почему ты так долго не подходил? - снова спросила Лера. - И почему ты молчишь?

- Я... не слышал звонка... Телевизор был громко включен.

- Получше ты ничего не мог придумать? - ехидно говорит она.

- Лера... если ты хочешь, я ничего больше не буду придумывать, - почти шепчу я и тут же слышу в ответ неизбежное:

- Значит, прежде ты всё придумывал?

- Нет, - говорю я все тем же, еле тлеющим голосом. - Я не придумывал... Я... я не хотел придумывать... Так получалось. Я ничего не мог поделывать. Все шло как-то... само. Само, ты слышишь, само... даже придумывалось само.

Чуть помолчав, она произносит:

- Все понятно... Я это подозревала. Где только были мои слепые глаза!

- Что ты, Лера! - бурно протестую я. - У тебя прекрасные глаза! У тебя самые замечательные глаза! Большие и страшно красивые.

Она смеется. Неужели она смеется?

- Бедняжка! - говорит она, смеясь. - Крепко же тебя прихватило!

- Лера, значит... ты не... сердисься?

- Да нет, - отвечает она, - Конечно, твой коварный обман заслуживает того, чтобы я сердилась, но... В общем, живи и радуйся.

Потом она говорит:

- И что ты в ней нашел? Честное слово, я не понимаю. Один нос чего стоит - как у Буратино.

- Ничего подобного, - защищаюсь я. - Обычный не совсем удачный нос.

- А впрочем - дело вкуса, - продолжает она, словно не слыша моих слов. - Если так рассуждать - то что я-то в тебе нашла? Господи! Ну что? Весь худой какой-то...

- Не то слово - худой, - радостно подхватываю я, - даже какой-то угловатый...

- Глаза - как две точки, - продолжает Лера капризным голосом.

- Верно, ужасно невыразительные глаза!

- Волосы так и торчат в разные стороны.

- Законченная образина! - вздыхаю я.

- Послушай, - говорит она подозрительным тоном. - Может быть, ты и обо мне теперь такого же невысокого мнения?

- Лера, - проникновенно говорю я в трубку, - ты самая красивая девушка, которую я когда-либо встречал. Ты - фея.

- Ну то-то. Хоть тут ты не солгал.

- Послушай, - говорю я, все еще отказываясь верить своему счастью, - значит у тебя ко мне нет никаких... претензий? Совсем никаких?

- Успокойся, - отвечает Лера, - неужели ты еще не понял? Конечно, никаких. К тому же я тут в Новый год познакомилась с...

- ...С одним мальчиком, - подсказываю я, и мы оба весело смеемся.

- А у тебя - тоже нет претензий? - спрашивает она.

- Абсолютно.

- Значит, так ничего и не осталось?

- Осталась пееесня в чаааас ночноооой... - фальшиво пропел я, и мы снова хихикаем, как ненормальные.

- Но ты не забывай меня, Тимка, - говорит Лера. - Звони.

- Ага, - соглашаюсь я. - Буду звонить. Хочешь - каждую неделю? А в день рождения буду посылать тебе открытки. И цветы.
- Нет, - говорит она и даже вздыхает. - Цветы не надо, а то мне станет грустно. Мы ведь так долго были знакомы, верно?
- Ужасно долго!
- Все-таки, хорошо, что мы повстречались, правда?
- Очень хорошо, что мы повстречались. Нам было иногда чертовски здорово...
- Какая мерзавка эта судьба... - говорит она голосом утомленного солнца, прощающегося с морем.
- Да. Старая, коварная мерзавка...

Когда мы кончили разговаривать и расстались как старые, добрые друзья, я встал и подошел к окну. Поздний трамвай вползал на мост, печально светя желтыми окнами. Ночь. Только издалека, сквозь первозданный мрак и холод пространства сияла мне одинокая точка-звезда.

- Вот и все, - сказал я ей. - Одна глава окончена, и довольно удачно.

Я взял со стола ту ерунду, что сочинял перед этим, скомкал листок и бросил в корзину. Потом я сочувствовал, что вокруг меня словно летают какие-то слова. Это были не те прежние, придуманные слова, к которым я привык, они рождались словно прямо из воздуха, из ночных огней, может быть, из света той одинокой звезды, что блестела в окне. Или они были здесь, со мной всегда, но я просто не замечал их?.. Слова роились, кружились... Целое море слов! Мне оставалось лишь выбрать самые нужные.

Когда слов набралось достаточно, я сел к столу, взял карандаш и начал писать: "Когда я умру, я хочу оставить после себя хорошую музыку. Только хорошую музыку и ничего больше..."

15.

Белые лампы медленно проплывали в черном тоннельном мраке за стеклом; вагон метро покачивался и гремел. Густой толпой меня прижало к самым дверям, потому что час был для московского времени самый напряженный: конец рабочего дня.

Я ехал на свидание. На "Калининскую". Ирина сказала, что так будет честнее - встретиться где-то на полпути, чтобы каждый проехал свою долю.

Вагон качался.

Интересно, такая же она, как в пансионате, или здесь, в Москве, покажется мне другой? Что я скажу ей, когда увижу? "Знаешь, я бросил курить. Сегодня перед тем, как спуститься в метро, я выкурил сигарету и поклялся себе, что она последняя". Она, наверное, пожмет плечами и выслушает равнодушно эти слова. Она не догадается, что это, может быть, моя первая великая победа над самим собой, и первая жертва в честь нашей с ней будущей истории. Еще я скажу ей, что читал ее "Тибо", но что Гамсун все-таки гораздо лучше. Хотя, наверное, я не скажу ей это сразу, а когда-нибудь потом. Но я все равно скажу это, чтобы между нами не было никакого тумана, я не хочу, чтобы был туман. Даже самый легкий, почти незаметный.

Но кое о чем я все-таки ей не расскажу. О волшебнике и предателе Гамсуне, о Леге и его рассказах... Я не расскажу ей об этом, потому что сам пока многого не понимаю. Как иногда сложно кое в чем разобраться! Никогда бы не подумал, что это так утомительно и тяжело... Где же эта дурацкая "Калининская"? И почему метро так медленно ползет? Как слеза по небритой щеке, сказал бы Лега.

Но вот поезд наконец вырвался из черной пасти туннеля – и за окном замелькала пестрая толпа жаждущих поскорее уехать с "Калининской".

Вагон катился все дальше, в самый конец платформы. Вагон останавливался - и вместе с ним останавливалось мое сердце. Но вдруг оно снова заколотилось: я увидел ее.

Вагон, качнувшись, остановился, двери с шипением разошлись, и людская пружина толкнула меня навстречу знакомому облаку волос. Я сделал первый шаг и внезапно... Нет, не может быть! Внезапно я услышал, как внутри меня словно запела скрипка... Много скрипок. Странная мелодия росла с каждым шагом, и когда наши руки встретились, это уже была настоящая музыка, похожая на ту, о которой я мечтал.
Моя музыка?

КОНЕЦ